

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: “Financial University”

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

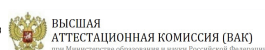
Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 9, No. 6, 2019

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета – **М.А. Эскиндаров**,
доктор экономических наук, профессор,
ректор Финансового университета,
академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, декан Международного финансового факультета Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

В.Д. Нечаев, доктор политических наук, профессор, ректор Севастопольского государственного университета;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

Р.М. Нуреев, д-р экон. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

С.Н. Сильвестров, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета;

В.С. Степин, доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик-секретарь секции философии, политологии, социологии, психологии и права РАН;

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета «Социология и политология» Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **А.Б. Шатилов**,
кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социологии и политологии Финансового университета

Заместитель главного редактора – **А.Г. Тюриков**,
доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета;

Заместитель главного редактора – **Я.А. Пляйс**, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Департамента страхования и экономики социальной сферы Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социологии и политологии по учебной работе и международным связям Финансового университета;

Н.А. Ореховская, доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента социологии Финансового университета

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента экономической теории Финансового университета;

Д.В. Петросяни, кандидат экономических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

Е.Е. Письменная, доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

С.В. Распоргуев, доктор политических наук, профессор, заместитель руководителя по учебно-методической работе Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

П.Б. Салин, кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований Финансового университета;

П.С. Селезнев, доктор политических наук, заместитель первого проректора по работе с органами власти и региональному развитию Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, проректор Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности Факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Е.В. Астахова, доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (Украина)

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай)

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия)

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания)

Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия)

Д. Кьеза, итальянский журналист и политический деятель, депутат Европарламента (2004–2009) (Италия)

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США)

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан)

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония)

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан)

Д.Е. Сорокин, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Финансового университета, член-корреспондент РАН (Россия)

Ж.-Л. Трюэль, доктор наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция)

К. Уилкокс, доктор наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США)

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – **M.A. Eskindarov**,
Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University,
Academician of the Russian Academy of Education;

S.V. Alekseev, Doctor of History, professor of Department
of history and historical archive science of Moscow State
Institute of Culture, the Chairman of Historical and Educational
Society "The Guardian";

A.N. Arinin, Doctor of Political Science, Director
of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the
State Duma of the first (1993–1995) and second (1995–1999)
convocations;

A.I. Il'inskiy, Doctor of Engineering, Professor, Dean
of the International Financial faculty, Financial University;

F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium of the Foreign and
Defense Policy Council (SWAP), Editor in chief of the magazine
"Russia in Global Affairs";

V.D. Nechayev, Doctor of Political Sciences, Professor,
Rector of Sevastopol State University;

I.Y. Novitsky, deputy of the Moscow City Duma (1993–2014),
Head of "State and Municipal Management" Chair, International
University in Moscow;

R.M. Nureyev, Doctor of Economics, Professor, Science
and Research Coordinator of the Economic Theory Chair of the
Financial University;

A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics, Professor,
Deputy Director of the Institute of the Far East, the Russian
Academy of Science;

S.N. Silvestrov, Doctor of Economics, Professor, Director of the
Institute of Economic Policy problems of economic security,
Financial University;

V.S. Stepin, Doctor of Philosophy, Professor, Full member of
the Russian Academy of Science, Academician-Secretary of the
Section of philosophy, political science, sociology, psychology
and law, the Russian Academy of Science;

V.V. Fedorov, Cand. Sci. in Political Science, Director General
of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM),
the supervisor of the faculty "Sociology and Political Science",
Financial University;

V.G. Fedotova, Doctor of Philosophy, Professor,
Chief researcher at the Institute of Philosophy of the Russian
Academy of Science;

V.F. Schreider, Doctor of Political Sciences, deputy of the State
Duma of the VI convocation from the "United Russia", a member
of the State Duma committee on the Federal structure and Local
Government, a member of the International Academy of Social
Science

EDITORIAL COUNCIL

Editor in Chief – **A.B. Shatilov**,
Cand. Sci. in Political Science,
Professor, Dean of the "Sociology and Political Science" Faculty,
Financial University;

Deputy Editor – **A.G. Tjurikov**, Doctor of Social Science, Head
of Department of sociology, Financial University;

Deputy Editor – **Y.A. Pleis**, Doctor of History, Doctor of Political
Sciences, Professor of the Department of Political Science and mass
media, Financial University;

S. Ju. Belokonev, Cand. Sci. in Political Science, Associate Professor,
Head of Department of political science, Financial University;

A.N. Zubets, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher
of the Department of Insurance and Economy of Social Sphere,
Financial University;

V.V. Kaftan, Doctor in Philosophy, Professor at Department of Political
Science, Financial University;

V.A. Lapshov, Doctor of Social Science, Professor Head of the
"Sociology" Chair of Moscow State Linguistic University;

D.Z. Muzashvili, Cand. Sci. in Philosophy, Associate Professor,
"Sociology and Political Science" Faculty, Financial University;

N.A. Orekhovskaya, Doctor of Philosophy, Professor, the deputy
manager of Department of sociology on education and methodical
work, Financial University

A.V. Pachkalov, Cand. Sci. in History, Associate professor, Deputy Head
of Department of the economic theory, Financial University;

D.V. Petrosyants, Cand. Sci. in Economics, Associate Professor,
Department of Political Science and Mass Communications, Financial
University, Moscow, Russia;

E.E. Pismennaya, Doctor of Social Science, Professor of Department
of sociology, Financial University;

S.V. Rastorguev, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy head
of educational and methodical work of the Department of Political
Science and mass media, Financial University;

P.B. Salin, Cand. Sci. (Law), director of the Center for Political Studies,
Financial University;

P.S. Seleznev, Doctor of Political Sciences, Deputy first vice rector for
work with authorities and regional development, Financial University;

G.G. Sillaste, Doctor in Philosophy, Professor of Department
of sociology, Financial University;

K.V. Simonov, Cand. Sci. in Political Science, Associate Professor,
the vice-rector Financial University;

A.A. Troshin, Cand. Sci. in Philosophy, Deputy Dean
for master's degree and career guidance of the "Sociology and
Political Science" Faculty, Financial University

EDITORIAL COUNCIL

E.V. Astakhova, Doctor of History, Professor, Rector
of Kharkov University for Humanities "People's Ukrainian Academy"
(Ukraine)

D. Baychun, Doctor, Professor of Beijing Pedagogical University,
director of the Cultural Center of the Sino-Russian
Relations (China)

N.M. Dolgoplov, deputy editor of the "Russian Newspaper", a member
of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of
Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers'
organizations (Russia)

T.M. Calvo Martinez, Doctor, Professor, Director of the Paris
International Institute of Philosophy (Spain)

R. Krumm, director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert
Foundation (Russia)

D. Chiesa, Italian journalist and politician, member of the European
Parliament (2004–2009) (Italy)

B. McBride, Doctor, professor, president of the International
Federation of Philosophical Societies (USA)

I. Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the
Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy
of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan)

K. Matsuzato, Doctor of Law, Department of Law and Politics,
University of Tokyo (Japan)

A.N. Nysanbaev, Doctor, Professor, Full member of the Academy
of Sciences of Kazakhstan, Director of Science, Institute of Philosophy,
Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan)

D.E. Sorokin, Doctor of Economics, Professor, Science and Research
Coordinator Financial University, Corresponding member of the
Russian Academy of Sciences (Russia)

J.-L. Truelle, Doctor, a consultant for the development
of international relations between Russia and CIS countries,
Vice-President of the Association of economists
"Le Cercle Kondratieff"; professor of the University of Paris-12
(France)

C. Wilcox, Professor, Department of Government, Georgetown
University, Washington, D.C. U.S.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ:

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Большунов А.Я., Большунова С.А., Тюриков А.Г.</i> Межкультурная коммуникация: вызовы глобальной трансформации жизненных миров	6
<i>Шатилов А.Б.</i> Академическая мобильность иностранных студентов гуманитарных и обществоведческих направлений в рамках политики «мягкой силы» Российской Федерации»	10
<i>Салин П.Б., Юшков И.В.</i> Советский опыт работы с иностранными студентами: геополитический аспект.	14
<i>Митрахович С.П.</i> Европеизация и модернизация дискурса гражданского общества и политических партий	18
<i>Махмутова Е.В.</i> Анализ опыта работы с иностранными студентами в России и Китае	24
<i>Осинина Д.Д.</i> Отечественный и зарубежный подходы к работе со студентами-иностранцами: «кадровый резерв» VS «мягкой силы».	30
<i>Ярмак О.В., Цепкова А.С., Лысенко Е.А., Калинин И.Л.</i> Информационные потоки крымского и украинского сегментов интернета: контент-анализ сообщений сетей facebook и ВКонтакте	38

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Кузнецов А.В.</i> Экономическая устойчивость России в условиях технологических трансформаций	45
<i>Ядгаров Я.С., Сидоров В.А., Соболев Э.В.</i> Векторы развития современного рыночного хозяйства	53
<i>Шашкин П.А.</i> Институциональные особенности гражданской службы неовебериянского государства (Neo-Weberian State) в механизме управления современной военной организацией.	62
<i>Толкачев С.А., Комолов О.О.</i> Государственная политика поддержки обрабатывающих отраслей промышленности России в условиях международных санкций	72

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Аликперова Н.В., Проскура М.А.</i> Формирование моделей страхового поведения столичной молодежи	82
<i>Назарова Н.А., Антонович С.А.</i> Развитие института лидерства в научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях современной России	90
<i>Родионова М.Е.</i> Динамика отношений двустороннего сотрудничества России и Болгарии на современном этапе.	95
<i>Пырма Р.В.</i> Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети.	100
<i>Мельничук М.В., Климова И.И.</i> Манипулятивные средства языка в рекламном дискурсе финансовых компаний	111
<i>Мирзаян Г.В.</i> Российско-китайские отношения: временные попутчики или антиамериканская Антанта?	116
<i>Захцер Е.М.</i> Обучение английскому как иностранному. Составные существительные	125
<i>Максимова О.И.</i> Использование анкетирования студентов, обучающихся по направлению «социология», на занятиях по английскому языку	133

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Пылова О.А.</i> Ирредентизм Венгрии, Польши и Румынии на Западной Украине в контексте языковой политики Киева	138
<i>Мухаметов Д.Р.</i> Технологии big data в политических процессах: возможности и риски	143
<i>Синицына В.В.</i> Формирование и развитие концепции человеческого потенциала	150
<i>Карлаков В.С.</i> Современные политико-экономические вызовы национальной безопасности Российской Федерации	156
Содержание журнала «Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета» за 2019 год.	161

CONTENTS

COVER STORY: INTERCULTURAL COMMUNICATION:
SOCIO-POLITICAL, INFORMATIONAL AND EDUCATIONAL ASPECTS

- Bolshunov A. Ya., Bolshunova S.A., Tyurikov A.G.** Intercultural Communication: Challenges of Global Transformation of Lifeworld. 6
- Shatilov A.B.** Academic Mobility of Foreign Students in Humanities and Social Studies as a Component of the “Soft Power” Policy of the Russian Federation. 10
- Salin P.B., Yushkov I.V.** The Soviet Experience with International Students: the Geopolitical Aspect. 14
- Mitrakhovich S.P.** Europeanization and Modernization of the Discourse of Civil Society and Political Parties. 18
- Makhmutova E.V.** Analysis of Work Experience with International Students in Russia and China. 24
- Osinina D.D.** Domestic and Foreign Approaches to Working with Foreign Students: “Personnel Reserve” vs “Soft Power”. 30
- Yarmak O.V., Tsepkova A.S., Lysenko E.A., Kalinskaya I.L.** Information Flows of the Crimean and Ukrainian Segments of the Internet: Content Analysis of Messages in Social Networks Facebook and VKontakte. 38

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

- Kuznetsov A.V.** Economic Sustainability of Russia under the Conditions of Technological Transformations. 45
- Yadgarov Ya. S., Sidorov V.A., Sobolev E.V.** Vectors of Development of the Modern Market Economy. 53
- Shashkin P.A.** Institutional Features of the Neo-Weberian State Civil Service in the Mechanism of Management of Modern Military Organization. 62
- Tolkachev S.A., Komolov O.O.** State Policy to Support Manufacturing Industries of Russia under International Sanctions. 72

CURRENT SOCIO-POLITICAL AND HUMANITARIAN RESEARCH

- Alikperova N.V., Proskura M.A.** The Formation of Models of the Insurance Conduct of the Moscow Youth. 82
- Nazarova N.A., Antonovich S.A.** The Development of the Leadership Institution in the Scientific, Technical, and Fundamental Research Sectors in Modern Russia. . . 90
- Rodionova M.E.** Dynamics of Bilateral Cooperation between Russia and Bulgaria at the Present Stage. 95
- Pyrma R.V.** Protest Moods of Russian Youth in a Digital Network. 100
- Melnichuk M.V., Klimova I.I.** Means of Verbal Manipulation in Advertising Discourse of Financial Companies. 111
- Mirzayan G.V.** Russian-Chinese Relations: Temporary Companions or Anti-American Entente?. 116
- Zakhtser E.M.** An Introduction to Teaching English Compound Nouns in EFL. 125
- Maksimova O.I.** The Use of the Questionnaire Surveys for Students of Sociology Learning English Language. 133

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Pylova O.A.** Irredentism of Hungary, Poland and Romania in Western Ukraine in the Context of Language Policy of Kyiv. 138
- Mukhametov D.R.** Big Data Technologies in Political Processes: Risks and Opportunities. 143
- Sinitsyna V.V.** Formation and Development of the Human Potential Conception. . . 150
- Karlakov V.S.** Current Political and Economic Challenges to the National Security of the Russian Federation. 156
- Bulletin Of The Financial University” for 2019. 161

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 9, № 6 (42), 2019

Главный редактор –
А.Б. Шатилов
Заведующий редакцией
научных журналов –
В.А. Шадрин
Выпускающий редактор –
Ю.М. Анютина
Корректоры – **С.Ф. Михайлова,**
Е.В. Маурина
Верстка – **С.М. Ветров**
Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:
125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки
в редакции
по тел.: **8 (499) 943-94-31,**
e-mail: MMKorigova@fa.ru;
Коригова М.М.

Подписано в печать 19.12.2019
Формат 60 x 84 1/8.
Объем 19,3 усл.п. л.
Заказ № 1189
Отпечатано в Отделе
полиграфии
Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)
© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**
Head of Scientific Journals
Editorial Department –
V.A. Shadrin
Managing editor –
Yu.M. Anyutina
Proofreaders – **S.F. Mihaylova,**
E.V. Maurina
Design, make up – **S.M. Vetrov**
Translator – **Z. Mierzva**

Editorial address:
53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993
tel.: **+7 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office
tel.: +7 (499) 943-94-31
e-mail: MMKorigova@fa.ru

Signed for press on 19.12.2019
Format 60 x 84 1/8.
Size 19,3 printer sheets.
Order № 1189
Printed by Publishing House
of the Financial University
(51, Leningradsky prospekt)
© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-6-9
УДК 31.316.7(045)

Межкультурная коммуникация: вызовы глобальной трансформации жизненных миров*

А.Я. Большунов^а, С.А. Большунова^б, А.Г. Тюриков^с

^{а, б, с} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0003-0358-1608>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-9050-7280>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-9050-7280>

АННОТАЦИЯ

В последнем докладе международной общественной организации «Римский клуб», озаглавленном «Come On!», звучит призыв к «новому Просвещению», которое, в отличие от «вольтеровского» Просвещения, не должно быть продолжением рационализма и евроцентризма. В связи с обозначенной темой в настоящей статье обсуждается два вопроса. Во-первых, на какие вызовы должно ответить «новое Просвещение». Эксперты Римского клуба особо отмечают экологические угрозы, однако не менее важны социоэкологические вызовы времени, источником которых являются масштабные социотехнические и антропотехнические эксперименты с непредсказуемыми последствиями. Так называемая эпоха «пересборки социального» выражается в декультурации и дегуманизации социальной действительности, что имеет неблагоприятные последствия для человечества, лишая человека самой сущности его экзистенции. Альтернативой указанным трендам могут выступить герменевтика, феноменология и понимающая социология. Поэтому вторым вопросом, обсуждаемым в статье, стала готовность науки к «новому Просвещению». Существующие в настоящий момент доминирующие научные дискурсы, например нейроэкзистенциализм и актантно-сетевая теория, продолжают традиции «вольтеровского» Просвещения, но для ответа на поставленные вызовы времени требуется радикальная смена научных парадигм.

Ключевые слова: культура; вызовы времени; декультурация; дегуманизация; научный дискурс; нейроэкзистенциализм; акторно-сетевая теория; жизненные миры; феноменология

Для цитирования: Большунов А.Я., Большунова С.А., Тюриков А.Г. Межкультурная коммуникация: вызовы глобальной трансформации жизненных миров. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):6-9. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-6-9

ORIGINAL PAPER

Intercultural Communication: Challenges of Global Transformation of Lifeworld**

A. Ya. Bolshunov^а, S.A. Bolshunova^б, A.G. Tyurikov^с

^{а, б, с} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0003-0358-1608>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-9050-7280>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-9050-7280>

ABSTRACT

A call for a “New Enlightenment” sounds in the last report of the Club of Rome named “Come On!” It claimed that “New Enlightenment” should not be the continuation of rationalism and Eurocentrism of “Voltaire’s Enlightenment”. The article discusses two issues. Firstly, what challenges the “New Enlightenment” should answer on. Ecological and socio-ecological challenges are at the top of the agenda. The last one comes from large-scale socio-technical and anthropo-technical experiments with unpredictable consequences. The so-called epoch of “reassembly of the social” is expressed in the deculturation and dehumanisation of social reality. It has adverse consequences for humanity, including the lifeworld destruction and human existence. An alternative to these trends may be hermeneutics, phenomenology and understanding sociology. Second discussed question is science willingness for the “New Enlightenment”. The dominant scientific discourses continue the traditions of “Voltaire’s Enlightenment” and do not respond to time challenges.

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета в 2019 г.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state task of the Financial University in 2019.

Keywords: culture; time challenges; deculturation; dehumanization; scientific discourse; neuroexistentialism; actor-network-theory; lifeworld; phenomenology

For citation: Bolshunov A. Ya., Bolshunova S.A., Tyurikov A.G. Intercultural communication: Challenges of global transformation of lifeworld. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):6-9. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-6-9

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Настоящая статья посвящена анализу современных вызовов, продиктованных изменениями социальной действительности. Мы живем в эпоху «пересборки социального» [1], т.е. в эпоху масштабных социотехнических и антропотехнических экспериментов и производства новых «видов людей» [2]. Человек овладевает технологиями, способными изменить то, что извечно относилось к сущности человека, к человеческой экзистенции, человеческой природе. Но достаточно ли мы знаем о человеке, чтобы современные антропотехнические опыты осуществлялись не вслепую? Мы не в состоянии предсказать, какими будут прямые и побочные продукты наших антропотехнических и социотехнических опытов. Побочные непредусмотренные продукты антропотехнического вмешательства могут оказаться не менее трагичными, чем последствия неадекватного экологического активизма.

Ответом на обозначенный вызов времени может стать «новое Просвещение», требование которого составляет основную идею и пафос последнего доклада Римского клуба “Come On!” [3]. Согласно Е. Weizsaecker и А. Wijkman, «новое Просвещение» не должно быть продолжением рационализма и евроцентризма «вольтеровского» Просвещения. Оно должно избежать ловушек антропоцентризма, строиться из оснований блага всех существ и усматривать свою миссию в осуществлении баланса во взаимоотношениях человека и природы, для чего необходим радикальный пересмотр приоритетов технологического прогресса и экономического роста. Позиция экспертов Римского клуба состоит в том, что «новое Просвещение» и воплощающее его новое образование необходимы для ответа на экологические планетарные вызовы. Но — и в этом состоит отстаиваемая нами позиция — не менее значимыми становятся вызовы социоэкологические, которым мы обязаны деконструкцией «жизненных миров» человеческого бытия, включая этномиры. Люди создают миры своего бытия как свою «вторую природу». Эти миры бытия представляют собой «пространства смыслов». Тогда как суть образования состоит в вовлечении людей

в эти образующие «вторую природу» человека пространства смыслов. Под социоэкологией мы понимаем такое устройство жизненных миров и социальных пространств, которое делает их «пригодными» для человеческого бытия.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ «ПЕРЕСБОРКИ СОЦИАЛЬНОГО»

В качестве двух базовых взаимосвязанных трендов «пересборки социального» можно выделить декультурацию и дегуманизацию. Под декультурацией мы понимаем обесценивание культуры и являющуюся следствием этого деградацию смысловых систем жизненных миров. Примером дегуманизации выступает трансгуманизм, формирование кибер-психологических систем. Доминирующей теоретической базой «пересборки социального» сегодня являются «нейроэкзистенциализм» и акторно-сетевая теория (АСТ).

В нейроэкзистенциализме «мозг» представляется как вычислительная машина, что оправдывает создание и распространение киберфизиологических систем, вплоть до внедрения чипов в мозг и сходных практик. Культура, с точки зрения нейроэкзистенциализма, есть лишь создаваемая мозгом иллюзия. В конечном итоге речь идет о формировании плотной вычислительной среды, в которой для человека остаются узкие и крайне специализированные ниши, лишаящие людей всего человеческого. Однако методы, на которых базируется искусственный интеллект, чужды функционированию человеческого ума. Психиатры уже фиксируют расширение номенклатуры и рост числа новых психических аномалий, которым мы обязаны искусственному интеллекту и социотехническим сетям.

АСТ проповедует принцип эквивалентности людей и не-людей как агентов социотехнических сетей. Примером являются боты, заполняющие социальные сети. Существенно, что опознание ботов становится все более трудноразрешимой задачей, и дело не только в том, что боты совершенствуются в имитации людей, но и в том, что участники социальных сетей все более уподобляются ботам.

Нейроэкзистенциализм и АСТ претендуют на то, чтобы стать «новым Просвещением». Поддерживаемые ими дискурсы, направленные на изменение

статуса социальных групп и сетевых меньшинств, это подтверждают. Происходит тотальная «пересборка» социальных пространств и коммуникативных границ, которые на протяжении тысячелетий очерчивали социоэкологический каркас существования людей. В первую очередь размываются границы, образующие фундаментальную топологию социокультурных пространств, а именно — границы между интимным и публичным, эзотеричным и экзотеричным, частным и общественным. Стигма превращается в гетто для здравого смысла.

Более того, происходит структурная трансформация жизненных миров. В традиционных мирах культура была верхней всеобъемлющей сферой человеческого бытия. Благодаря ей жизненные миры существовали в оболочке бескорыстия, ведь культура — это сфера, в которой люди руководствуются вкусом, совестью, поисками истины и блага всех существ, а не личными интересами и прагматическими соображениями. Бескорыстие является фундаментальным принципом функционирования культуры. Культура отвечает на вопрос: что значит быть человеком и как вместе оставаться людьми? Понижение значимости культуры до корпоративной культуры для маркетинговой и HR-службы на коммерческом предприятии, до индустрии развлечений погружает человека в «прасубъективное нечто» [4, с. 543].

«Пересборке социального» в духе нейроэкзистенциализма и АСТ противостоят, прежде всего, подходы, базирующиеся на герменевтике, феноменологии и понимающей социологии. Т. Froese и E. Paolo констатируют: «Существует небольшое, но растущее сообщество исследователей, охватывающих широкий спектр дисциплин, которых объединяет отказ от доминирующей вычислительной парадигмы в пользу знакового подхода. Этот подход сосредоточен на таких идеях, как автономия, смыслообразование, эмерджентность, воплощение и деятельность» [5]. В фокусе этих подходов находятся процессы производства, обращения и развития смысловых систем деятельности и жизненных миров. Проблема состоит в том, что методы и результаты таких

исследований отторгаются значительной частью научного сообщества, как несоответствующие стандартам научного знания. Они редко воплощаются в позициях экспертов, участвующих в принятии политических, управленческих и т.п. решений, что принципиально важно в век экспертократии.

Ситуация осложняется тем, что экспансия социотехнических сетей и искусственного интеллекта, непосредственным следствием которой являются декультурация и дегуманизация, осуществляется на фоне дискриминационных и конфронтационных межкультурных дискурсов, асимметрий во взаимоотношениях культур и утраты прочных отношений. Дефицит прочных отношений ведет к тотальной деконструкции механизмов и институтов самореференции, референции другого и системной референции происходящего. Иначе говоря, люди теряются перед вопросом самоидентификации, не понимают, как идентифицировать другого, как идентифицировать социальные и социокультурные ситуации.

В этой ситуации особенно тревожит, что современная наука в большей степени озабочена политкорректностью, лояльностью к общественному мнению и власти, нежели познанием реальности. Утрачены дух Джордано Бруно и бескомпромиссная честность ученого. Исследования предубеждений и дискриминации, особенно в области феминизма, расизма и гендера подвергаются жесткой цензуре с наложением запрета на обсуждение определенных тем, что не способствует продуктивной научной дискуссии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Новое Просвещение» должно ответить не только на экологические вызовы, но и на вызовы «пересборки социального». Находящиеся в мейнстриме научные дискурсы, в частности нейроэкзистенциализм и АСТ, продолжают традиции «вольтеровского» Просвещения и не релевантны задачам «нового Просвещения». Ответы на вызовы времени содержатся в феноменологии и герменевтике — альтернативах западному рационализму.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2014. 384 с.
2. Hacking I. Kinds of People: Moving Targets. British Academy Lectures. URL: <https://www.thebritishacademy.ac.uk/sites/default/files/hacking-draft.pdf>.
3. Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer; 2018. 220 p.
4. Слотердайк П. Сферы. Микросферология. Том I. Пузыри. СПб.: Наука; 2005. 651 с.

5. Froese T., Di Paolo E. The enactive approach: Theoretical sketches from cell to society. URL: https://www.academia.edu/1371705/The_enactive_approach_Theoretical_sketches_from_cell_to_society (дата обращения: 27.09.2019).

REFERENCES

1. Latour B. Reassembly of the social: An introduction to actor-network-theory. Moscow: Higher School of Economics; 2014. 384 p. (In Russ.).
2. Hacking I. Kinds of People: Moving Targets. British Academy Lectures. URL: <https://www.thebritishacademy.ac.uk/sites/default/files/hacking-draft.pdf>.
3. Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer; 2018. 220 p.
4. Sloterdijk P. Spheres. Micropedology. Vol. I. Bubbles. St. Petersburg: Science; 2005. 651 p. (In Russ.).
5. Froese T., Di Paolo E. The enactive approach: Theoretical sketches from cell to society. URL: https://www.academia.edu/1371705/The_enactive_approach_Theoretical_sketches_from_cell_to_society (accessed on 27.09.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрей Яковлевич Большунов — кандидат психологических наук, доцент Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
abolshunov@bk.ru

София Андреевна Большунова — младший научный сотрудник Международного центра социальной экспертизы и развития, Финансовый университет, Москва, Россия
sophia.bolshunova@gmail.com

Александр Георгиевич Тюриков — доктор социологических наук, профессор, Руководитель Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
t-ag2013@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Andrey Y. Bolshunov — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, History and Philosophy Financial University, Moscow, Russia
abolshunov@bk.ru

Sofia A. Bolshunova — Junior Researcher at International Center for Social Expertise and Development, Financial University, Moscow, Russia
sophia.bolshunova@gmail.com

Alexander G. Tyurikov — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
t-ag2013@yandex.ru

Заявленный вклад авторов

Большунов А.Я. — работа над темами «пересборка социального», «сущность вызовов».

Большунова С.А. — работа над темами «декультурация», «нейроэкзистенциализм».

Тюриков А.Г. — работа над темой «современные тренды „пересборки социального“».

The declared contribution of the authors

Bolshunov A. Ya — work on the themes “reassembly of the social”, “the essence of challenges”.

Bolshunova S.A. — work on the topics “deculturation”, “neuroexistentialism”.

Tyurikov A.G. — work on the topic “modern trends ‘reassembly of social’”.

Статья поступила 13.09.2019; принята к публикации 03.10.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 13.09.2019; accepted for publication on 03.10.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-10-13
УДК 32(045)

Академическая мобильность иностранных студентов гуманитарных и обществоведческих направлений в рамках политики «мягкой силы» Российской Федерации*

А.Б. Шатилов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются характерные черты «входящей» академической мобильности в рамках политики «мягкой силы» современной России. Обращается внимание на то, что в последние годы привлечение иностранных абитуриентов и студентов в отечественные вузы стало более системным и дифференцированным. Тем не менее в этом плане не уделяется должного внимания развитию обществоведческого и гуманитарного направлений, которые позволяют готовить специалистов «стратегического» плана (политологов, социологов, «пиарщиков», аналитиков, идеологов, журналистов), которые спустя достаточно непродолжительное время будут иногда прямо, иногда косвенно влиять на политическую и экономическую конъюнктуру в своих странах, особенно с учетом наметившегося в начале XXI в. тренда на виртуализацию и гуманитаризацию общественной и государственной жизни. Соответственно, в статье рассматриваются основные эффекты, которые Россия может получить от подготовки гуманитариев и обществоведов из числа иностранных студентов, а также приводятся рекомендации относительно работы с иностранными учащимися в рамках академической мобильности и привлечения иностранных абитуриентов на гуманитарные и обществоведческие образовательные программы российских вузов.

Ключевые слова: академическая мобильность; «мягкая сила»; образование; образовательная политика; гуманитарии; обществоведы; рекрутирование; иностранные студенты

Для цитирования: Шатилов А.Б. Академическая мобильность иностранных студентов гуманитарных и обществоведческих направлений в рамках политики «мягкой силы» Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):10-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-10-13

ORIGINAL PAPER

Academic Mobility of Foreign Students in Humanities and Social Studies as a Component of the “Soft Power” Policy of the Russian Federation**

A.B. Shatilov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>

ABSTRACT

The article analyses the characteristic features of “incoming” academic mobility as a component of the “soft power” policy of modern Russia. The author pays attention to the fact that in recent years the attraction of foreign applicants and students to domestic universities has become more systematic and differentiated. However, the author thinks that in such policy does not pay due attention to the development of social studies and humanities, which allow preparing specialists of “strategic” features (political scientists, sociologists, PR, analysts, ideologists, journalists). They, after a reasonably short time, will sometimes directly, sometimes indirectly affect the political and economic situation in their countries. It is especially important if we take into account the emerging trend in the early XXI century of virtualisation and humanisation of social and public life. Accordingly, the article discusses the main effects that Russia can get from the training of international students in humanities and social studies. The author also presents recommendations on working with international students in the framework of academic mobility and attracting foreign applicants to the humanitarian and social studies educational programs of Russian universities.

Keywords: academic mobility; “soft power”; education; educational policy; humanitarians; social scientists; recruitment; international students

For citation: Shatilov A.B. Academic mobility of foreign students in humanities and social studies as a component of the “soft power” policy of the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):10-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-10-13

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds assigned to the Financial University.

В последние годы руководство страны уделяет серьезное внимание продвижению на внешнем контуре позитивного имиджа России и созданию пула ее доброжелателей из числа зарубежной общественности. При этом особый упор делается на технологии «мягкой силы», которые предполагают ненавязчивую и гибкую работу на этом направлении, преимущественно на уровне неполитических контактов (спорт, культура, образование).

И здесь одним из стратегических и плодотворных вариантов развития партнерства с зарубежными странами является академическая мобильность, предполагающая рекрутирование иностранных абитуриентов, а также кадровый обмен с иностранными вузами студентами, аспирантами, преподавателями и научными работниками. При этом все более актуальным становится вопрос вовлечения в орбиту влияния российского образования обучающихся из тех государств, в которых у Российской Федерации имеются значимые политические и бизнес-интересы.

Если раньше в рамках «входящей» академической мобильности господствовал «валовый» принцип (т.е. недифференцированное рекрутирование иностранных обучающихся), то сейчас работа становится более упорядоченной, системной и профильной. Так, например, предпринимаются попытки определить иерархию государств, студенты которых являются «приоритетными» с точки зрения привлечения в российские вузы. По мнению современной исследовательницы А. Нефедовой, если «университеты Великобритании и Соединенных Штатов зарабатывают деньги на иностранных студентах, то российские государственные университеты экспортируют образование в основном из соображений государственной политики» (<http://www.inosmi.info/obuchenie-inostrannykh-studentov-v-rossiyskikh-universitetakh—instrument-strategii-myagkoy-sily.html>). Этому способствует, в частности, «нацеленный непосредственно на увеличение числа иностранных студентов в российских вузах и инициированный органами власти Российской Федерации приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования»¹.

Однако не менее важной является проблема профессионального профиля иностранных обучающихся. Данные статистики свидетельствуют о том, что большинство зарубежных студентов выбирают инженерно-технические, медицинские и экономические направления подготовки. Хотя определенная динамика в этом плане имеется. Так, по данным статистики, в 2014/2015 учебный год наиболее востребованными были инженерно-технические и врачебные направления и специальности, за ними шли экономика и управление и гуманитарные науки (см. рисунок)².

На 2019 г. ситуация на данном рынке почти не изменилась. Так, наиболее востребованными остались технические направления подготовки (22%), на втором месте расположилось медицинское образование (17%), на третьем — экономика и управление (16%). Гуманитарно-социальные вузовские программы, как и ранее, существенно отстали от «лидеров» — четвертое место (12,2%) (<https://visasam.ru/russia/rabotavrf/inostrannye-studenty-v-rossii.html#i-9>).

Как мы видим, на периферии интересов иностранных студентов остаются гуманитарные и обществоведческие направления. Этому есть ряд объективных и субъективных причин.

Во-первых, если в советский период отечественное обществоведение и гуманитаристика претендовали на особую, более того, передовую роль в объяснении политических, экономических и социальных явлений и процессов, то после 1991 г. российские гуманитарии и обществоведы практически отказались от «особого пути», безоговорочно и, главное, некритически, приняв на вооружение зарубежную (прежде всего, англо-саксонскую) теоретико-методологическую парадигму. С учетом того, что западное обществоведение до сих пор является весьма идеологизированным и морально устаревшим (например, в ряде положений политической теории эксплуатируются схемы и выкладки далеких 1960–1970-х гг.), после возобновления противостояния между Россией и Западом в 2014 г. мы столкнулись с дефицитом актуальных и неангажированных идей в гуманитарной и обществоведческой сферах.

Во-вторых, российские структуры, отвечающие за привлечение иностранных студентов в отечественные вузы, исходят чаще всего не столько

¹ Обучение иностранных граждан в российских учреждениях высшего образования. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М.; 2019. С. 39.

² Экспорт российских образовательных услуг. Статистический сборник. Вып. 6. Министерство образования и науки Российской Федерации. М.; 2016. С. 288.

из интересов нашего государства, сколько из интересов зарубежных партнеров. А тем гораздо интереснее готовить на нашей базе технических специалистов для реального сектора экономики, чем идеологический кадровый резерв собственной политической элиты.

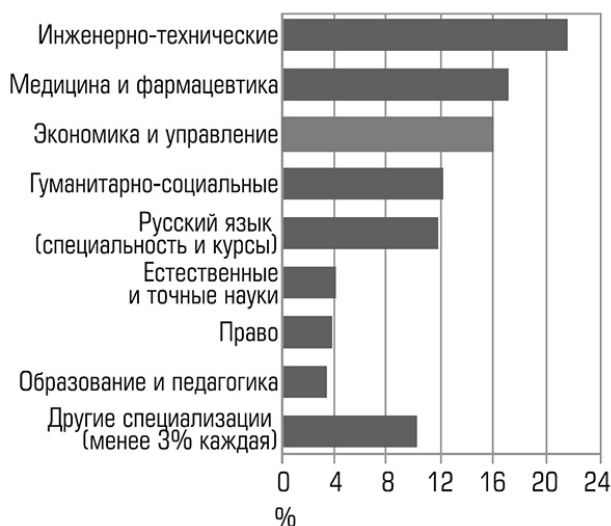
В-третьих, до настоящего времени в России отсутствует целенаправленная политика по раскрутке за границей наших гуманитарных и обществоведческих направлений, поэтому иностранные абитуриенты в своем большинстве предпочитают стандартные варианты.

В-четвертых, в российской бюрократии еще с советских времен ощущается подозрительное отношение к гуманитарным и обществоведческим направлениям как «несерьезным» и «абстрактным», в то время как в ведущих государствах мира их представители уже давно рекрутируются в состав топ-элиты. У нас же на высших руководящих должностях доминируют выпускники технических, экономических и юридических вузов. В то же время, с учетом специфики мирового развития XXI в., в функционале современных государств все более востребованными становятся специалисты в области диалога с обществом, политики «мягкой силы», социальной и мировоззренческой конъюнктуры, PR и т.п. Тем не менее в силу определенной козности наши «профильные» чиновники, зачастую не осознавая значимость общественно-гуманитарной сферы, отказываются популяризировать эти направления за рубежом в рамках академической мобильности, хотя в России есть целый ряд вузов, где подготовка по ним реализуется на самом высоком уровне.

В-пятых, продвижение на внешнем контуре отечественных гуманитарных и обществоведческих программ обучения требует значительных вложений, укрепления профильных факультетов вузов, стимулирования притока преподавателей-практиков, которые могли бы обеспечить привлекательность этих направлений в глазах иностранных абитуриентов. Также потребуются создание системы непрерывного обучения и переподготовки для выпускников таких направлений, чтобы не терять с ними контакты в последующий период.

Каковы могут быть эффекты от подготовки гуманитариев и обществоведов из числа иностранных студентов?

1. Профильные выпускники будут интегрироваться в элиту и делать карьеру в стра-

Рис. / Fig. Основные группы специальностей, по которым иностранные граждане обучались по очной форме в российских вузах в 2014–2015 академическом году / The main groups of specialties in which foreign citizens studied full-time in Russian universities in 2014–2015 academic years

Источник / Source: Экспорт российских образовательных услуг. Статистический сборник / Export of Russian educational services. Statistical abstract.

тегических сферах политики, массмедиа, PR- и GR-коммуникаций, аналитики и экспертизы. Соответственно, они получают реальные возможности влиять на политический курс своих стран, а также их идеологическую и мировоззренческую конъюнктуру.

2. Выпускники-гуманитарии и выпускники-обществоведы, получившие профильное и качественное образование в России, вольно или невольно станут создавать благоприятный имидж нашей стране, позитивно влиять на ее репутацию в мире. А это немаловажно ввиду того, что усилиями США и их союзников продолжается процесс международной диффамации Российской Федерации.

3. Такого рода кадры могут стать «мостиком» (посредниками) для развития взаимодействия Российской Федерации с гражданскими обществами государств, относящихся к числу наших критиков и даже геополитических противников.

4. Появление за рубежом многочисленного слоя лояльных России гуманитариев и обществоведов позволит начать глобальную работу по созданию новой теоретической базы в профильных сферах, в том числе альтернативной англо-саксонской догматике.

5. Появятся возможности трансляции через таких выпускников российской позиции и российской точки зрения по дискуссионным вопросам истории и современности.

Итак, что можно предложить в плане оптимизации работы с иностранными учащимися в рамках академической мобильности и привлечения иностранных абитуриентов на гуманитарные и обществоведческие образовательные программы российских вузов?

1. Определение круга университетов, где даётся наиболее сильная гуманитарная и обществоведческая подготовка, и целенаправленная канализация потока иностранных абитуриентов именно в их направлении. При этом критериями отбора таких приоритетных вузов должны стать: репутация вуза, кадровый потенциал (особенно в плане привлечения к преподаванию практиков), наличие собственных научных школ и оригинальных научных разработок, активность внеаудиторной работы со студентами (в том числе, иностранными), ориентированность на традиционные российские ценности ППС и студенческой аудитории (последнее особенно важно с точки зрения именно политики «мягкой силы»).

2. Проведение целенаправленной PR-кампании в партнерских странах, направленной на популяризацию за рубежом отечественных гуманитарных и обществоведческих направлений.

3. С учетом не слишком высокой эффективности и консервативности структур, отвечающих за обеспечение «входящей» академической мобильности, необходимо создать единый координационный центр (например, на

базе Управления реализации проектов в сфере образования и науки Россотрудничества), который замыкал бы на себя функции определения приоритетов такой мобильности, ее целей, задач с учетом интересов Российской Федерации (в том числе, с позиции «мягкой силы»), координации взаимодействия вузов с иностранными партнерами на данном направлении, продвижения образовательных программ за рубежом (в том числе, гуманитарного и обществоведческого характера), создания на территории иностранных государств специализированных НКО, ориентированных как на рекрутинг абитуриентов, так и на поддержание эффективных и долгосрочных контактов с выпускниками, вернувшимися после обучения в Российской Федерации к себе на родину.

4. Требуется активизировать взаимодействие с авторитетными иностранными образовательными и научными изданиями (прежде всего, индексируемыми базами Scopus и Web Of Science) с целью популяризации интеллектуальных достижений и наработок российских гуманитариев и обществоведов. Как показывает практика, самостоятельно, без помощи «сверху», российским ученым, особенно гуманитарного и обществоведческого профиля, такое продвижение будет не под силу.

5. Инициировать проведение в России и за рубежом (на статусных образовательных и научных площадках) масштабных форумов, направленных на модернизацию устаревшей и разработку новой гуманитарной и обществоведческой теории и методологии XXI в.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Борисович Шатилов — кандидат политических наук, профессор, декан факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
ashatilov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexandr B. Shatilov — Candidate of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
ashatilov@fa.ru

Статья поступила 16.11.2019; принята к публикации 10.12.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 16.11.2019; accepted for publication on 10.12.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-14-17
УДК 32.019.5(045)

Советский опыт работы с иностранными студентами: геополитический аспект*

П.Б. Салин^а, И.В. Юшков^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0003-4039-2443>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2436-2335>

АННОТАЦИЯ

Актуальность данной темы обусловлена обострившимся геополитическим противостоянием в современном мире, а также все более заметным упором на «мягкую силу» и «умную силу». Цель данной статьи – кратко проанализировать советский опыт использования высшего образования в качестве инструмента «мягкой силы». В статье этот опыт разделен на два основных этапа. Первый – становление коммунистической идеологии в качестве одной из мировых и начало ее экспансии (1920–1940-е гг. XX в.), второй – этап биполярного мира, когда СССР имел дело с иностранными студентами, прибывшими из стран «победившего социализма». На первом этапе образование иностранных студентов не могло рассматриваться в качестве полноценного инструмента «мягкой силы», так как речь шла, скорее, о пропагандистской обработке иностранных обучающихся, чем о более тонком воздействии. Взаимодействие с иностранными обучающимися в советских вузах на втором этапе (в годы холодной войны) имело другой серьезный изъян. Поскольку речь шла о представителях стран «победившего социализма», то идеологическая работа велась по остаточному принципу, а основная ставка делалась на подготовку кадров технического профиля. Таким образом, можно сделать вывод о том, что, с учетом советского опыта и размытости сфер влияния в современном мире, целесообразно делать ставку на привлечение в качестве иностранных обучающихся специалистов гуманитарного профиля, которые после возвращения на родину с более высокой степенью вероятности займут руководящие должности в госаппарате и/или станут лидерами общественного мнения.

Ключевые слова: студенческая молодежь; иностранные обучающиеся; «мягкая сила»; культурно-мировоззренческая работа; СССР

Для цитирования: Салин П.Б., Юшков И.В. Советский опыт работы с иностранными студентами: геополитический аспект. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2019;9(6):14-17. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-14-17

ORIGINAL PAPER

The Soviet Experience with International Students: The Geopolitical Aspect**

P.B. Salin^а, I.V. Yushkov^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0003-4039-2443>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2436-2335>

ABSTRACT

The relevance of this topic is due to the aggravated geopolitical confrontation in the contemporary world, as well as an increasingly noticeable emphasis on “soft power” and “smart power”. The purpose of this article is to briefly analyse the Soviet experience of using higher education as a tool of “soft power”. In this article, we divided this experience into two main stages. The first was the formation of Communist ideology as only one in the world and the beginning of its expansion (1920–1940s of the XX century.). The second one – was the stage of the bipolar world, when the USSR dealt with international students who came from the countries of “victorious socialism”. At the first stage, the education of international students could not be considered as a full-fledged tool of “soft power”, since it was more about the propaganda treatment of international students than a more subtle impact. Interaction with international students in Soviet universities at the second stage (during the cold war) had another serious flaw. Since it was about the representatives of the countries of “victorious socialism”, the ideological work was carried out on the residual principle, and the primary stress state placed on the training of technical personnel. Thus, it can be concluded that, taking into account the Soviet experience and the vagueness of spheres

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assigned to the Financial University.

of influence in the contemporary world, it is advisable to rely on the involvement of international students in the Humanities, who after returning home are more likely to occupy senior positions in the state apparatus and/or become leaders of public opinion.

Keywords: student youth; foreign students; “soft power”; cultural and ideological work; USSR

For citation: Salin P.B., Yushkov I.V. The soviet experience with international students: The geopolitical aspect. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):14-17. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-14-17

Образование вообще и высшее образование в частности давно используется различными политическими игроками для проекции своих интересов вовне. Данная практика как полноценный инструмент внешней политики широко распространена как минимум с конца XIX в., а в более усеченном виде использовалась и ранее, начиная со Средних веков. Если раньше ее активно использовали сначала страны западного мира, до середины XX в. представлявшие собой своеобразный культурно-образовательный центр мира (а начиная середины XX в. — и СССР в рамках биполярного мира и геополитического противостояния с Западом), то в настоящее время такая практика взята на вооружение и восходящими мировыми лидерами, в частности, Китаем и Индией [1].

При этом инструментарий использования высшего образования как «мягкой силы» и проекции геополитических интересов государства за рубеж в целом был разработан во второй трети XX в., и с тех пор меняются лишь его технологические формы [2].

Коллектив авторов Финансового университета при Правительстве РФ в 2019 г. провел исследование, посвященное проблеме оптимизации работы со студентами-иностранцами в российских вузах с упором на реализацию геополитических интересов России за рубежом.

В его рамках были выполнены следующие работы:

1. Анализ и систематизация российского и зарубежного опыта работы со студентами-иностранцами.

2. Разработка классификации иностранных студентов по типу культурного профиля и их установочному отношению к России.

3. Разработка предложений по совершенствованию организационных аспектов культурно-мировоззренческой работы с иностранными студентами, обучающимися в российских вузах.

4. Разработка предложений по совершенствованию культурно-психологических и информационных аспектов работы с иностранными студентами, обучающимися в российских вузах.

5. Разработка рекомендаций органам власти по оптимизации технологий работы со студентами-иностранцами.

6. Разработка примерной типовой план-карты мероприятий по культурно-мировоззренческой работе с иностранными студентами.

В данной статье особый упор будет сделан на советский опыт использования высшего образования как инструмента «мягкой силы», в частности на его историко-организационные аспекты.

Сразу после революции 1917 г. власти рассчитывали на экспорт социалистической революции, что соответствовало идее Коммунистического интернационала. Большевики предполагали готовить кадры из числа иностранных студентов, чтобы в дальнейшем они устанавливали коммунистические режимы в своих странах. Это определяло направленность информационной и психологической работы со студентами в советских вузах.

Иностранных студентов в 1920–1930 гг. XX в. обучали как в имевшихся вузах, так и в новых, специально создаваемых для этих целей. Так, в феврале 1921 г. был открыт Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) для обучения студентов азиатских национальностей. Стоит отметить, что это были не обязательно иностранные студенты, но и граждане СССР нерусской национальности, из которых готовили лояльные советской власти кадры для руководства в национальных республиках. За время своего существования КУТВ обучал студентов 73 национальностей.

Изначальная специализация нового вуза определяла и особенности информационной, психологической и культурной работы со студентами. Иностранным студентам преподавали русский язык, но основные предметы были направлены на подготовку иностранных специалистов для организации социалистических революций, т.е. захвата власти в собственных странах. Идеологическая подготовка была главной. Так, в КУТВ были отделения партийной работы и политического просвещения, профсоюзного движения, экономическое и административно-правовое. Специфику КУТВ отражало название издававшегося вузом журнала: «Революционный Восток». Кроме того, в 1937 г. КУТВ

был разделен на две части за счет выделения Научно-исследовательского института национальных и колониальных проблем (НИИНКП), в который перешли все иностранные студенты. Но в 1938 г. он был закрыт в связи с пересмотром взглядов руководства страны на всю систему образования и партийного просвещения.

Наряду с КУТВ в 1921 г. был создан Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), в котором готовились лояльные советской власти политические работники из национальностей западных районов СССР. Вуз был составлен из имевшихся высших партийных школ (немецкая, румынская, литовско-еврейско-латышская и польская). В структуре КУНМЗ были созданы соответствующие указанным национальностям сектора.

Культурно-психологической особенностью советских вузов того времени был светский характер обучения. Полный отказ от религиозной составляющей прежней жизни был одним из основных условий обучения. Кроме того, пример создания отдельно КУТВ и КУНМЗ показывает, что советское руководство понимало существенные культурные, можно сказать, цивилизационные различия между восточными и западными национальностями, что, в случае совместного обучения вызывало бы дополнительные проблемы у студентов при адаптации. Кроме того, программы обучения были бы слишком разные, ведь политические системы и политическая культура западных и восточных стран существенно отличаются. Поэтому советское руководство не смогло бы рассчитывать на достижение основной цели обучения иностранных студентов — свершение революции в странах, откуда прибыли студенты. Хотя в целом программы обучения в КУТВ и в КУНМЗ были похожи. В 1927 г. для вузов, обучающихся иностранных студентов по гуманитарной направленности (марксистская идеология), была принята единая учебная программа, предполагавшая преподавание таких дисциплин, как политэкономия, история ВКП(б), история классово-борьбы, исторический материализм, история Запада и Америки, основы ленинизма, русский язык, военное дело [3]. Более того, известно, что, как минимум, в КУТВ студентам преподавался курс техники нелегальной работы*.

К 1960-м гг. XX в. СССР решил перепрофилировать работу с союзными государствами в сфере образования. Так как к тому времени уже сложилась

биполярная система мира, то готовить революционеров в массовом порядке уже не требовалось. Как правило, студенты приезжали из тех стран, где руководство и так уже было лояльно к СССР. Этим странам требовались квалифицированные специалисты. Поэтому образовательная направленность сместилась от идеологии к профессиям, востребованным в мирное время: врач, инженер и др. Хотя стоит оговориться, что идеологическая работа с приезжающими работниками сохранилась и оставалось специфической чертой советского образования до распада страны, но она была скорее фоном при получении основной специальности. Кроме того, множество иностранных студентов обучались в военных вузах СССР.

В 1960 г. был открыт Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (УДН), который стал центром обучения иностранных студентов из Африки, Азии и стран Латинской Америки. Как и в 20–30 гг. XX в., базовым предметом на первых годах обучения был русский язык. Но в УДН изучение языка проводилось тщательнее, что позволяло более глубоко познакомить обучающихся иностранцев с культурой СССР. Ставка делалась на психологическую особенность молодежи позитивно воспринимать происходящие с ними события именно в юном возрасте. Это позволяло сформировать политическую лояльность, ведь советское руководство рассчитывало, что, вернувшись в свои страны, отучившиеся в УДН люди станут элитой своего государства и займут руководящие посты. В целом, советские вузы обучили от 250–270 тыс. иностранных студентов (исключая специалистов военных учебных заведений, которые учитывались Министерством обороны). В 1990 г. СССР занимал третьем место в мире по количеству иностранных студентов, уступая только США и Франции.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее:

1. Советское руководство практически сразу после возникновения СССР стало активно использовать практики применения высшего образования в качестве инструмента «мягкой силы» и проекции внешнеполитического ресурса государства за рубежом, что до него могли позволить себе делать лишь западные страны.

2. На первом этапе (в 1920–1940-е гг. XX в.) в советских вузах для иностранных обучающихся образовательный крен делался в идеологическую сторону. Таким образом советское государство пыталось распространить свои идеи за пределы СССР. Однако такое образование вряд ли можно было

---

* Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 530 ОП 1 Д 55 Л17 об.

рассматривать в качестве инструмента «мягкой силы», — так как идеологическая обработка иностранных учащихся велась «жесткими» методами, с точки зрения воздействия на психологию можно было говорить о полноценной классической пропаганде.

3. Начиная с 1960-х гг. XX в. идеологический крен в образовательных программах для обучающихся иностранцев резко уменьшился. Это было обусловлено тем, что кадры готовились уже для стран «победившего социализма», где руководство и молодых специалистов уже не надо было убеждать в правильности выбранного курса. Образование получает ярко выраженный технократический ха-

рактер, в СССР в основном обучаются специалисты технического профиля, а не гуманитарии.

4. В современном мире не существует четко выраженных полюсов влияния, поэтому важность высшего образования как инструмента «мягкой силы» государства возрастает, таким образом игроки могут проецировать свое влияние на территории, которые не относятся к их традиционной сфере. Однако для этого необходимо делать упор на работу с иностранными студентами-гуманитариями, которые с более высокой степенью вероятности займут руководящие позиции в направившем их государстве после своего возвращения на родину по окончании обучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Заугаров В.В. Международный опыт использования высшего образования как ресурса «мягкой силы» государства. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2018;(6):19–23.
2. Becker R., Kolster R. International student recruitment: policies and developments in selected countries. The Netherlands, Hague: Nuffic; 2012. 1059 p.
3. Панин Е.В., Анохина Т.Я. История и особенности обучения иностранных студентов в советских и российских вузах. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2014;(4)136–145.

REFERENCES

1. Zaugarov V. V. International experience of using higher education as a resource of “soft power” of the state. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2018;(6):19–23.
2. Becker R., Kolster R. International student recruitment: Policies and developments in selected countries. The Netherlands, Hague: Nuffic; 2012. 1059 p.
3. Panin E. V., Anokhina T. Y. History and peculiarities of international students’ education in Soviet and Russian universities. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 2014;(4)136–145.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павел Борисович Салин — кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований, старший преподаватель Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
salpavbor@mail.ru

Игорь Валерьевич Юшков — преподаватель Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
ushkovigor@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Pavel B. Salin — Candidate of Jurisprudence, Director of the Center for Political Sciences; Senior Lecturer, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
salpavbor@mail.ru

Igor V. Yushkov — Lecturer, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
ushkovigor@gmail.com

Статья поступила 13.10.2019; принята к публикации 20.10.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 13.10.2019; accepted for publication on 20.10.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-18-23
УДК 329.8(045)

Европеизация и модернизация дискурса гражданского общества и политических партий*

С.П. Митрахович

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-2252-6006>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос об эволюции теоретических и нормативных представлений о роли гражданского общества и политических партий в их отношении с государством и влиянии на общественные процессы и экономику на современном этапе. Большинство концепций, предлагающих теоретическую рефлексию по данному вопросу, появились на Западе, и в силу западного влияния были заимствованы Россией и другими странами, где европеизировали сам дискурс гражданского общества и политических партий. Однако формальное следование европейской интеллектуальной моде в наиболее амбициозных странах BRICS привело на деле к формированию собственных аналитических и нормативных взглядов на предмет, лишь внешне напоминающих западные первоисточники. При этом использование переосмысленных европейских взглядов при модернизации собственного дискурса гражданского общества и политических партий позволяет придать этому дискурсу respectable имидж, а государству – эффективно задействовать его и для внутривнутриполитических целей, и при концептуальных внешнеполитических спорах с той же Европой.

Ключевые слова: европеизация; гражданское общество; политические партии; неонституционализм

Для цитирования: Митрахович С.П. Европеизация и модернизация дискурса гражданского общества и политических партий. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):18-23. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-18-23

ORIGINAL PAPER

Europeanization and Modernization of the Discourse of Civil Society and Political Parties**

S.P. Mitrakhovich

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-2252-6006>

ABSTRACT

The article examines the evolution at the present stage of theoretical and normative ideas about the role of civil society and political parties in their relationship with the state and their influence on social processes and the economy. Most concepts, offering theoretical reflexion on this issue, appeared in the West, and due to Western influence was borrowed by Russia and other countries, where the discourse of civil society and political parties itself was Europeanized. However, the formal adherence to European intellectual fashion in the most ambitious BRICS countries has now led to the formation of its own analytical and regulatory views on the subject, only externally resembling Western primary sources. At the same time, the use of rethought European views in modernising the own discourse of civil society and political parties allows to give this discourse a respectable image and to be effectively used by the state both for domestic political purposes and in conceptual foreign policy disputes with Europe itself.

Keywords: Europeanization; civil society; political parties; neoinstitutionalism

For citation: Mitrakhovich S.P. Europeanization and modernization of the discourse of civil society and political parties. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):18-23. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-18-23

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

** The article is prepared according to the results of studies carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

К началу XXI в. и в академической науке, и на уровне общественного дискурса и политических идеологий стал заметен совершенно явный тренд на объединение вопросов о развитии гражданского общества, институтов государства, политических партий и субъектов экономической деятельности в рамки больших концепций. Концепции эти носят как эвристический (предлагают себя в качестве объясняющей модели для развития человеческих обществ), так и нормативный характер, предписывающей оптимальное поведение и соответствующий политический курс. Соответственно, теории меняют весь актуальный дискурс, совокупность взаимодействующих точек зрения по вопросам того, почему и как организованы политические процессы и как их нужно оптимизировать. Причем, наиболее популярные теории появились на Западе и в Европе (в них описывался преимущественно американский или европейский опыт), а потом были заимствованы и в иных регионах мира, — зачастую, как в случае со странами BRICS, в модифицированном виде.

К числу таких популярных теорий относится, например, ставшая «знаменем» многих академических ученых (изначально — экономистов, позже — социологов, политологов, юристов) и действующих политиков неинституциональная теория, разработанная Дугласом Нортом и его коллегами (Нобелевская премия 1993 г.). По своей популярности и попыткам охватить все темы ее вполне можно сравнить с марксизмом времен его расцвета в обществоведении и гуманитаристике (ответвления от марксизма до сих пор очень популярны, то же самое можно сказать и про ответвления от институционализма). Именно через неинституционализм стало возможно говорить о серьезном переплетении «соседних» академических дисциплин. Неинституциональная теория не только описывает социальные процессы (включая экономические и политические сюжеты) через призму анализа правил игры (зачастую неформальных, учитывающих социально-культурные факторы, традиции и формы самоорганизации), но и очень часто используется в качестве содержательной части стратегических программ отдельных политиков или организаций — от политических партий в конкретных государствах до международных структур уровня МВФ. Руководствуясь представлениями о необходимости создания

«правильных» правил игры, тот же МВФ требует от стран-реципиентов помощи для проведения институциональных реформ, в том числе и в вопросах развития гражданского общества и политических партий — раз эти субъекты социального процесса оказываются связанными с характеристиками экономического роста в стране.

Аналогичные требования во многих государствах предъявляют к власти сторонники построения институтов западного типа как способа ускорения экономического роста и общего повышения качества жизни. «Институциональные рецепты», как правило, противопоставляются политическому курсу, предполагающему активное государственное вмешательство в экономику. При этом парадоксальным образом требование пересмотра правил игры в обществе, идущее «снизу», — от общественных организацией, политических партий и лидеров мнений — преобразуется, в случае успеха, в государственную политику по трансформации общества до такой степени, что для успешного проведения и закрепления данной трансформации требуется очень сильное государство, способное преодолеть сопротивление социальных групп, недовольных реформами. Что, кстати, ставит очень большие вопросы о соотношении демократии и автократии в обществе будущего, которое строится под лозунгами социальных и технологических, в том числе коммуникативных (меняющих соотношение частного и публичного пространств), инноваций.

Набор предлагаемых институтов часто очень широк: от условно развитой партийной системы с парламентским контролем над правительством и независимыми судами до реализации набора мер в поддержку тех или иных меньшинств. Считается, что все эти институты необходимы для социального и экономического прогресса. Так, известный теоретик креативного класса Ричард Флорида, работы которого особенно широко обсуждались в России (в том числе лоялистски настроенными интеллектуалами из журнала «Эксперт») в период экономического кризиса 2008–2009 гг. и общественных протестов 2010–2011 гг. в контексте дискуссий об «офисном планктоне», хипстерах и пр., является автором так называемого «гей-индекса» (Gayindex) [1, 2]. По мнению Флориды, открытость в отношении сексуальных меньшинств является хорошим индикатором наличия низких барьеров для человеческого капитала. Следовательно, места, которые являются центрами инновационной экономики, являются

крайне популярными для проживания гей-сообщества и наоборот. В полном соответствии с концепцией Флориды из среды российских либералов звучали предложения об открытии «гей-квартала» в Сколково [3] с целью не только движения в сторону желаемой либералами социальной трансформации, но и для ускорения экономического роста. При этом осуществить данное начинание и провалить, очевидно, не слишком популярное в обществе решение должно было как раз государство, показав и доказав свою беневолянтную силу.

Близкими и взаимосвязанными с теорией неоинституционализма в аспекте ставки на изучение роли социальных институтов и социально-культурных факторов в целом при экономическом и политическом развитии стали теории социального капитала, человеческого капитала, человеческого развития и инклюзивного экономического роста. Данные теории оказались настолько влиятельными как объяснительные модели, что их стали использовать для обоснования политики в самых разных странах, включая и те, в которых и политическое устройство, и гражданское общество, и политические партии, и, собственно, культурные традиции в аспекте их влияния на общество были очень различными. Например, не будучи сторонниками концепций вроде «гей-индекса» (даже идущих от самых именитых западных социально-политических теоретиков современности), многие авторы и действующие политики тех же стран BRICS стали ссылаться на концепцию социального капитала и социальной инклюзии как необходимого элемента и для экономического роста (так называемого инклюзивного экономического роста), и для улучшения публично-правового управления (governance) и социального прогресса в целом. Те же западные библиотеки показывают огромный и постоянно растущий объем литературы обо всех возможных новых формах governance, публикуемой теми же китайскими авторами применительно к китайскому же опыту, хотя их трактовки и данных сюжетов, и вопросов развития гражданского общества очень сильно отличаются. Сходная ситуация имеет место и с российскими авторами, причем как академическими, так и из политической среды, пытающимися взаимодействовать с европейскими интеллектуальными и организационными контрагентами, но на своих условиях [4].

Базовая причина разногласий в видении и оценке развития отношений гражданского общества, политических партий и власти в значительной степени кроется в ракурсе ценностной составляющей анализа у различных теоретиков и практиков политики. Если большинство западных авторов, пишущих об успехах политических партий, гражданского общества и роли социальных структур, базирующихся на сетях доверия между людьми, видят успех именно в «самоорганизации людей снизу» и способности их потом вынудить или уговорить государство поменять свою политику, то те же авторы из BRICS и особенно из Китая видят успех гражданского общества и партийных структур тогда и там, где оно кооперируется с государством и вообще во многом идет за государством в общестрановом политическом и социальном процессе. При этом успех Китая в экономическом смысле, в аспекте технологического развития и повышения своей стратегической значимости на мировой арене неоспорим — отсюда и невозможность игнорировать «китайский тренд» или даже «китайский поворот» в социально-политических теориях и практике организации связей в треугольнике: власть-бизнес-гражданское общество.

Приведем пример с популярной теорией социального капитала. Тем своим видом, который получил наибольшее распространение и стал «интеллектуально модным» с конца 90-х гг., она обязана гарвардскому профессору Роберту Патнэму, описавшему реформы госуправления в Италии и пришедшему к выводу о принципиальной значимости сетей доверия (названных социальным капиталом) для эффективности работы государства и бизнеса, а также, собственно, для административных реформ. На юге Италии доверие людей друг к другу — в отличие от севера — было минимальным, как минимальным было и количество различных общественных и гражданских организаций. В итоге социальные связи существовали параллельно государству, работали мафиозные структуры, во многом основанные на доверии внутри «семьи» и подменявшие собой государство как регулятора правовых вопросов с полномочиями на легальное насилие. Качество госаппарата (включая администраторов, полицию, суды) было низким, как относительно низким был и уровень экономического развития, которому мешала коррупция. На севере же Италии социальные связи были куда прочнее, люди доверяли друг другу больше, в рамках общест-

венных организаций принимали участие в самоуправлении, потому условия и для бизнеса, и для эффективной бюрократии были намного лучше.

Если Патнэм видит соотношение взаимовлияния гражданского общества, партий и государства как идущее и определяющее тенденции «снизу-вверх», то те же авторы из BRICS, увлекшиеся интерпретациями данной теории и ее производных, стали больше говорить о роли государства, которое по схеме «сверху-вниз» включает в общественный и социальный прогресс отдельные группы граждан. Доверие граждан здесь должно заслужить и организовать само государство — именно тогда будет возможен и инклюзивный экономический рост, и вовлечение в страновой успех аутсайдерских групп. Как пишет, например, Сангмун Ким из Университета Гонконга, китайский опыт конфуцианства с его ролью семьи, семейно-центричного взгляда на мир (метафорически распространяемой на общественно-государственные отношения) и ограничением морального индивидуализма является прямой альтернативой западному либеральному гражданскому обществу [5].

Власть и возможности государства в подобной модели по отношению к общественным структурам и политическим партиям оказываются больше, чем в модели либерального устройства. Западная же (например, как у Патнэма) концепция доверия семейного типа, когда объединяются в *civility* (пространство гражданственности), оказывается неспособной полноценно учесть опыт Китая — и она же оказывается не в состоянии объяснить современный китайский успех. Конфуцианские модели в значительной степени позаимствовал коммунистический режим, создавая альтернативу либеральному социальному капиталу и гражданскому обществу в вовлечении всего населения в «пространство всеобщей принадлежности, исключаящее наличие явных чужаков» (*relational strangership*).

Государственно-центричный взгляд на гражданское общество и политические партии, который его сторонники считают оптимальным для ряда стран вариантом вовлечения общественных групп и структур в процесс публичной политики и соуправления, рассматривается многими авторами на Западе (особенно применительно к Китаю, России, и еще многим государствам) как форма извращения базовой идеи гражданского общества, партиципаторности, общественного управления и т.д. Заодно подобный «китайский

уклон» рассматривается как форма обоснования авторитаризма, в том числе базирующегося и на новых цифровых технологиях (своего рода «цифрового авторитаризма») с жестким контролем цифровых коммуникаций, с недопущениями нежелательных для авторитарного правящего режима идейных или ценностных отклонений. Более того, многим авторам приходится пересматривать весь социально-технологический оптимизм западной литературы времен «бархатных революций» и глобализации по схеме вашингтонского консенсуса. Ведь выясняется, что и технологические инновации, и связанные с ними социальные изменения могут вести вовсе не к тому обществу, которое виделось как универсальная модель для человечества.

Проблема для критиков «китайского уклона», тем не менее, связана не только с необходимостью скептически обосновывать нынешний уровень развития КНР или отрицать его. Существует проблема и в самих философских основах западных концепций гражданского общества: ведь даже в распространенных «либеральных» версиях западных теорий гражданского общества есть интерпретации как противопоставляющие гражданское общество государству, так и связывающие задачи государства и гражданского общества в некий общий процесс.

Речь идет о так называемых L- и M-парадигмах. Авторство данной терминологии принадлежит американскому политическому философу Адаму Селигмэну, разделившему парадигмы видения гражданского общества на идущие от Джона Локка (L-парадигма) и от Шарля Монтескье (соответственно, M-парадигма) [6].

Восходящая к Локку концепция описывает гражданское общество как некое этическое сообщество, способное жить по естественным законам до и вне политики. Локк был чужд описанию того догосударственного хаоса, который был характерен для построений Т. Гоббса. По Локку, в мире до политики (по крайней мере, государственной политики) вполне могут развиваться культура и экономика, а объединяются люди для решения лишь отдельных задач и отдельных неудобств прежней жизни. Соответственно, сам характер государственной власти оказывается вторичным: люди доверяют ему лишь то, что не могут сделать сами — например, если гражданское общество действует цивилизными (гражданскими методами), то от государства может потребоваться применить силу (военную, полицейскую). Если

же государство захочет сделать «слишком много», выйти за пределы вверенных ему полномочий, то оно просто потеряет доверие граждан и распадется («растворится»).

Смысл локковской парадигмы сводится к тому, что государство настолько зависит от базовых интенций гражданского общества (сам термин *civil society* использовали продолжатели Локка А. Фергюсон и А. Смит), т. е. от «общества граждан», «гражданского сообщества», что оно просто не рискнет нарушать общественный договор и вторгаться в жизнь граждан за пределами согласованных общественным договором обстоятельств. Иначе государство получит восстание, а поскольку оно — на уровне бюрократии и институтов — этого не захочет, то в работу государства в некотором смысле встроены «постоянно работающий предохранитель». Следовательно, нет смысла как-то серьезно опасаться «своего» государства, противостоять ему и противопоставлять себя ему — ни для граждан, ни для гражданских организаций.

Идущая же от Монтескье парадигма предполагает куда более конфликтно-центричный взгляд на политику и социальную жизнь. Монтескье в работе «О духе законов» много писал об угрозах вмешательства деспотического государства в жизнь граждан и групп населения и о необходимости защиты от этого вмешательства через различные институты. В числе последних виделись привилегии дворянства и духовенства, права гильдий и корпораций, вольности городов, городские муниципалитеты, парламенты — все это должно было сдерживать власть абсолютистских монархий. Монтескье описывает целые сообщества как находящиеся между обществом и государством и удерживающие государство от неправильного поведения — эти сообщества и есть «гражданское общество». Государство передавало часть своих полномочий указанным сообществам, в результате они приобретали характер «опосредующей власти» (без ее одобрения «настоящая» власть не могла делать все, что хотела). В любом случае Монтескье «четко обозначил будущее разделение государства и общества».

С конца XX в. М-парадигма стала особенно востребованной из-за «бархатных революций» и особенно сопровождавшей ее публицистики В. Гавела, весьма пафосно писавшего об огромной роли организаций гражданского общества в свержении авторитарных коммунистических режимов. Движения вроде польской «Солидарно-

сти» считались даже более важными структурами, чем политические партии в деле принуждения авторитарной власти к уходу и строительству на ее месте демократического государства (или, по крайней мере, такого, которое претендует на данный статус). В дальнейшем подобный подход прямо или косвенно переносился на описание транзитологами происходящих (например, на пространстве бывшего СССР) трансформаций либо ожидаемых в странах Азии и Африки.

Подобным подходам был свойственен предельный телеологизм: мало того, что практически от всех обществ ожидали перехода к демократии, (причем — либеральной, в варианте, близком к современному Западу), так еще и везде видели обязательную позитивную роль гражданского общества и особенно «прогрессивных» политических партий в этом процессе. Однако на деле «научный демократизм» (как образно назвал транзитологию известный российский историк и политолог С. Маркедонов, работавший в западных исследовательских центрах по изучению новых независимых государств на пространстве СССР) не сработал.

«Научным демократам» по поводу китайского гражданского общества пришлось писать о его подконтрольности власти (причем без обозримых перспектив на изменение ситуации). По поводу российского гражданского общества — также о его подконтрольности и общей слабости. Что выглядело не слишком убедительно на фоне стабильности режима и в КНР, и в РФ, даже еще и при довольно эффективном «творческом переосмыслении» властями этих стран западной L-парадигмы в своих интересах.

Применительно к России и процессам европеизации ее гражданского общества и политических партий в духе переосмысленной L-парадигмы писали европейские теоретики т. н. *network governance*. Авторы подобных взглядов пишут о России как об авторитарном либо гибридном режиме, но признают эффективное использование государством механизмов «сетового соуправления» с лояльной частью гражданского общества и акторами общественно-политической жизни [7]. В итоге сама по себе российская политика не только и не столько осуждается, сколько признается частью общеевропейского тренда по реновации L-парадигмы в анализе государственно-общественных отношений с фокусом на первичную и ведущую роль именно государства.

Таким образом, можно сделать выводы, что актуальный дискурс многих авторов из BRICS об эволюции отношений политических партий, гражданского общества, бизнеса и власти с «прогосударственных позиций» оказался заимствованным из некоторых западных концепций, которые, вопреки частому заблуждению, не ушли полностью с повестки дня. Более того, западная политика идентичностей (identity politics),

идеология и практика политкорректности, позитивной дискриминации («аффирмативных действий») как раз и вызывает опять к жизни концепции гражданского общества и политических партий, напрямую сочетающиеся с концепцией сильного государства, способного при необходимости проводить очень жесткую линию против недовольных взятой на вооружение государства идеологией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Serpentine Alexia. Inappropriate, Irrelevant, Important: Richard Florida's 'Gay Index' and the Quest for Creativity. King's College London. January 2013. URL: https://www.academia.edu/11416729/Inappropriate_Irrelevant_Important_Richard_Florida_s_Gay_Index_and_the_Quest_for_Creativity.
2. Florida R. The Geography of Tolerance. URL: <https://www.citylab.com/equity/2012/07/geography-tolerance/2241/>.
3. Медведев С. Протоколы содомских мудрецов: почему толерантность важна для инноваций. 22.10.2013. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/246435-protokoly-sodomsikh-mudretsov-pochemu-tolerantnost-vazhna-dlya-inno>.
Medvedev S. Protocols of the wise men of Sodom: Why is tolerance important for innovation. 22.10.2013. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/246435-protokoly-sodomsikh-mudretsov-pochemu-tolerantnost-vazhna-dlya-inno>. (In Russ.).
4. Митрахович С. П. Отношения России и интеграционных партийных структур ЕС в дискурсе КППФ. *Власть*. 2019;(5):37–42.
Mitrakhovich S. P. Relations between Russia and EU integration party structures in CPRF discourse. *Vlast*. 2019;5:37–42. (In Russ.).
5. Kim, Sungmoon. Beyond liberal civil society: Confucian familism and relational strangership. *Philosophy East and West*. 2010;60(4):476–498.
6. Seligman Adam B. *The Idea of Civil Society*. N.Y.: Free Press; 1992. 420 p.
7. Davies Jonathan S., Holm-Hansen Jørn, Kononenko Vadim, Røiseland Asbjørn. Network governance in Russia: an analytical framework. *East European Politics*. 2016;32:2:131–147.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Станислав Павлович Митрахович — старший преподаватель Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
smitrahovich@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Stanislav P. Mitrakhovich — Senior Lecturer, Department of Political Science and Mass Communication, Financial University, Moscow, Russia
smitrahovich@fa.ru

Статья поступила 10.10.2019; принята к публикации 30.10.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.10.2019; accepted for publication on 30.10.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-24-29
УДК 378(045)

Анализ опыта работы с иностранными студентами в России и Китае*

Е.В. Махмутова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-9712-5023>

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены основные тенденции развития мирового рынка образования, приведены качественные и количественные характеристики этого процесса в двух странах – России и Китае. Проведен сравнительный анализ усилий российского и китайского руководства по одному из актуальных параметров интернационализации образования – привлечению иностранных студентов. Современное образование становится все более глобальным, повышается мобильность студентов, открывается все больше возможностей для продолжения образования вне территориальных границ своего государства. В то время как англоязычные страны-экспортеры прочно заняли свою нишу на этом рынке, Россия и Китай стремятся сформировать собственную повестку глобального образования. Работа с иностранными студентами сегодня стала неотъемлемым инструментом укрепления имиджа страны за рубежом. У России со времен Советского Союза накоплен богатый опыт работы с данной категорией студентов, однако реалии современности требуют большей активности на этом направлении. Китай сравнительно недавно включился в борьбу за таланты из-за рубежа, делая упор на соседей по Азиатско-Тихоокеанскому региону. Отмечается, что и Россия, и Китай прикладывают существенные усилия для того, чтобы вывести вузы своих стран на лидирующие позиции в мировых университетских рейтингах, сделать их узнаваемыми и востребованными среди студентов-иностранцев. Подчеркивается ведущая роль государства в определении стратегии привлечения иностранных студентов в свои вузы. Однако в стратегиях российских и китайских властей есть много отличий, непосредственным образом влияющих на динамику интернационализации образования. Прежде всего, это разность конечных целей, которую преследуют Россия и Китай в борьбе за иностранных студентов. Эмпирическую базу исследования составили статистические показатели министерств образования РФ и КНР, данные международных организаций.

Ключевые слова: Китай; интернационализация; иностранные студенты; университет; рейтинг; академическая мобильность; экспорт образования; нацпроект «Образование»

Для цитирования: Махмутова Е.В. Анализ опыта работы с иностранными студентами в России и Китае. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2019;9(6):24-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-24-29

ORIGINAL PAPER

Analysis of Work Experience with International Students in Russia and China**

E.V. Makhmutova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9712-5023>

ABSTRACT

The article discusses the main trends in the development of the global education market, provides qualitative and quantitative characteristics of this process in two countries – Russia and China. The author gives the comparative analysis of the efforts of the Russian and Chinese leadership on one of the relevant parameters of the internationalisation of education – attracting international students. Modern education becomes more global, while the student's mobility increases. That is why there are more and more opportunities to continue training outside the territorial borders of their state. While English-speaking exporting countries have firmly taken their niche in this market, Russia and China have recently become involved in this process. Work with international students today has become an integral tool to strengthen the image of the country abroad. Since the days of the Soviet Union, Russia has accumulated rich experience

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

** The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state task to the Financial University.

working with this category of students, but the realities of our time require more activity in this direction. China has recently joined the struggle for overseas talents, but it can already show visible results. The author stated that both Russia and China make significant efforts to bring the universities of their countries to leading positions in world university rankings, to make universities recognisable and popular among international students. Besides, the author emphasised the leading role of the state in determining the strategy for attracting international students to their universities. However, there are many differences in the strategies of the Russian and Chinese authorities that directly affect the dynamics of the internationalisation of education. First of all, this is the difference in the ultimate goals pursued by Russia and China in the struggle for international students. The empirical base of the study was made up of statistical indicators of the ministries of education of the Russian Federation and China as well as data of international organisations.

Keywords: education; China; internationalisation; overseas students; university; ranking; academic mobility; education exporters; national project “Education”

For citation: Makhmutova E.V. Analysis of work experience with international students in Russia and China. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):24-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-24-29

ВВЕДЕНИЕ

Рынок образовательных услуг стремительно глобализируется, вовлекая в процесс интернационализации образования новые страны. Согласно докладу ОЭСР “Education at a glance” за 2019 г. англоязычные страны (США, Великобритания, Канада, Австралия) в совокупности принимают 40% от общего числа студентов, выезжающих на учебу на границу. Другие популярные направления включают Францию, Германию и Россию¹. Наряду с традиционными игроками все большую активность демонстрируют страны — экспортеры образования, ранее не входившие в мировые рейтинги: Китай, Турция, страны Латинской Америки.

Что касается студентов, то основной контингент представлен учащимися из стран Азии. По данным ОЭСР, в 2019 г. они составляли 56% от общего числа иностранных студентов, уезжающих на учебу за границу. Если азиатские студенты предпочитают обучаться в других странах или регионах, то, например, европейцы, как правило, остаются в ЕС, а американцы — в США или других англоязычных странах.

Таким образом, студенческая мобильность формируется, главным образом, азиатскими странами, которые выступают импортерами образования и в среднесрочной перспективе будут определять процесс интернационализации мирового образования в целом.

Россия и Китай являются сравнительно новыми игроками на рынке интернационализации образования. Несмотря на то что у Советского

Союза был опыт (и довольно успешный) работы с иностранными студентами, в современной России это направление сейчас переживает новый этап с учетом мировых трендов [1]. В Китае происходят схожие процессы: формирование стратегии и переосмысливание своей роли на международном образовательном рынке.

РОССИЯ НА РЫНКЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Центральный российский проект — повышение конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров. Одним из измеряемых критериев является рост числа иностранных студентов в российских вузах как важный компонент интернационализации образования. В количественном измерении это проявляется в реализации нацпроекта «Образование», в рамках которого стоит задача увеличения числа иностранных студентов в российских вузах до 435 тыс. до 2024 г. (<https://edu.gov.ru/national-project/>). В 2016/2017 учебном году в российских вузах обучалось 313,1 тыс. иностранных студентов (установленная квота с 2016 г. по настоящее время), из них 15 тыс. — по линии Россотрудничества за счет российского бюджета². В России разработана Концепция экспорта образовательных услуг на период 2011–2020 гг. Концепция предлагает агрегировать усилия государства, университетов, научных организаций и общественных объединений для анализа информации обо всем спектре международного образовательного сотрудничества (<http://www.>

¹ What is the profile of internationally mobile students? Education at a glance 2019. Highlights. OECD Publishing. 2019. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/f8d7880d-en.pdf?expires=1573233249&id=id&accname=guest&checksum=69C2689A9A47E9F7139EB7A00F4B6F2E>.

² Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Вып. 8. URL: http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2018/Arefiev_Sbornik_8_001_536_2018_ispr8_15_11_18.pdf.

ecsocman.hse.ru/hsedata/2011/01/18/1208078939/Concept_for_Exporting.pdf).

Движущей силой российского образования за рубежом является Россотрудничество, на сайте которого данное направление называется важнейшей государственной задачей и частью которого является проект «Русская школа за рубежом» (http://socioprognoz-ru.lgb.ru/files/File/2018/Arefiev_Sbornik_8_001_536_2018_ispr8_15_11_18.pdf).

Основным источником информации о российском высшем образовании для студентов-иностранцев служит официальный ресурс Министерства науки и высшего образования РФ “Study in Russia”. По данным ресурса, среди всех студентов-иностранцев в России лидируют представители СНГ — им не нужно оформлять учебную визу. Число учащихся из этих стран на конец 2017 г. составило 122 тыс. человек (<https://studyinrussia.ru/actual/articles/skolko-inostrannykh-studentov-v-rossii/>). На первом месте — студенты из Центральной Азии: Казахстана (39 757 чел.), Туркменистана (17 264 чел.), Узбекистана (14 168 чел.) и Таджикистана (13 672 чел.).

Исходя из приведенной выше статистики о страновой принадлежности студентов-иностранцев в России, основная работа в направлении их адаптации ведется в первую очередь со студентами постсоветского пространства.

Одно из наиболее активных направлений работы с иностранной студенческой молодежью — работа с ближайшими соседями. В данном случае российское руководство применяет две стратегии. Первая направлена на создание региональных образовательных кластеров, ориентированных как на внутренний прием российских студентов, так и на приграничные регионы, а вторая — на те приграничные регионы, где в этническом соотношении широко представлено русское население [2].

Можно отметить тенденцию, при которой российское руководство стремится не просто дать образование иностранным студентам, а оставить их для работы на территории России. Так, в 2013 г. были внесены изменения в Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», согласно которым иностранные студенты имеют право трудоустроиться без разрешения на работу (по студенческой визе) в течение каникул, но в пределах субъекта РФ, где они обучаются, а также в период учебы, но в образовательной

организации, где они учатся (<https://ais-rus.com/news/19>). Во всех остальных случаях необходимо разрешение на работу. Исключение составляют государства — члены Евразийского экономического союза (Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан).

КИТАЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ ПРОДВИЖЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ РЕГИОНОВ К ГЛОБАЛЬНОМУ МИРУ

За последнее десятилетие Китай стал активным игроком на рынке привлечения иностранных студентов в свои университеты. Несмотря на то что Китай сравнительно недавно присоединился к глобальному тренду стимулирования академической мобильности, уже можно говорить об определенных успехах Поднебесной в этом направлении. Китайская стратегия работы с иностранными студентами базируется на утверждении о том, что приток подобного контингента позволит стране укрепить свое влияние в мире и простимулирует приток финансирования [3].

В основе китайской стратегии работы с иностранными студентами лежит предположение о том, что, предоставляя образовательные услуги иностранцам, Китай получит возможность укрепить свое влияние в мире и нарастит приток финансирования извне.

Согласно данным Института международного образования (ИЕ) в 2019 г. в Китае обучалось 492 185 студентов-иностранцев. Основной контингент иностранных обучающихся составляют студенты из соседних стран, в основном из Азиатско-Тихоокеанского региона. Бесспорным лидером по количеству студентов, получающих образование в КНР, является Южная Корея (50 600 чел. в 2019 г.). На 2-м месте — Таиланд (28 608 чел.), на 3-ем — Пакистан (28 023 чел.). Россия в этом списке занимает 6-е место (19 239 чел.), уступая Индии и США (<https://www.iie.org/Research-and-Insights/Project-Atlas/Explore-Data/China>).

Делая выбор в пользу КНР, студенты из Азии решают для себя задачу смягчения последующей адаптации к условиям проживания в другой стране за счет близости культур, ценностей, образа жизни. Китайская образовательная модель, социально-политический контекст в целом близки студентам из первой тройки лидеров, чем и объясняется их стремление получить высшее образование именно в Китае. Немаловажную роль играют финансовые преимущества обучения

в Китае перед образованием в англоязычных странах [4].

К тому же образовательная стратегия китайского руководства в первую очередь направлена на привлечение обучающихся из сопредельных стран, а во вторую — студентов из стран Запада.

Наиболее популярные неязыковые направления для иностранных студентов в Китае: медицина, инженерия, экономика и менеджмент. Большинство иностранных студентов в Китае (около трети от общего количества) посещают учебные заведения в Пекине и Шанхае.

Китайское правительство инвестирует в высшее образование, чтобы сделать свою систему конкурентоспособной на мировом уровне, а также ужесточить управление международными программами. Спецификой китайской системы (которая делает ее похожей на российскую) является то, что университеты — это одновременно академические образования и правительственные учреждения, осуществляющие цели государственной политики. Процесс адаптации иностранных студентов из англоязычных стран одинаково сложный как в России, так и в Китае (прежде всего, из-за низкой распространенности владения английским языком на уровне административно-хозяйственного персонала). Аналогичные трудности испытывают китайские студенты в России, чье владение русским языком зачастую не дотягивает до минимального уровня [5].

Интернационализация высшего образования в Китае является приоритетной государственной повесткой. Правительство КНР выступает за активное международное сотрудничество в этой сфере, однако является его активным регулятором. С одной стороны, китайское руководство приветствует активное развитие международных контактов университетами, но с другой — настаивает на прямом его регулировании [6].

В четкую систему стратегических приоритетов для привлечения студентов-иностранцев включены, помимо непосредственно увеличения числа иностранных обучающихся (до 500 тыс. к 2020 г.), также увеличение количества государственных программ и стипендий для этой категории студентов, стимулирование научной активности путем субсидирования исследований для иностранцев, финансирование самих университетов для оказания им материальной поддержки, оснащение лабораторий современным оборудованием. В Китае есть государственные программы, ориентированные на привлечение

иностранцев: Great Wall, Форум тихоокеанских островов.

Знание китайского языка не ниже среднего уровня, подтвержденное соответствующими сертификатами, — минимальное необходимое требование для получения образования в Китае. Сдача экзаменов происходит в центрах приема, как в России, так и за рубежом. Причем отобранные государством вузы могут самостоятельно устанавливать дополнительные внутренние экзамены. Отделения языковой подготовки расположены во всех вузах. Языковая подготовка длится от 1 до 2 лет.

Если ранее университеты обязаны были получать разрешение государства на прием иностранных студентов, то в условиях курса на интернационализацию образования в 2010 г. такая практика была отменена. Теперь все вузы могут без соответствующего правительственного разрешения принимать на учебу студентов из-за рубежа. Китайское правительство подписало соглашения о взаимном признании дипломов с 34 странами.

Ключевой инструмент продвижения китайской образовательной системы — Институты Конфуция. Помимо собственно образовательной функции и знакомства учащихся с китайской культурой, Институты Конфуция ориентированы на формирование подготовленной аудитории молодых людей, которые впоследствии поедут на учебу в Китай, уже имея базовые знания китайского языка.

Кроме того, часть стратегии составляет привлечение иностранных студентов из Юго-Восточной Азии и северных регионов Африки за счет увеличения квот для них. Хотя в Китае уже проживает значительное число студентов из 10 стран, входящих в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) (около 68 тыс. чел. в 2016 г.), страна уделяет особое внимание развитию более тесных образовательных связей с этими соседями. Иностранцы студенты из стран Юго-Восточной Азии являются «мостом» в отношениях между странами АСЕАН и Китаем [6].

Китайское правительство ведет статистический учет иностранных студентов в КНР. Так, в частности, министерство образования с 2005 г. издает ежегодный статистический сборник об обучении и стажировках иностранцев в вузах и НИИ. С 2008 г. в Китае работает единая электронная база данных для учета процесса обучения и перемещения всех иностранных учащихся [7].

Несмотря на то что китайские власти принимают значительные усилия, чтобы адаптация иностранных студентов в Китае была более мягкой, можно выделить определенные сложности, с которыми сталкиваются обучающиеся [8].

Например, отсутствие взаимозачета модулей и кредитов между китайскими вузами и вузами других стран (в том числе и российскими), а также непризнание на практике китайских дипломов при формальном существовании такого соглашения. Китайские образовательные программы более регламентированы, в них нельзя выбрать понравившиеся курсы, что существенно отличает китайскую систему от, например, болонской. Все это ограничивает приток иностранных студентов в китайские вузы [9]. В социальном плане адаптация сопряжена с выраженными особенностями китайской культуры — преобладанием китайских блюд в меню университетских столовых, специфической культурой приема пищи (массовой и не всегда соответствующей санитарным нормам), размытыми личными границами. Кроме того, общение иностранных и китайских студентов во внеучебное время практически сведено к нулю, иностранцы, как правило, проходят адаптацию в студенческих сообществах своих стран, а китайцы не проявляют интереса к иностранным студентам [9].

Обобщая усилия Китая по интернационализации образования, можно сказать, что вопрос имиджевой целесообразности также является важным, но не приоритетным. Основная цель привлечения иностранных студентов — содействие экономическому развитию, укрепление экономических позиций Китая, развитие ин-

новаций и финансирования на благо китайской экономики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев активность России и Китая в направлении привлечения иностранных студентов и последующей работы с ними, можно сделать следующие выводы:

1. Российская стратегия привлечения иностранных студентов ориентирована в первую очередь на встраивание в мировой образовательный рынок через узнавание вузов, цитирование ученых, признание научно-исследовательских разработок.

2. Интернационализация российского образования, становление России как крупного экспортера образования направлены на улучшение имиджа страны за рубежом, формирование лояльно настроенной общности выпускников российских вузов и пророссийских правящих элит.

3. Основные усилия России направлены на студентов постсоветского пространства, в то время как дальнему зарубежью отводится второстепенная роль.

4. Российские усилия по интернационализации образования отличаются высокой степенью государственного регулирования и контроля.

5. Китайская стратегия привлечения студентов также имеет государственное происхождение. Большинство инициатив на данном направлении исходит от властей.

6. Имиджевая составляющая в деле экспорта китайского образования, если и играет роль, то неприоритетную. Основная задача — укрепление экономического потенциала страны, привлечение талантов из-за рубежа для дальнейшей работы на благо китайской экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цветкова Н. А. Российское образование в АТР: забытые уроки СССР, актуальный опыт США: Университеты как платформа продвижения интересов России в АТР. 2012. URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=986.
2. Панин Е. В., Анохина Т. Я. История и особенности обучения иностранных студентов в советских и российских вузах. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2014;(4):136–145.
3. Машкина О. А. Образование как ресурс развития Китая в XXI в. *История и современность*. 2009;(1):130–153.
4. Andrade M. S. International students in English-speaking universities: Adjustment factors. *Journal of Research in International Education*. 2006;(5):131–154.
5. Баранова Н. М., Глазова Т. Д. Процесс адаптации иностранных студентов в России (на примере студентов из Китая). Актуальные проблемы социальной коммуникации. Материалы второй международной научно-практической конференции. Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет; 2011.

6. Phylis Lan Li. Internationalization of Higher Education in China: Challenges and Opportunities//Researchgate. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/332131130_Internationalization_of_Higher_Education_in_China_Challenges_and_Opportunities.
7. Интернационализация российских вузов: китайский вектор. Н.Е. Бореvская, ред. Российский совет по международным делам. 2013. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/internatsionalizatsiya-rossiyskikh-vuzov-kitayskiy-vektor/>.
8. Харченко Б.В. Проблемы адаптации российских студентов в китайских университетах. *Молодой ученый*. 2018;(24):266–269.
9. Ярулин И.Ф., Задорожная В.А. Межкультурная адаптация российских студентов в контексте стратегии интернационализации высшего образования КНР. *Вестник ТОГУ*. 2017;1(44):179–186.

REFERENCES

1. Cvetkova N. A. Russian education in Asia-Pacific: Forgotten lessons of the USSR, experience of the USA: Universities as a platform for promotion of Russian interests in Asia-Pacific. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam = Russian international affairs council; 2012. URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=986. (In Russ.).
2. Panin E. V., Anohina T. Ya. History and specifics of education of the international students both in Soviet and Russian universities. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov*. 2014;(4):136–145. (In Russ.).
3. Mashkina O. A. Education as a source of China's development in the XXI century. *Istoriya i sovremennost*. 2009;(1):130–153. (In Russ.).
4. Andrade M. S. International students in English-speaking universities: Adjustment factors. *Journal of Research in International Education*. 2006;(5):131–154.
5. Process of adaptation of international students in Russia (the example of Chinese students). In Actual problems of social communication. Materials of the second scientific and practical conference. Nizhniy Novgorod State Technical University; 2011. (In Russ.).
6. Phylis Lan Li. Internationalisation of Higher Education in China: Challenges and Opportunities//Researchgate. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/332131130_Internationalization_of_Higher_Education_in_China_Challenges_and_Opportunities.
7. Internationalisation of Russian universities: the Chinese vector. N. E. Borevskaya, ed. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam = Russian international affairs council; 2013. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/internatsionalizatsiya-rossiyskikh-vuzov-kitayskiy-vektor>. (In Russ.).
8. Harchenko B. V. Problems of adaptation of Russian students in Chinese universities. *Molodoj uchenyj*. 2018;(24):266–269. URL: <https://moluch.ru/archive/210/51350>. (In Russ.).
9. Yarulin I. F., Zadorozhnaya V. A. Intercultural adaptation of Russian students in the context of the university internationalisation strategy. *Vestnik Tihoookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017;1(44):179–186. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгения Викторовна Махмутова — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Россия, Москва
EVMakhmutova@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya V. Makhmutova — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
EVMakhmutova@fa.ru

Статья поступила 15.10.2019; принята к публикации 30.10.2019.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.10.2019; accepted for publication on 30.10.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-30-37
УДК 378(045)

Отечественный и зарубежный подходы к работе со студентами-иностранцами: «кадровый резерв» vs «мягкой силы»*

Д.Д. Осинина

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-5565-2079>

АННОТАЦИЯ

В современном мире образование становится новой платформой для конкуренции между государствами, так как, помимо предоставления знаний, его функция заключается в формировании сознания и мировоззренческих установок молодого человека. Соответственно, государства стремятся через образовательные институты продвигать свои национальные модели развития, системы ценности и элементы культуры по всему миру. Конечная цель подобной политики — формирование пула убежденных сторонников, которые будут ретранслировать «полученные знания» у себя на родине. Однако только ли этой целью движимы государства? Разумеется, нет, — ряд государств ориентирован на привлечение иностранных студентов с целью включения наиболее талантливых и одаренных из них в национальный кадровый резерв. Опасность такого подхода кроется в формировании устойчивой зависимости от «внешних мозгов». Раскрыть страновые особенности подходов к работе со студентами-иностранцами, а также определить их ключевые стратегии — цель данного исследования.

Ключевые слова: иностранные студенты; «мягкая сила»; кадровый резерв; Россия; США; КНР; Турция

Для цитирования: Осинина Д.Д. Отечественный и зарубежный подходы к работе со студентами-иностранцами: «кадровый резерв» vs «мягкой силы». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):30-37. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-30-37

ORIGINAL PAPER

Domestic and Foreign Approaches to Working with Foreign Students: “Personnel Reserve” vs “Soft Power”**

D.D. Osinina

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5565-2079>

ABSTRACT

The goal of this study is to reveal the country-specific features of approaches to working with international students, as well as to determine their key strategies. In the modern world, education is becoming a new platform for competition between states, because its function is not only to provide knowledge but also to form the consciousness and outlook of a young person. Accordingly, states seek through educational institutions to promote around the world their national development models, value systems and cultural elements. The ultimate goal of such a policy is the creation of a pool of staunch supporters around the world who after return to their homeland will relay the “gained knowledge” upon the society. However, are states only driven by this goal? Of course not — a lot of countries are focused on attracting foreign students to include the most talented and gifted of them in the national “personnel reserve”. The danger of the latter approach lies in the formation of constant dependence on “external brains”.

Keywords: international students; soft power; personnel reserve; Russia; USA; China; Turkey

For citation: Osinina D.D. Domestic and foreign approaches to working with foreign students: “Personnel reserve” vs “soft power”. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):30-37. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-30-37

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2019 г.

** The article is based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state task of the Financial University in 2019.

ВВЕДЕНИЕ

Образование испокон веков рассматривалось не просто как социальный институт, отвечающий за приобретение индивидом знаний, но и как канал для передачи основных ценностей господствующей культуры. Об этом написано в работе «Воспитание и социология» французского социолога и философа Э. Дюркгейма: ретрансляция господствующей системы ценностей и мировоззренческих установок через образовательные институты нацелена на обеспечение социального контроля в обществе. Если же применить данный подход к анализу работы со студентами-иностранцами, то вырисовывается следующая картина: молодежь в процессе получения знаний за рубежом, находясь в инокультурной среде, также приобщается к господствующим в ней ценностям и идеям.

При этом данный подход вполне вписывается в современные реалии гибридных войн, когда борьба между государствами идет не столько в военно-силовом поле, сколько, скорее, в идейно-культурном пространстве, в продвижении национальных моделей развития по всему миру — будь то американская идея демократии или социализм с китайской спецификой. Популяризация политико-экономических моделей государств, их культурных особенностей происходит при помощи инструментов «мягкой силы», каналами которой являются образовательные институты. То есть «мягкая сила» вырастает из привлекательности культуры, политики того или иного государства. Но всегда ли только это движет государствами-реципиентами при привлечении иностранных студентов?

Условно дифференциация подходов к иностранным студентам может осуществляться по двум направлениям: рассматривает ли государство-реципиент иностранных студентов в качестве своего кадрового резерва, или же иностранные выпускники воспринимаются в качестве инструмента «мягкой силы», т.е. лояльно настроенной молодежи, способствующей продвижению имиджа государства-реципиента у себя на родине, выступающей за политико-экономическое сотрудничество с ним. Соответственно, учитывая приоритеты государства, формируются модели работы с иностранными студентами, для анализа которых нами было взято 4 кейса: Россия, Турция, Китай, США.

РОССИЯ

Анализируя отечественный подход к работе со студентами-иностранцами, нужно сразу отметить, что российские позиции на рынке образовательных услуг заметно выросли за последние годы. Так, в период с 2010 по 2017 г. численность иностранных студентов в российских вузах увеличилась в 1,5 раза — с 187,3 до 313,1 тыс. чел. В то же самое время увеличился и удельный вес студентов-иностранцев в российских вузах: если в 2010/2011 учебном году иностранные студенты составляли 2,65% от общего числа студентов, то в 2016/2017 учебном году их доля составила 7,11% [1].

Этому во многом способствовала обновленная государственная стратегия по отношению к студентам-иностранцам, т.е. российская сторона в последние годы подчеркивает свою заинтересованность в притоке иностранных студентов с помощью создания благоприятной среды и системы дальнейшей поддержки выпускников. В частности, были внесены изменения в Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». В результате иностранные студенты могут работать по студенческой визе в пределах субъекта РФ, где они получают образование, в период каникул, а также на протяжении всего обучения в той образовательной организации, где они учатся (<https://ais-rus.com/news/19>). А перспективы трудоустройства и возможность параллельно учебе зарабатывать влияют на выбор иностранными студентами той или иной страны для получения образования. Более того, создается система дальнейшей работы с иностранными выпускниками, возвращающимися на родину, через землячества и ассоциации выпускников, например создана «Ассоциация иностранных студентов», руководит которой В. Четий (<https://ruskiymir.ru/publications/258245/>). Таким образом, если раньше работа с иностранными студентами велась точно, то теперь формируется целая система, которая рассчитана на долгосрочную перспективу и отвечает задачам государства.

Итак, российский подход к иностранным студентам условно можно подразделить на 4 стратегии:

Первая стратегия связана с достижением имиджевых целей государства и является продолжением советского подхода к работе с иностранными студентами. Основная цель

такого подхода — подготовка лояльно и дружелюбно настроенной молодежи, которая станет опорой РФ в продвижении ее интересов за рубежом: в политической сфере, в бизнесе, в культурных и образовательных проектах.

При этом если обратиться к советскому периоду, то можно отметить, что образование выступало в роли одного из ключевых инструментов в подготовке лояльной зарубежной элиты в тех государствах, где у СССР были свои интересы. И эта система была эффективной, так как, во-первых, образование было качественным и высоко ценилось, а, во-вторых, для многих оно становилось социальным лифтом, дающим «путевку в жизнь». Конечно, нужно признать, что в СССР зачастую обучались не обычные ребята, а дети из обеспеченных семей, чье будущее на родине было предопределено. Однако в российских вузах можно было обзавестись нужными связями и обратить на себя внимание, да и на родине наличие советского диплома повышало социальный статус молодого человека. Более того, советское образование до сих пор выступает мостиком во взаимоотношениях между РФ и представителями политических элит иностранных государств, которые тепло вспоминают студенческие годы и высоко ценят полученные знания. Так, в Советском Союзе получили образование президент Палестины Махмуд Аббас (окончил аспирантуру Университета Дружбы народов), президент Вьетнама Нгуен Фу Чонг (окончил аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, сейчас РАНХиГС), президент Шри-Ланки Паллеуатте Гамаралаге Майтрипала Япа Сирисен (окончил Литературный институт им. Горького), глава Анголы Жуан Лоренсу (окончил Военно-политическую академию имени В.И. Ленина) и т.д. [2].

На сегодняшний день в рамках данного подхода Россия работает на постсоветском пространстве, в Африке и Сирии, т.е. в тех государствах, где интересы РФ ориентированы на долгосрочную перспективу. Например, на прошедшем в октябре 2019 г. саммите «Россия — Африка» было заключено соглашение между РУДН и корпорацией «Росатом», согласно которому российский вуз будет готовить кадры для совместных проектов в Африке. Учитывая обозначенные интересы РФ в Африке, а также активизацию российских компаний на континенте (в числе которых «Роснефть», «Росатом» и «Рособоронэкспорт»), в ближайшей перспективе

следует ждать увеличения притока студентов из Африки в российские вузы для подготовки кадров под совместные проекты.

То же касается и Сирии, где российское руководство стремится закрепить свое влияние. В частности, студентам из Сирии выделена одна из самых больших квот на получение образования в РФ — 500 мест при общем количестве заявок около 2500 (<http://rs.gov.ru/ru/medias/30>). При этом можно констатировать, что интерес этот взаимный, ибо Россия, будучи единственной силой, выступающей в роли гаранта безопасности в Сирии, а также оказывающая поддержку режиму Б. Асада, содействует восстановлению страны. Поэтому сирийское руководство заинтересовано в приходе российских компаний, российских инвестиций и в подготовке соответствующих кадров для совместных проектов из числа местного населения. Например, российская компания «Стройтрансгаз» выделила инвестиции в сумме 115 млн долл. на строительство туристического комплекса «Тартус», взамен получив от сирийской стороны земельный участок и налоговые преференции [3]. Данный проект отразился на увеличении численности сирийских студентов, направившихся на обучение в Россию по таким специальностям, как «туризм», «архитектура» и «инженерное дело». Более того, сирийское правительство выделило 200 дополнительных мест на обучение в магистратуре и аспирантуре в России, а также направило дополнительные средства на стипендиальное обеспечение сирийцев, обучающихся в России, из расчета 900 долл./мес. на человека (<https://ria.ru/20180528/1521561435.html>).

В противовес двум вышеуказанным направлениям (Африка и Сирия), на постсоветском пространстве у российских образовательных институтов есть серьезные конкуренты в лице США, Великобритании, КНР и Турции, которые, продвигая свои образовательные проекты, выделяют солидные средства под стипендиальное обеспечение, а также находят поддержку со стороны руководства постсоветских государств. В этой связи преимуществом российского образования выступают некогда единое языковое пространство, а также политико-экономические связи в рамках СНГ и ЕАЭС, что позволяет иностранным выпускникам российских вузов по возвращении на родину устраиваться в представительства российских компаний.

Вторая стратегия ориентирована на постсоветское пространство и является продолжением первой, **ее ключевая цель — воспроизводство сложившихся культурных связей**. Соответственно, основные задачи данного направления связаны с сохранением роли и статуса русского языка на постсоветском пространстве, а также поддержанием дружеских контактов между иностранными выпускниками российских вузов.

Для достижения поставленной цели действует два ключевых актора — Россотрудничество и Ассоциация выпускников советских и российских вузов, филиалы которой находятся более чем в 70 странах мира. При этом, несмотря на то, что Россотрудничество открыло 12 представительств и 9 филиалов на постсоветском пространстве, Ассоциация выпускников имеет ряд преимуществ в рекрутинге иностранных студентов. Прежде всего потому, что, в отличие от Россотрудничества, Ассоциация опирается на выстроенные еще в советский период связи, т.е. взаимодействует с выпускниками советских вузов, вернувшимися на родину. Таким образом, Ассоциация выпускников советских и российских вузов может «зайти» в те государства, где деятельность Россотрудничества ограничена. Например, не так давно были открыты Ассоциации выпускников российских и советских вузов в Грузии и Литве (<https://ruskiymir.ru/publications/258245/>).

В целом задача ассоциаций заключается в поддержке тех выпускников-иностранцев, кто по приезду на родину хочет продолжить взаимодействие с РФ через землячества и культурные центры. Отбор таких студентов идет еще во время обучения в вузе, среди критериев — участие в крупных общественно значимых мероприятиях (например, в мероприятиях «Росмолодежи»), занятие руководящих постов в студенческих организациях и т.д.

В этой связи интересно также отметить, что инициатива поддержания дружеских контактов с выпускниками исходит не только от государства, но и от самих вузов, которые заинтересованы в сохранении корпоративного духа и «семейственности». К примеру, в мае 2019 г. МГИМО провел V Международный форум выпускников в Ташкенте, собрав, как тех, кто учился еще в советский период, так и тех, кто только закончил вуз (<http://www.alumniforum.mgimo.ru/>). Более того, именно в Ташкенте МГИМО открыл в этом году свой филиал, который будет

готовить специалистов по направлениям «бизнес-информатика» и «юриспруденция».

Ставка в рамках данной стратегии делается на «сарафанное радио» (или «маркетинг из уст в уста»), когда абитуриенты получают всю информацию от недавних выпускников, т.е. от тех, кто сам прошел путь адаптации к иной социокультурной среде и готов поделиться своим опытом.

И, наконец, **третья стратегия работы со студентами-иностранцами ориентирована на приграничные районы, где в этническом плане широко представлено русское население**. Особенно здесь можно выделить Северный Казахстан, где исторически численность русского населения составляла более 50%, и, несмотря на целенаправленную политику государства по «казахизации» региона (перенос столицы из Алма-Аты в Нур-Султан), казахстанским властям радикально изменить тенденцию не удалось. На 2018 г. русских в Северном Казахстане проживало 1 324 589 чел., а казахов — 1 880 090 чел.

В качестве примера можно привести сибирские вузы, которые со второй половины 2000-х гг. активно привлекали в свои ряды студентов из Северного Казахстана и проводили специализированные олимпиады для отбора талантливых школьников с последующим их зачислением без вступительных испытаний. Например, Новосибирский государственный технический университет (НГТУ) в течение нескольких лет проводит олимпиаду среди павлодарских школьников.

В целом подобная политика сибирских вузов стала отражением того демографического кризиса, который имел место в России с 1992 г., когда естественный прирост впервые после Великой Отечественной войны сменился убылью и коэффициент рождаемости составил 1,195. (<https://tass.ru/info/5503201>). Выровнять ситуацию с притоком абитуриентов удалось только к 2018 г., когда в вузы стали поступать те, кто родился после 2000 г. Тем не менее привлечение молодежи в российские регионы — тема актуальная и по сей день, особенно для малонаселенных регионов России, где плотность населения варьируется от 1,2 до 3 чел. на км² (по данным Росстата на 1 января 2018 г.: Красноярский край — 1,23, Республика Тыва — 1,89, Республика Алтай — 2,35, Иркутская область — 3,13, Томская область — 3,40) (<http://worldgeo.ru/russia/lists/?id=26&fedokr=4>).

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что данная стратегия, с одной стороны, стала необходимостью (что можно увидеть на примере сибирских вузов), а с другой — элементом поддержания культурных и исторических связей с русскоязычным населением, проживающим в приграничных регионах. Более того, русские диаспоры являются своего рода инструментом «мягкой силы», чей голос ввиду их многочисленности приходится учитывать при проведении государственной политики, а их ориентация на Россию служит определенным рычагом влияния в межгосударственных отношениях.

Как видно из представленного выше материала, все три стратегии связаны с реализацией политики «мягкой силы». Именно данный подход является доминирующим при формировании российской модели работы со студентами-иностранцами. Однако за последние 5 лет ситуация начала меняться, и формируется **четвертая стратегия, в рамках которой иностранные студенты воспринимаются, в том числе, и как кадровый резерв российских компаний, работающих за рубежом.** В числе компаний, которые приступили к освоению данной стратегии «РусАл», «Росатом», «Лукойл», «Газпром». Соответственно, наиболее популярными специальностями выступают «инженерное дело», «нефтегазовое дело» и т.д.

В то же время далеко не все студенты, заинтересованные в российском образовании, могут позволить себе приехать в РФ, так как количество мест, предоставляемых по линии Россотрудничества, ограничено. Поэтому РФ использует и альтернативный подход, открывая филиалы российских вузов за рубежом. В частности, в Узбекистане в 2019 г. были открыты филиалы МГИМО, НИЯУ «МИФИ», Московского энергетического института и Российского химико-технологического университета им. Менделеева. Отрадно, что подобная деятельность российских вузов была активно поддержана на уровне президента Узбекистана Ш. Мирзиёева, формирующего каналы для подготовки кадрового резерва политико-управленческой элиты республики.

ТУРЦИЯ

На восприятие иностранных студентов в качестве инструмента «мягкой силы» ориентирована и турецкая модель. Условно турецкий подход

к работе со студентами-иностранцами можно подразделить на 3 стратегии.

Первая стратегия ориентирована на формирование протурецкой прослойки за рубежом. С этой целью турецкое правительство активно привлекает иностранных граждан для получения образования в Турции через государственную стипендиальную программу «Стипендиаты Турции» (создана в 2012 г.), в рамках которой уже сейчас обучается 16 тыс. студентов со всего мира. Данную программу координирует Управление по делам диаспоры при правительстве Турции, представительства которого открыты более чем в 100 государствах. Вдобавок, Турция пытается создать максимально комфортные условия для студентов-иностранцев, обеспечивая их жильем, питанием, медицинской страховкой, а также оплачивая сотовую связь. А студенты, успешно справляющиеся с освоением образовательной программы, в качестве бонуса от турецкого правительства получают еще и стипендию в размере 200 долл. в месяц.

Вторая стратегия ориентирована на конкретные страны и связана с реализацией политических целей государства, в частности с продвижением турецкого влияния в Сирии. В рамках работы на данном направлении Турция значительно увеличила квоты для сирийских студентов по программе «Стипендиаты Турции», доведя ее к 2016 г. до 1425 мест. Соответственно, Турция заинтересована в том, чтобы сирийская молодежь получала образование в Турции, а по возвращении на родину выступала в качестве турецкого адепта.

И, наконец, **третья стратегия связана с продвижением идеи пантюркистского мира.** Особенно активно Турция работает в мусульманских республиках постсоветского пространства, открывая там турецкие центры и школы для языковой и культурной подготовки молодежи, курируемые Министерством образования Турции. Также задачей данных центров является оказание поддержки выпускникам, получившим образование в Турции, и вернувшимся на родину. Например, открытые в Казахстане и в Азербайджане Институты им. Юнуса Эмре, с одной стороны, продвигают турецкий язык в массы, а с другой, являются центром притяжения молодежи, ориентированной на Турцию.

Таким образом, можно заключить, что главным преимуществом турецкого подхода к рабо-

те со студентами-иностранцами является наличие отлаженной системы координации их адаптации и интеграции в новое социокультурное пространство, а также их сопровождение после выпуска. Данная система выстроена как на уровне государства в целом (Агентство содействия турецким университетам), так и на уровне вузов в частности. Например, во всех вузах существуют: офис, курирующий адаптацию иностранных студентов к университетской среде и к культуре страны (часто в качестве подобного центра выступает Эразмус-офис); отдел, курирующий жилищные вопросы, — International Student Assistance (студентам предложен один из вариантов проживания — студенческий кампус, находящийся на территории вуза, молодежный хостел или съемные квартиры) и центр карьеры, занимающийся трудоустройством студентов.

В то же время на имидж турецких инициатив негативное влияние оказывает предыдущая программа продвижения культуры и языка через сеть гюленовских центров «Хизмет». Так, сеть гюленистов по всему миру способствовала распространению пантюркистских идей и готовила протурецкую прослойку общества в стратегических для Турции целях [4]. Однако после размолвки между Р.Т. Эрдоганом и Ф. Гюленом данные школы были запрещены — как на территории Турции, так и (по просьбе турецкого президента) во многих других странах. Но, например, в Кыргызстане экс-президент А. Атамбаев отказался закрывать гюленовские школы по просьбе Эрдогана, восприняв это как прямое вмешательство в дела государства.

КИТАЙ

Наряду с Россией и Турцией, в качестве инструмента «мягкой силы» использует образование и КНР. Несмотря на то что китайская модель находится еще в стадии формирования, уже сейчас в ее рамках можно выделить 2 основные стратегии работы со студентами-иностранцами.

Итак, **первая стратегия связана с продвижением общественной дипломатии, т.е. с популяризацией китайского языка и культуры в мире**. Данная стратегия стала широко использоваться на фоне активизации геополитического проекта «Один пояс, один путь», так как, с одной стороны, продвижение культурных проектов и инициатив нивелирует опасения относительно китайской экономической эк-

спансии в мире, а с другой, Поднебесной необходимы кадры для работы на совместных инфраструктурных проектах «Пояса и пути». При этом главное отличие китайского подхода от других моделей заключается в том, что КНР создала специальный Информационный офис государственного совета и Международный совет китайского языка — HANBAN, координирующие сеть китайских языковых и культурных центров по всему миру, в том числе институты Конфуция, созданные в 2004 г. То есть Поднебесная в продвижении своих образовательных и культурных проектов ставку сделала на китайский язык, а, учитывая рост числа китайских компаний по всему миру, знание языка становится конкурентным преимуществом при найме на работу.

Напротив, **вторая стратегия носит более локальный характер и ориентирована на приграничные государства, в том числе на Центрально-Азиатские республики**. На 2019 г. из 150 тыс. иностранных студентов, обучающихся в Китае, 75% — студенты из Центральной Азии [5]. И, несмотря на то, что чаще всего молодых людей направляют учиться в университеты Синьцзян-Уйгурского автономного района с целью ассимилировать уйгуров, проживающих на территории региона, поток студентов из Центральной Азии с каждым годом продолжает увеличиваться.

США

Совершенно иной подход к иностранным студентам демонстрируют США, рассматривая наиболее талантливых из них в качестве кадрового резерва, прежде всего в научно-технической сфере. С этой целью в США выстроена так называемая система таргетирования, т.е. оценки потенциала студентов и выделения целевой аудитории. В качестве критериев учитываются как учебные и научные успехи, так и социально-политическая ориентация молодых людей, а также наличие лидерских качеств. В итоге для самых перспективных молодых людей разработана система поддержки — от грантов до кредитов на обучение для иностранных студентов (international student loans). Последние выдаются при условии поручительства со стороны американца, имеющего хорошую кредитную историю или, как это часто бывает, компании, готовой нанять талантливого студента на работу, что, безусловно, выгодно банкам, так как поручитель

в случае неплатежеспособности заемщика обязан выплатить кредит за него (<https://state-usa.ru/obrazovanie/351-zajmy-kredity-dlya-inostrannykh-studentov-v-ssha>). Компаниям подобная система тоже выгодна, потому что студент формально связан с ними на достаточно длительный период, пока не сможет выплатить кредит.

Однако именно с данной стратегией связана проблема обеспечения секретности национальных разработок, ведущихся в американских лабораториях. Так, самой большой диаспорой иностранных студентов в США являются выходцы из Китая, коих в 2018 г. числится около 360 тыс. чел. (более 30% от общего числа иностранных студентов). Часть китайских студентов хотят пройти обучение в Америке полностью, закончить аспирантуру и во время обучения в ней работать в научных центрах. Но в апреле 2019 г. директор ФБР Кристофер Рэй опубликовал заявление о том, что китайские студенты и аспиранты, работая в американских научно-исследовательских центрах, занимаются шпионажем в интересах КНР (<https://www.interfax.ru/world/663530>). Разумеется, данное заявление весьма политизировано и связано с идущей между двумя государствами конкуренцией в экономической и научно-технической сферах, однако вопрос защиты национальных разработок для всех государств стоит очень остро. Ставя на поток привлечение иностранных выпускников к научно-исследовательским разработкам, государство подвергается серьезному риску промышленного шпионажа. Также подобная тактика говорит о «кадровом голоде» в американских научно-исследовательских центрах, о зависимости национальной научной системы от притока «внешних мозгов».

Вторая стратегия связана с реализацией политико-идеологических задач США по продвижению идеи американской демократии по всему миру, т.е. с формированием в умах иностранных студентов привлекательного образа политико-экономической модели американского государства. Поэтому американские власти заинтересованы в том, чтобы в США ехали за образованием молодые люди из обеспеченных семей, которые по возвращении на родину займут статусные позиции в системе власти и будут содействовать продвижению американских интересов. Данной задаче способствуют ежегодно обновляющиеся рейтинги топовых вузов во всем мире, где аме-

риканские университеты традиционно входят в первую десятку. Например, в рейтинге THE World University Rankings 2018–2019 гг. 7 американских вузов вошли в десятку, среди них: Стэнфордский университет, Массачусетский технологический институт, Калифорнийский технологический институт, Гарвардский университет, Принстонский университет, Йельский университет, Чикагский университет (<https://gtmarket.ru/ratings/the-world-university-rankings/info>). При этом один только Гарвардский университет за годы своего существования выпустил 20 иностранных глав государств, его выпускники входят в руководство крупнейших компаний в мире.

В то же время нужно отметить, что, помимо полноценного вузовского образования, США продвигают различные краткосрочные программы подготовки и прокачки специалистов, среди которых программа Hubert Humphrey для иностранных студентов, срок обучения по которой составляет 10 месяцев. Принимающая сторона оплачивает все расходы по обучению и проживанию на территории США, а также перелет и не предъявляет жестких требований к владению английским языком, что делает ее особенно популярной среди молодежи из развивающихся государств. Интерес США объясняется следующим образом: программа Hubert Humphrey рассчитана на «прокачку» представителей общественных организаций, педагогов, журналистов, обладающих лидерскими качествами и занимающих руководящие позиции в своей сфере. Учитывая направленность образовательных программ фонда, а также акцент на лидерских качествах кандидатов, можно сделать вывод, что программа Hubert Humphrey рассчитана на продвижение американских ценностей — демократии и свободы — по возвращении выпускников программы на родину.

Помимо образовательной платформы Hubert Humphrey, большую популярность среди иностранных студентов имеет программа “Fulbright”, по которой ежегодно Конгрессом США финансируется более 8 тыс. грантов. Данная программа появилась в конце 1940-х гг., в начале холодной войны, ее цели связаны с продвижением «доброй воли» в тех странах, где у США имеется свой интерес, путем обмена студентами в области образования, культуры и науки. На сегодняшний день состав Совета по иностранным стипендиям програм-

мы “Fulbright” формируется президентом США. Сама программа рассчитана на 5 месяцев и так же, как и платформа Hubert Humphrey, ориентирована на профессиональную переподготовку общественных деятелей, журналистов, ученых и т.д.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что конечная цель таких краткосрочных программ — формирование пула убежденных сторонников США по всему миру, которые ввиду социальной направленности своей деятельности постоянно взаимодействуют с населением и ретранслируют полученные «знания».

Поэтому их карьерный путь изначально связан с возвращением на родину и продвижением там.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим, что в основном национальные модели работы с иностранными студентами ориентированы на восприятие последних в качестве инструментов «мягкой силы». Однако в последние годы тенденция во многих странах меняется, и государства заинтересованы в том, чтобы наиболее талантливые из выпускников оставались и продолжали свой карьерный путь в стране-реципиенте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арефьев А. Экспорт российских образовательных услуг. Статистический сборник. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2018/Arefiev_Sbornik_8_001_536_2018_ispr8_15_11_18.pdf.
2. Рощепий И. Сирия, Египет и не только: сколько лидеров зарубежных стран учились в СССР. URL: <https://russian7.ru/post/siriya-egipet-i-ne-tolko-skolko-lider/>.
3. Рассохин А. Российский бизнес «скупает» Сирию. В какие проекты он инвестирует в республике. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3758584>.
4. Алексеева Н. Строительство «тюркского мира»: как Анкара усиливает свое влияние на постсоветских территориях. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/413037-turciya-uzbekistan-tyurkskiy-mir>.
5. Джемил Д. Общественная дипломатия Турции и Китая в Центральной Азии. URL: <https://www.trt.net.tr/russian/programmy/2018/08/23/obshchiestviennaia-diplomatia-turtsii-i-kitaia-v-tsientral-noi-azii-1033107>.

REFERENCES

1. Arefyev A. Export of Russian educational services. Statistical compendium. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2018/Arefiev_Sbornik_8_001_536_2018_ispr8_15_11_18.pdf (In Russ.).
2. Reschepi I. Syria, Egypt and beyond: How many foreign leaders studied in the USSR. URL: <https://russian7.ru/post/siriya-egipet-i-ne-tolko-skolko-lider/> (In Russ.).
3. Rassokhin, A. the Russian business ‘buys’ Syria. In what projects he invests in the Republic. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3758584>. (In Russ.).
4. Alekseeva N. Construction of the “Turkic world”: How Ankara strengthens its influence in the post-Soviet territories. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/413037-turciya-uzbekistan-tyurkskiy-mir> (In Russ.).
5. Dzhemil D. Public diplomacy of Turkey and China in Central Asia. URL: <https://www.trt.net.tr/russian/programmy/2018/08/23/obshchiestviennaia-diplomatia-turtsii-i-kitaia-v-tsientral-noi-azii-1033107> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дарья Дмитриевна Осинина — аспирант Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
daria_osinina@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Darya D. Osinina — Postgraduate Student, Department of Political Science and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
daria_osinina@mail.ru

Статья поступила 10.10.2019; принята к публикации 30.10.2019.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.10.2019; accepted for publication on 30.10.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-38-44
УДК 316.77(045)

Информационные потоки крымского и украинского сегментов интернета: контент-анализ сообщений сетей Facebook и ВКонтакте*

О.В. Ярмак^а, А.С. Цепкова^б, Е.А. Лысенко^с, И.Л. Калинская^д

^{а, б, с, д} Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
^а <https://orcid.org/0000-0002-5025-9112>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3225-1600>;
^с <https://orcid.org/0000-0002-6574-9907>; ^д <https://orcid.org/0000-0003-3716-7966>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется контент интернет-сообщений крымского и украинского сегмента сети о событиях на Украине и в Крыму за период с 2017 по 2019 г. Исследовательский интерес авторов обусловлен степенью конфликтности и неоднозначностью информационной оценки событий на крымскую и украинскую тематику, происходивших в этот период, и, как следствие, формированием противоречивых информационных потоков украинского и крымского сегмента интернет-сети. В рамках исследования были использованы системно-деятельный подход, изучающий интернет-пространство как продукт социальной среды; сравнительный анализ, с помощью которого было сопоставлено содержание интернет-сообщений онлайн сообществ Украины и Крыма; метод контент-анализа, который дал возможность оценить социальные и политические настроения аудитории украинских и крымских интернет-пользователей. Авторы приводят результаты киберметрического анализа сообщений онлайн-сообществ социальных сетей Facebook и ВКонтакте. Исследование позволило зафиксировать динамику в информационных потоках Крыма и Украины. Выявлено наличие в социальном, культурном и языковом дискурсах в информационных потоках украинского и крымского сегментов сетей ВКонтакте и Facebook, что может выступать фактором объединения интернет-аудиторий с различной политической позицией. Однако это требует отдельного глубокого киберметрического анализа.

Ключевые слова: Украина; Крым; интернет-сообщество; информационные потоки; Facebook; ВКонтакте

Для цитирования: Ярмак О.В., Цепкова А.С., Лысенко Е.А., Калинская И.Л. Информационные потоки крымского и украинского сегментов интернета: контент-анализ сообщений сетей facebook и ВКонтакте. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2019;9(6):38-44. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-638-44

ORIGINAL PAPER

Information Flows of the Crimean and Ukrainian Segments of the Internet: Content Analysis of Messages in Social Networks Facebook and VKontakte**

O.V. Yarmak^а, A.S. Tsepko^б, E.A. Lysenko^с, I.L. Kalinskaya^д

^{а, б, с, д} Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
^а <https://orcid.org/0000-0002-5025-9112>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3225-1600>;
^с <https://orcid.org/0000-0002-6574-9907>; ^д <https://orcid.org/0000-0003-3716-7966>

ABSTRACT

The article analyses the content of Internet messages of the Crimean and Ukrainian segment of the network about events in Ukraine and the Crimea for the period from 2017 to 2019. The authors' research interest is due to the degree of conflict and the ambiguity of the informational assessment of events on the Crimean and Ukrainian topics that took place during this period,

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00937/19 «Украинские информационные потоки в крымском сегменте социальных медиа: риски и технологии преодоления негативных эффектов антироссийской риторики в онлайн-среде».

** The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the research project No. 18-011-00937/19 "Ukrainian information flows in the Crimean segment of social media: risks and technologies to overcome the negative effects of anti-Russian rhetoric in the online environment".

and, as a result, the formation of conflicting information flows of the Ukrainian and the Crimean segments of the Internet network. In the course of the study, we used a system-efficient approach that studies the Internet space as a product of the social environment; comparative analysis, which we used to compare the content of Internet messages of online communities of Ukraine and the Crimea; method of content analysis, which made possible assessment of the social and political mood of the audience of Ukrainian and the Crimean Internet users. The authors present the results of a cybermetric analysis of messages from online communities of social networks Facebook and VKontakte. The tone of information flows on Ukrainian-Crimean themes remains negative, which is a consequence of the complex and contradictory relations between Ukraine and Russia in the realm of politics. We revealed the interest in social, cultural and linguistic discourses in the information flows of the Ukrainian and the Crimean segments of VKontakte and Facebook networks, which may act as a factor in combining Internet audiences with different political positions. However, it requires a separate in-depth cybermetric analysis.

Keywords: Ukraine; Crimea; online community; information flows; Facebook; VKontakte

For citation: Yarmak O.V., Tsepkova A.S., Lysenko E.A., Kalinskaya I.L. Information flows of the Crimean and Ukrainian segments of the Internet: Content analysis of messages in social networks Facebook and VKontakte. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):38-44. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-38-44

Для современных обществ характерно системное проникновение интернет-коммуникации во все сферы жизнедеятельности человека. Данные процессы требуют научного переосмысления коммуникативной природы социальной реальности, понимания нового типа общественного устройства, получившего название «информационное». Важнейшей чертой современности является интернет, являющийся сегодня не только информационным каналом, но и коммуникационной средой и организационной структурой информационного общества, что было описано американским исследователем М. Кастельсом в его работах «Галактика Интернет» и «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [1, 2]. В таком обществе «центрами притяжения», по Кастельсу, становятся интернет-сообщества, сформированные на основе различных интересов. Считаем, что анализ сообщений интернет-сообществ позволяет выявлять тенденции информационных потоков, коммуникативные хабы и связи.

В научной литературе информационные потоки понимаются как поток сообщений в устной, документной (бумажной и электронной) и других формах, соответствующий материальному или сервисному потоку в рассматриваемой логистической системе. Информационные потоки, возникающие при внешних воздействиях, распространяют информацию и сообщения от источников к потребителям; они важны в процессе оперативного управления и выработки стратегических решений. С нашей точки зрения информационный поток выступает совокупностью циркулирующих сообщений в логистической системе, между логистической системой и внешней средой.

Теоретическую базу нашего исследования составили работы Д. Белла, Ж. Бодрийяра, Г. Вайнштейна,

Н. Винера, Э. Гидденса, М. Кастельса, Ж.-Ф. Лиотара, Н. Лумана, М. Маклюэна, И. Масуда, А. Моля, Г. Рейнгольда, М. Постера, Э. Тоффлера, А. Турена, Ф. Уэбстера, Ф. Фукуямы, Ю. Хабермаса, Г. Шиллера [3–11]. В рамках анализа информационных потоков Крыма и Украины авторы обращались к работам отечественных ученых В.Г. Афанасьева, В.М. Глушкова, А.И. Ракитова, А.Д. Урсула, Р.Ф. Абдеева, И.А. Мальковской, Д.С. Мартыанова, А.В. Назарчука, И.С. Мелюхина, Е.Н. Пасхина, Я.В. Рейзмы, Ю.А. Савостицкого, Г.Л. Смоляна, В.Ф. Халипова, Р.И. Цвылева, Д.С. Черешкина [12–15].

Анализируя информационные потоки интернет-сети как новое социальное пространство, авторы обращались к сетевым теориям, методология которых была заложена М. Грановеттером, М. Кастельсом, П. Лазарсфельдом, Я. Морено [11, 14]. Кроме того, считаем необходимым обратиться к идеям Э. Тоффлера об информационно-коммуникационных технологиях как факторе общественно-политических изменений [3, 17]. Именно такой подход актуален для нашего анализа, так как позволяет объяснить организацию коллективных действий не только досугового и развлекательного (флешмоб), но и социально-политического («цветные революции») характера, формирующих ценностно-смысловые ориентиры и установки интернет-пользователей.

Современный интернет предоставляет не только мобилизационные и технологические возможности, но и оказывает информационно-психологическое воздействие на индивидуальное и массовое сознание. В этой связи для нас важно обращение к концепции понимания интернета как объекта управления и инструмента символической власти П. Бурдьё в формате анализа политического дискурса в крымском и украинском сегментах социальных медиа [4]. Идеи М. Маклюэна о специфике коммуникации в киберпространстве, в том числе

политической, важны для нас в ракурсе анализа интернет-контента на украинскую и крымскую тематики [5].

В рамках нашего исследования были использованы системно-деятельный подход, изучающий интернет-пространство как продукт социальной среды; сравнительный анализ, с помощью которого было сопоставлено содержание интернет-сообщений онлайн-сообществ Украины и Крыма; метод контент-анализа, который дал возможность оценить социальные и политические настроения аудитории украинских и крымских интернет-пользователей.

В ходе нашего исследования был осуществлен анализ сообщений украинского и крымского сегментов интернета с 2017 по 2019 г., касающихся значимых событий на Украине и в Крыму.

Выборка составила 853 сообщения социальных сетей ВКонтакте и Facebook, чей контент непосредственно связан с крымскими и украинскими событиями в обозначенный период: из них 394 сообщения выявлено из социальной сети ВКонтакте и 459 сообщений — из социальной сети Facebook. Для анализа были выбраны наиболее многочисленные группы указанных социальных сетей. В социальной сети Facebook были проанализированы такие группы, как «Крым Реалии» ([facebook.com/krymrealii/?ref=br_rs](https://www.facebook.com/krymrealii/?ref=br_rs), 132 660 участников), «Крым блокадный» ([facebook.com/pg/OccupiedCrimea](https://www.facebook.com/pg/OccupiedCrimea), 6343 участников), «Крым. Гражданство. Украина» ([facebook.com/groups/661829410542270](https://www.facebook.com/groups/661829410542270), 5552 участников), «Крым — это Украина / Crimea is Ukraine» ([facebook.com/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%D1%8D%D1%82%D0%BE%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B0-Crimea-is-Ukraine-1411721595748376/?ref=search&_tn_=%2Cd%2CPR&eid=ARB1wzWh0mjxKYUY3kBXCvUICLx8ZRDeHqGJgbJpKTRoTMR03cElbFmvXEgag7MWq8vDZGrq9z-VE2,4807](https://www.facebook.com/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%D1%8D%D1%82%D0%BE%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B0-Crimea-is-Ukraine-1411721595748376/?ref=search&_tn_=%2Cd%2CPR&eid=ARB1wzWh0mjxKYUY3kBXCvUICLx8ZRDeHqGJgbJpKTRoTMR03cElbFmvXEgag7MWq8vDZGrq9z-VE2,4807) участников), «ПОВЕРНЕМО КРИМ В УКРАЇНУ!» ([facebook.com/groups/UkrainianKrym/?ref=br_rs](https://www.facebook.com/groups/UkrainianKrym/?ref=br_rs), 3650 участников). В сети ВКонтакте был исследован контент таких сообществ, как «Наступление Новороссии» (vk.com/antidaun2, 59 169 участников), «Россия и МЫ» (vk.com/russia_bez_problem, 45 380 участников), «Украины больше нет. Кто следующий?» (vk.com/reality_today, 41 880 участников), «Проект Украина» (vk.com/proekt_ukraine, 26 666 участников), «Ополчение Новороссии» (vk.com/club77035902, 10 252 участников), «Медведи (Антимайдан)» (vk.com/medwedz, 9809 участников).

За 2017 г. в сети Facebook было выявлено 160 сообщений на исследуемую тематику, что составляет

35% от общего количества сообщений, собранных в данной сети, в 2018 г. — 140 (30% от общего количества) и в 2019 г. — 159 сообщений (35% от общего количества). Эти данные позволяют зафиксировать стабильное присутствие крымской и украинской проблематики в информационном потоке сети Facebook. В ВКонтакте наблюдается иная динамика: в 2017 г. было обнаружено 185 сообщений на исследуемую тематику, что составляет 47% от всего количества сообщений, выявленных в данной сети, в 2018 — 146 (37% от общего количества), а в 2019 г. — лишь 63 (16% от общего количества), что свидетельствует о спаде интереса к крымским и украинским событиям у интернет-аудитории сети ВКонтакте. На данный факт, с нашей точки зрения, может, в том числе, оказывать влияние фактор политического запрета сети ВКонтакте на Украине, где информационное пространство пронизано русофобскими настроениями и тенденциями. Для российской аудитории, в том числе в Крыму, украинско-крымская информационная повестка постепенно теряет значимость и уходит с топовых позиций.

Тематика интернет-сообщений украинского и крымского сегментов сети за последние три года отмечается разнообразием, что говорит о наличии интереса интернет-аудитории к различным сферам жизни людей как на Украине, так и в Крыму. Является интересным тот факт, что политическая тематика и обсуждение провокативных действий со стороны украинских властей (что также опосредованно связано с политикой) составляют половину сообщений сетей ВКонтакте и Facebook (431 сообщений из 853). На втором месте тематических интересов интернет-аудитории находятся социальные настроения людей в широком смысле: это и качество жизни, и уровень цен и безработицы, и общий социальный фон, в котором живут люди в Крыму и на Украине. Третье место — это сообщения на темы, связанные с гражданским конфликтом на Украине, с ЛДНР; на военную тематику в целом (*рис. 1*).

Горячо обсуждаемыми темами исследуемого периода стали искусственно создаваемая атмосфера вражды дружеских народов, провокации со стороны официального Киева и общее недовольство людей отношениями между Украиной и Россией в политической сфере. В 2019 г. актуализировалась тема языкового вопроса на Украине, значимая и в 2017 г., что, конечно, связано с принятием представителями украинской власти ряда законов, ограничивающих употребление русского языка в публичной сфере и повседневной жизни, что не могло не отразиться в интернет-пространстве.

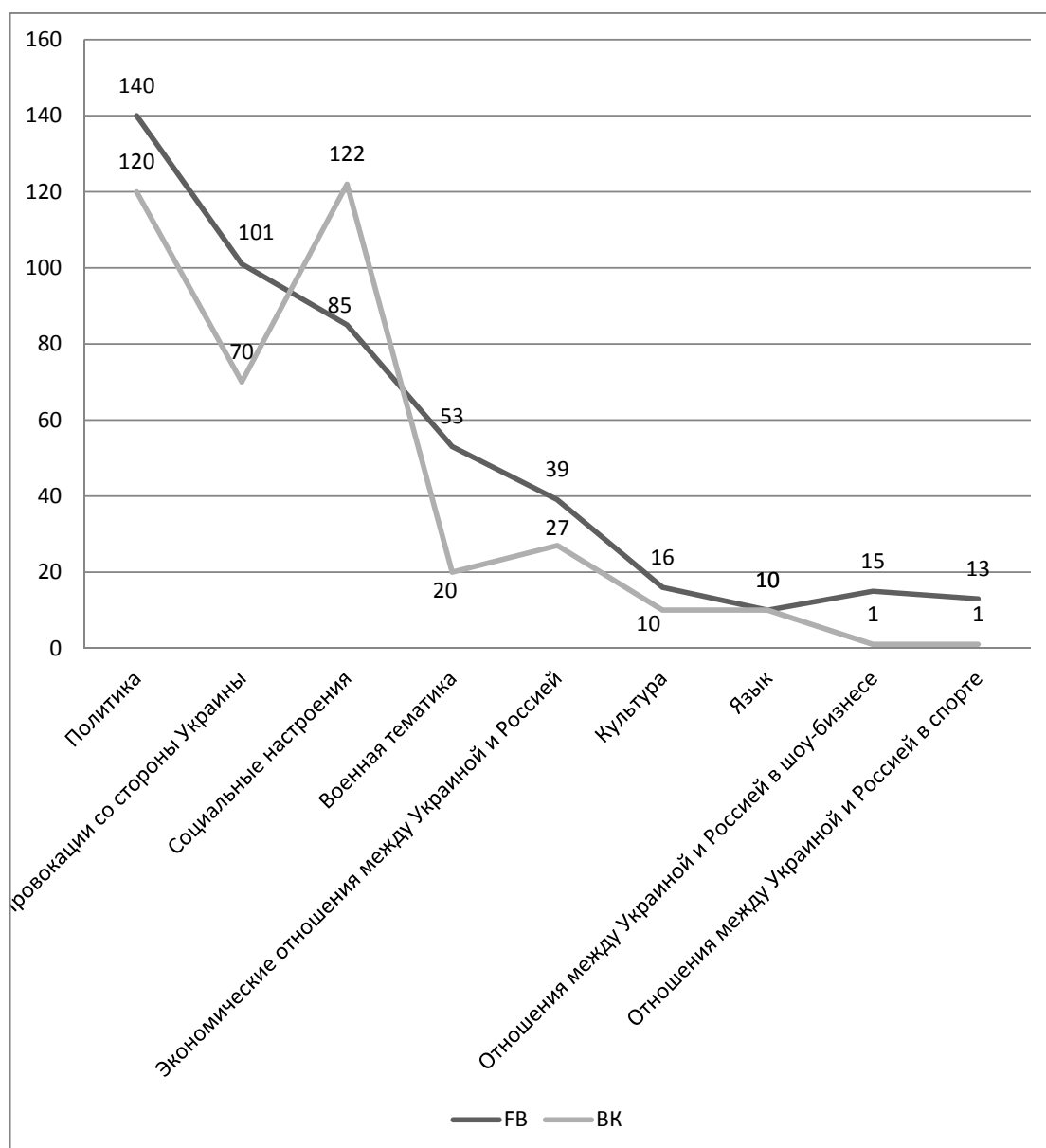

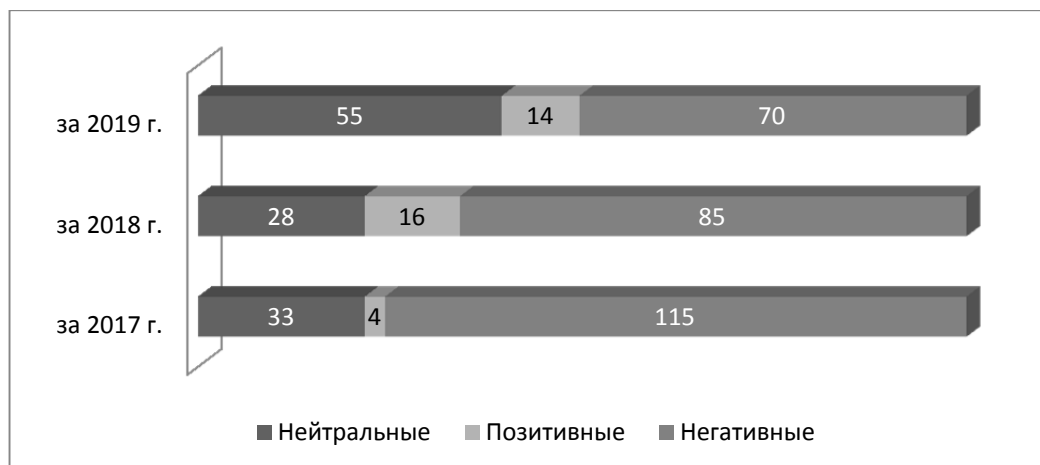
Рис. 1 / Fig. 1. Сравнение тематических сообщений из социальных сетей Facebook и ВКонтакте (в ед.) / Comparison of thematic messages from social networks Facebook and VKontakte (in units)

Отдельно необходимо отметить, что в комментариях к сообщениям и постам наблюдаются провокации и оскорбления в адрес украинских пользователей, отдыхавших в Крыму. Вторая тенденция состоит в отражении в информационных потоках действий официального Киева, в частности преследование компаний, участвовавших в строительстве Крымского моста, что вызвало высокий интерес интернет-аудитории как крымского, так и украинского сегмента сети.

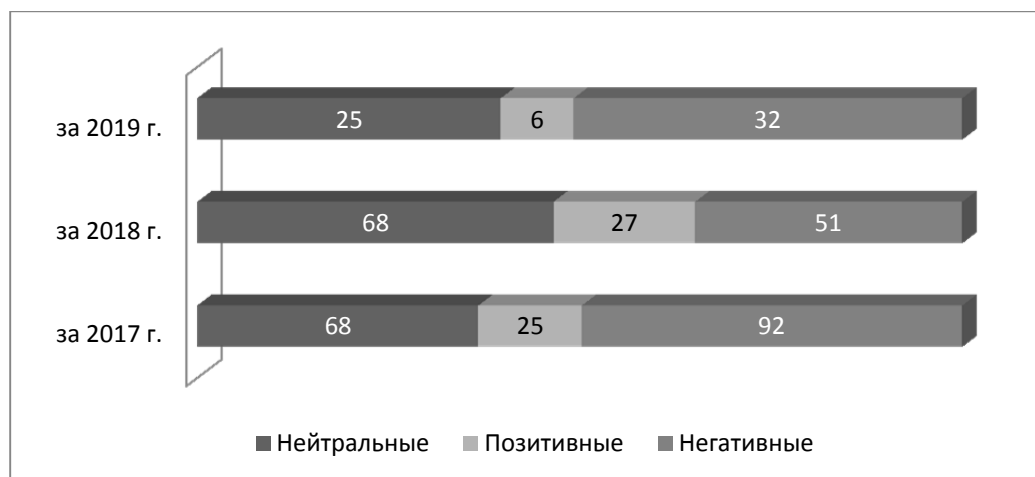
Сравнительный анализ сообщений социальных сетей Facebook и ВКонтакте показал, что для сети Facebook политическая тематика и обсуждение провокаций официального Киева, протекания гражданского конфликта на юго-востоке

Украины более востребованы, чем для ВКонтакте. Обсуждение социальных тематик присутствует в большей степени у интернет-пользователей ВКонтакте. Культурная и языковая тематики интересны для интернет-аудиторий обеих социальных сетей. С учетом того, что аудитория Facebook в основном украинская, а ВКонтакте — более российская или русскоязычная из Украины, интерес к культурному и языковому дискурсу в обеих сетях является объединяющим критерием (рис. 2). Однако данный факт требует дополнительного изучения.

При анализе тональности интернет-сообщений украинского и крымского сегментов сети в 2017 г. авторами были выявлены негативные

Рис. 2 / Fig. 2. Тональность сообщений интернет-сообществ сети Facebook (в ед., за 2017–2019 гг.) / The tone of messages from online communities of Facebook (in units, for 2017–2019)

Рис. 3 / Fig. 3. Тональность сообщений интернет-сообществ сети ВКонтакте (в ед., за 2017–2019 гг.) / The tone of messages from online communities of VKontakte (in units, for 2017–2019)

сообщения в количестве 207 единиц, или 46%, от количества собранных негативных сообщений за трехлетний период, в 2018 г. — 136 единиц (30% от общего количества), в 2019 г. — 102 (23% от общего количества). В целом за последние три года в обеих социальных сетях негативные сообщения на украинскую и крымскую тематику составили половину от всего количества собранного контента (52%, или 445 сообщений), нейтральных оказалось треть — 32% (277 единиц), позитивных — лишь 11% (92 сообщения) (рис. 3). При этом необходимо отметить наблюдающуюся динамику снижения негатива в украинском и крымском дискурсе.

Таким образом, сравнительный анализ тональности информационных потоков Facebook и ВКонтакте показал негативную окрашенность контента сети Facebook в большей степени, чем информационного потока ВКонтакте.

Подводя итог проведенного контент-анализа информационных потоков крымского и украинского сегментов интернета, можно отметить следующее. Во-первых, наблюдается тенденция к снижению интереса интернет-аудитории сети ВКонтакте к украинской информационной повестке. В сети Facebook данный интерес поддерживается зачастую с помощью информационных технологий и интернет-механизмов пропаганды. Во-вторых, тональность информационных потоков на украинско-крымскую тематику остается негативной, что является следствием сложных и противоречивых отношений между Украиной и Россией в сфере реальной политики. В-третьих, хотелось бы отметить наличие объединяющей заинтересованности в социальном, культурном и языковом дискурсах в информационных потоках украинского и крымского сегментов сети, что требует отдельного глубокого киберметрического анализа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кастельс М. Гапактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Пер. с англ. Харитонов В., ред. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та); 2004.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. Шкаратан О.И., ред. М.: ГУ ВШЭ; 2000. 608 с.
3. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ; 2004.
4. Бурдьё П. Социология социального пространства. Пер. с франц. М.: СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя; 2007. 288 с.
5. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. Пер. с англ. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3528> (дата обращения: 17.08.2019).
6. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Пер. с англ. М.: Academia; 1999. 956 с.
7. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. Пер. с фр. М.: Культурная революция, Республика; 2006. 269 с.
8. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. Пер. с фр. М.: Академический Проект; 2007. 335 с.
9. Вайнштейн Г. Интернет как фактор общественных трансформации. *Мировая экономика и международные отношения*. 2002;(7):16–27.
10. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС; 1999. 704 с.
11. Кастельс М. Становление общества сетевых структур. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Иноземцев В.Л., ред. М.: Academia; 1999.
12. Мальковская И.А. Социологический профиль информационно-коммуникативного общества. *Социологические исследования*. 2007;(2):76–85.
13. Мартъянов Д. С. Виртуальные сообщества в блогах: практика взаимодействия с политическими акторами. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2007;(13):67–75.
14. Mark Granovetter Networks and Organizations: Structure, Form, and Action. Harvard Business School; 1992.
15. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление. *Вопросы философии*. 2008;(7):61–75.
16. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001; 656 с.
17. Тоффлер Э. Шок будущего. Пер. с англ. М.: АСТ; 2004. 557 с.

REFERENCES

1. Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society. Transl. from Eng. Ekaterinburg: U-Faktoriya; 2004. 328 p. URL: <http://www.library.fa.ru/files/Kastels.pdf> (accessed on 17.08.2019). (In Russ.).
2. Castells M. End of Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture. Transl. from English. Moscow: GU VShE; 2000. 608 p. (In Russ.).
3. Toffler A. The Third Wave. Moscow: ACT; 2004. URL: http://www.read.virmk.ru/present_past_pdf/Toffler_Tretiya_volna.pdf (accessed on 17.08.2019). (In Russ.).
4. Bourdieu P. Sociologie de l'espace social. Transl. from French. Moscow: Institut of Experimental Sociology. St. Petersburg: Aleteya; 2007. 288 p. URL: http://socioline.ru/files/5/39/sociologiya_socialnogo_prostranstva.pdf (accessed on 17.08.2019). (In Russ.).
5. McLuhan H. M. Understanding Media: The Extensions of Man.. Transl. from Eng. Moscow; 2003. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3528> (accessed on 17.08.2019). (In Russ.).
6. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. Transl. from English. Moscow: Academia; 1999. 956 p. (In Russ.).
7. Baudrillard Jean. The Consumer Society: Myths and Structures. Moscow: Respublika; 2006. 269 p. (In Russ.).
8. Baudrillard Jean. For a Critique of the Political Economy of the Sign. Moscow: Akademicheskiiy Proekt; 2007. 335 p. (In Russ.).
9. Vaynshteyn G. Internet as a factor of social transformation. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyie otnosheniya*. 2002;7:16–27. (In Russ.).
10. Giddens E. Sociology. Moscow: Editorial URSS; 1999. 704 p. (In Russ.).
11. Castells M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture. Moscow: Academia; 1999. (In Russ.).

12. Malkovskaya I.A. Sociological profile of information and communication society. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2007;2:76–85. (In Russ.).
13. Martyanov D.S. Virtual communities in blogs: The practice of interaction with political actors. *Izvestiya Rossiyskogo gos. ped. Un-ta im. A.I. Gertsena*. 2007;13:67–75. (In Russ.).
14. Granovetter M. Problems of explanation in economic sociology. In N. Nohria and R. G. Eccles, eds. *Networks and organisations: Structure, form, and action*. Boston: Harvard Business school Press; 1992:25–56.
15. Nazarchuk A.V. Network society and its philosophical understanding. *Voprosy filosofii*. 2008;7:61–75. (In Russ.).
16. Pocheptsov G.G. Theory of communication. Moscow: Refl-Buk; K.: Vakler; 2001. 656 p. (In Russ.).
17. Toffler A. Future Shock. Transl. from English. Moscow: АСТ; 2004. 557 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольга Валерьевна Ярмач — кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Социальные коммуникации», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

olga_yarmak@inbox.ru

Анна Сергеевна Цепкова — магистрант 2-го курса направления «Медиакоммуникации», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

oceanovskaya829@mail.ru

Евгения Александровна Лысенко — магистрант 2-го курса направления «Медиакоммуникации», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

druore@gmail.com

Илона Леонидовна Калининская, — магистрант 2-го курса направления «Медиакоммуникации», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

kalinskaya.1995@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Yarmak — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social Communications, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

olga_yarmak@inbox.ru

Anna S. Tsepikova — undergraduate, course Media Communications, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

oceanovskaya829@mail.ru

Evgenia A. Lysenko — undergraduate, course Media Communications, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

druore@gmail.com

Iлона L. Kalinskaya — undergraduate, course Media Communications, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

kalinskaya.1995@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Ярмач О.В.— анализ тенденций контентных изменений, тематики и тональности сообщений.

Цепкова А.С. и Лысенко Е.А.— сбор и анализ контента сети Facebook.

Калинская И.Л.— изучение содержания сети ВКонтакте.

The declared contribution of the authors:

Yarmak O.V.— analysis of trends of content changes, themes and tonality of messages.

Tsepikova A.S. and Lysenko E.A.— collection and analysis of Facebook content.

Kalinskaya I.L.— the study of the content in VKontakte network.

Статья поступила 20.08.2019; принята к публикации 10.09.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.08.2019; accepted for publication on 10.09.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-45-52
УДК 004,338.4,338.2,67(045)

Экономическая устойчивость России в условиях технологических трансформаций*

А.В. Кузнецов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-3669-0667>

АННОТАЦИЯ

Изменение климата и развитие цифровых технологий послужили толчком для переосмысления доминирующей модели экономического роста. В 2011 г. вышла книга американского публициста и экономиста Джереми Рифкина «Третья промышленная революция», в которой автор описывает новую научную картину мира, предполагающую переход от «экономики владения» к «экономике совместного пользования». В 2016 г. президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб выдвинул идею четвертой промышленной революции, открывающую, по его мнению, новые возможности для коллективных инноваций и создания систем общих ценностей путем соединения физического, цифрового и биологического миров. Цель настоящей статьи — обобщить особенности современных мировых технологических трансформаций и определить степень вовлеченности России в развитие главных направлений науки и техники XXI в. Автор использовал методы анализа, синтеза, абстрагирования, обобщения и комплексного подхода к познанию. В статье рассмотрены траектории современных технологических трансформаций. Обсуждается роль СССР в проектировании техноцентричных основ модели устойчивого развития. Проанализированы основные положения государственных программ России в сфере среднесрочного развития информационных, био- и нанотехнологий.

Ключевые слова: третья промышленная революция; четвертая промышленная революция; шестой технологический уклад; экономика совместного пользования; изменение климата; цифровая экономика; информационные технологии; биотехнологии; нанотехнологии

Для цитирования: Кузнецов А.В. Экономическая устойчивость России в условиях технологических трансформаций. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019;9(6):45-52. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-45-52

ORIGINAL PAPER

Economic Sustainability of Russia under the Conditions of Technological Transformations**

A.V. Kuznetsov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3669-0667>

ABSTRACT

Climate change and the development of digital technologies have prompted a rethinking of the dominated model of economic growth. In 2011 American publicist and economist Jeremy Rifkin has published the book “The third industrial revolution”, in which the author describes a new scientific picture of the world, which implies a transition from an “ownership economy” to a “sharing economy”. In 2016 the president of the World Economic Forum in Davos Klaus Schwab put forward the idea of a “fourth industrial revolution”, which, in his opinion, opens up new opportunities for collective innovation and the creation of shared value systems by connecting the physical, digital and biological worlds. The

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету на 2019 г. по теме «Системообразующие факторы обеспечения экономической устойчивости хозяйства России в контексте вхождения Российской Федерации в пятерку крупнейших экономик мира».

** The article is based on the results of the research carried out at the expense of budget funds, which were provided to the Financial University as part of the state contract in 2019 on the topic “System-forming factors for ensuring the economic sustainability of the Russian economy in the context of the Russian Federation entering the top five largest economies”.

purpose of the article is to generalize the features of modern world technological transformations and determine the degree of Russia's involvement in the development of the main directions of science and technology of the 21st century. The methods of analysis used include synthesis, abstraction, generalization and an integrated approach to cognition. The author considered the trajectories of modern technological transformations and discussed the role of the USSR in the design of techno-centric foundations of the sustainable development model. Also, the author analyzed the main provisions of state programs of Russia in the medium-term development of information, bio- and nanotechnologies.

Keywords: the third industrial revolution; the fourth industrial revolution; the sixth technological order; shared economy; climate change; digital economy; information, bio- and nanotechnologies

For citation: Kuznetsov A.V. Economic sustainability of Russia under the conditions of technological transformations. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):45-52. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-45-52

ВВЕДЕНИЕ

Технологические трансформации являются отражением достижений научно-технического прогресса (НТП). Они проявляются в последовательной замене человеческого труда машинным, усовершенствовании средств сбора, обработки, хранения, эксплуатации, распространения и защиты информации (знания), увеличении мировых вычислительных мощностей, а также модернизации господствующего в мире способа производства, которым с начала развития индустриальной системы выступает капитализм.

Основу эры машиностроения заложили инициативные англичане, которые в конце XVIII — начале XIX вв. стали активно воплощать в жизнь достижения промышленной революции: проектировали и строили фабрики и заводы, создавали, испытывали и выводили на рынок новые станки и оборудование. Впоследствии технологическую эстафету перехватили американцы, которые своими новаторскими подходами усовершенствовали механические производства [1, с. 25–26].

Немалый вклад в развитие науки, «умных» машин и создание новых технологических трендов вносит англосаксонская футурология. В условиях господства идеологии консьюмеризма новые технологии представляют значительный коммерческий интерес для бизнеса, поскольку позволяют не только преобразовывать, но и торговать будущим [2, с. 10–19].

Предвестниками новых технологических трансформаций выступают промышленные революции, ведущие к изменениям условий, характера и содержания труда, состава производительных сил, отраслевой и профессиональной структуры общества [3, с. 241]. Наиболее резонансными концепциями, характеризующими современные технологические тренды, выступают третья промышленная революция, четвертая промышленная революция и шестой технологический

уклад. Рассмотрим более подробно сущность этих концепций.

ТРЕТЬЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Концепция третьей промышленной революции была разработана американским экономистом и экологом Джереми Рифкином и выпущена в качестве официальной декларации Европарламентом в мае 2007 г. с последующей практической реализацией ее положений рядом агентств Европейской комиссии и некоторыми странами — членами ЕС [4, с. 14]. Суть этой концепции — в объединении новых коммуникационных технологий (на базе Интернета) с новыми энергетическими системами (на базе возобновляемых источников энергии). Главной характеристикой третьей промышленной революции является переход от идеи неограниченного экономического роста к идее устойчивого экономического развития.

Экономическая парадигма третьей промышленной революции предполагает переход от «экономики владения» к «экономике совместного пользования», т.е. к распределенному и ориентированному на сотрудничество характеру человеческих взаимоотношений через открытое глобальное сетевое пространство интернета. В этой модели рыночный товарный обмен, дающий исключительное право собственности на приобретенные материальные блага, заменяется коллективным правом доступа к коммерческим услугам через социальные сети на основе совместного использования общих знаний и опыта. Это означает, что транзакционные издержки новой коммуникационно-энергетической системы стремятся к нулю, что ведет к переосмыслению понятия «прибыль» [4, с. 310–313].

ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Автором данной концепции выступает основатель и президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб. Согласно авторскому виде-

нию все промышленные революции происходили вследствие изменения экономических систем и социальных структур. Первая промышленная революция обеспечила переход от мышечной силы к механической энергии. Вторая промышленная революция дала рождение электричеству и конвейерному способу производства. Третья промышленная революция создала программно-аппаратную среду, заложив основу для будущего развития цифровых технологий. Усовершенствование и интегрирование цифровых технологий положили начало четвертой промышленной революции, отличительной чертой которой является объединение виртуальных и физических систем производства с биологическим миром и их гибкое взаимодействие на глобальном уровне («умные заводы», «умные города», интернет вещей) [5, с. 15–16].

Экспоненциальная автоматизация, роботизация и цифровизация приводят к *сингулярности* — т.е. соединению биологического (человеческого) и технологического миров на основе генной инженерии, робототехники и нанотехнологий. По мнению автора этого термина, американского изобретателя и футуролога Рэймонда Курцвейла, киборгизация (создание биологических организмов с внедренными механическими или электронными компонентами) ознаменует новую эру благ и процветания человечества, когда компьютерный интеллект значительно превзойдет совокупную мощь человеческого интеллекта [6].

ШЕСТОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД

Автором концепции технологических укладов является академик РАН С. Ю. Глазьев. Путем наложения «столетних циклов накопления капитала» итальянского экономиста Джованни Арриги [7] на «длинные волны» Н.Д. Кондратьева российский ученый поставил смену технологического уклада в зависимость от доминирующей системы международных торгово-экономических отношений — мирохозяйственного уклада, увязав последний с марксистской парадигмой конфликта между производительными силами и производственными отношениями. Под мирохозяйственным укладом С. Ю. Глазьев понимает систему международных и ведущих национальных институтов, обеспечивающих расширенное воспроизводство национальных экономик в соответствующем вековом цикле накопления [8].

По определению С. Ю. Глазьева, технологический уклад — это группа технологических совокупностей, выделяемых в технологической структуре экономики, связанных друг с другом однотипными технологическими цепями и образующих воспроизводящие целостности [9, с. 32]. Жизненный цикл технологического уклада определяется периодом в 100 лет.

С точки зрения С. Ю. Глазьева, для отражения современных планетарных угроз необходима новая система глобальных институтов, способная обеспечить устойчивое развитие в условиях новой структуры производительных сил и производственных отношений. Вместе со сменой мирохозяйственного уклада происходит смена мировых лидеров. Нынешний (вековой) американоцентричный имперский уклад, ориентированный на обслуживание интересов финансовой олигархии, может заменить новый интегральный мирохозяйственный уклад, нацеленный на создание механизмов устойчивого развития для удовлетворения запросов широких социальных слоев. Помимо Китая, его ядро могут сформировать страны группы БРИКС, а также страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки [10, с. 20–39].

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

Активное обсуждение концепции устойчивого развития приходится на конец XX в. — начало XXI в. Побудительным толчком к разворачиванию этой дискуссии стал доклад Римского клуба «Пределы роста», опубликованный в 1972 г., а сам термин был введен в оборот в 1987 г. в докладе «Наше общее будущее» Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию ООН. Модель устойчивого развития ООН описывается в категориях трех измерений — окружающей среды, экономики и общества — и нацелена на сохранение целостности экосистемы и стабильности природы для будущих поколений [11–13]. В 2012 г. был подготовлен очередной доклад Римского клуба под названием «2052 — глобальный прогноз на следующие сорок лет» [14]. Его автор — норвежский ученый Йёрген Рандерс (соавтор доклада «Пределы роста») прогнозирует повышение средней мировой температуры на +2 °С к 2052 г. в связи с нарастающим выбросом парниковых газов в атмосферу и более частые природные катастрофы и экстремальные погодные явления. Технологические трансформации призваны минимизировать негативные последствия антропогенных изменений климата.

ГОТОВНОСТЬ РОССИИ К ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ ТРАНСФОРМАЦИЯМ

У России есть богатый исторический опыт прорывных научных достижений, сыгравших переломную роль в прогрессе глобальной цивилизации. Например, существование современных информационно-коммуникационных технологий немислимо без полетов в космос и освоения околоземного пространства (К. Э. Циолковский — концепция, С. П. Королев — научно-конструкторская школа, В. П. Глушко — изобретение жидкостных ракетных двигателей). Автором разработки полупроводниковых гетероструктур, опто- и микроэлектронных компонентов, на которых работают все современные гаджеты, является академик РАН, лауреат Нобелевской премии по физике Ж. И. Алфёров¹. По утверждению видного советского, российского государственного и политического деятеля, академика АН СССР Е. М. Примакова, «около двух третей всех мировых новаций XX в. имели своим происхождением или были реализованы с использованием фундаментальных открытий Академии наук СССР» [15, с. 292].

В каком-то смысле СССР можно считать пионером устойчивого экономического развития. В СССР был поставлен *рекорд устойчивого роста, который непрерывно продолжался с 1928 г. до начала 1980-х гг. со средним темпом в 4,2% в год* [16, с. 306]. О цифровой экономике заговорили в СССР еще в 60-х гг. XX в., когда вслед за первоначальными разработками А. И. Китова основоположник советской кибернетики академик АН СССР В. М. Глушков предложил концепцию «Общегосударственной системы управления хозяйством, основанной на принципах кибернетики» (ОГАС)² [17]. Внедрение цифровой экономики на том этапе могло обеспечить колоссальные конкурентные преимущества народнохозяйственного комплекса СССР над капиталистической системой. Однако идеи В. М. Глушкова не нашли должной поддержки у тогдашнего советского руководства и проект так и не был реализован на общесоюзном уровне.

Можно предположить, что именно технологическая отсталость предопределила поражение

СССР в холодной войне с Западом. Особенно очевиден этот проигрыш стал после планетарного распространения подконтрольных англосаксам интернета и всемирной паутины, сделавших невозможным осуществление суверенного контроля над информационным пространством.

В современных условиях происходит активное восполнение Россией утраченного потенциала. Рассмотрим особенности адаптации российской экономики к главным направлениям развития науки и техники начала XXI в. — развитию информационных, био- и нанотехнологий.

Информационные технологии. Современная информационная промышленность представляет собой отрасль по сбору, обработке, передаче, хранению и эксплуатации различных видов информации. Лидерами современного информационного общества являются США и Великобритания, которые ускоряют мировое развитие цифровой экономики, занимая ведущие позиции по целому ряду показателей, включая создание крупнейших социальных сетей и компаний — провайдеров больших данных [18, с. 28–29].

Сегодня руководство России поставило перед страной амбициозную задачу — прорыв в формирующуюся мировую цифровую экономику. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» нацелена на восстановление основ национальной информационно-коммуникационной самодостаточности до 2024 г. (табл. 1).

Существенным фактором в осуществлении данной программы является не только внушительный бюджет в размере 2,6 трлн руб., но и то, что в авангарде российской цифровой экономики на протяжении длительного времени работает целый ряд таких успешных компаний, как «Ростех», «Ростелеком», «Росатом», Rambler & Co., «Яндекс», фонд «Сколково», Mail.Ru Group, Агентство стратегических инициатив. Эти и подобные им компании формируют достаточно мощную корпоративную платформу для развития информационных технологий в РФ.

О высоком потенциале развития цифровых технологий говорит также тот факт, что Россия рассматривается развитыми странами как один из мировых центров организации кибератак. В своем фундаментальном исследовании «Война иными средствами» научные сотрудники Совета по международным отношениям Р. Блэквилл и Д. М. Харрис выделяют Россию наряду с США, КНР и Израилем в числе стран, наиболее резуль-

¹ Алфёров Ж. И. Гаджеты должны помогать в развитии, а они еще и вредят нашим детям. МЭФ. 12.09.2018. URL: <http://me-forum.ru/media/news/9225/>.

² Полное название — Общегосударственная система сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством на базе государственной системы вычислительных центров и единой автоматической сети связи страны.

Таблица 1 / Table 1

Некоторые целевые показатели национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» / Selected targets of the national program “Digital economy of the Russian Federation”

Целевой показатель	Базовое значение		Период, год						
	Значение	Дата	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Внутренние затраты на развитие цифровой экономики за счет всех источников по доле в ВВП, %	1,7	31.12.2017	1,9	2,2	2,5	3,0	3,6	4,3	5,1
Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети «Интернет», %	72,6	31.12.2017	75	74	84	89	92	95	97
Доля РФ в мировом объеме оказания услуг по хранению и обработке данных, %	0,9	31.07.2018	–	–	1,5	2	3	4	5
Стоимостная доля закупаемого и (или) арендуемого федеральными органами государственной власти всех уровней отечественного программного обеспечения, %	–	31.12.2016	>50	>60	>70	>75	>80	>85	>90

Источник / Source: составлено автором по данным: Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/> / Compiled by the author from data: National Program “Digital Economy of the Russian Federation”. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/>.

тативно использующих кибератаки как современный инструмент геополитики [19, с. 79–100]. Из киберсферы также исходит одна из пяти угроз, с которыми Евросоюз ассоциирует Россию в своей Глобальной стратегии 2016 года [20].

К прорывным достижениям в сфере развития цифровых технологий следует отнести также создание в России высокоскоростного военного интернета (скорость передачи данных — 300 Мбит/с), который является полностью автономным и не связанным с «внешним» интернетом³.

Таким образом, цифровизация российской экономики осуществляется в мобилизационном порядке, что дает основание для создания солидных предпосылок для восстановления контроля над внутренним информационным пространством и вхождения России в мировые лидеры цифровой индустрии.

Биотехнологии. Темпы роста рынка биотехнологий по отдельным сегментам варьируются от 5–7 до 30% в год. По прогнозам, в 2025 г. объем

продаж на мировом рынке биотехнологий составит 2 трлн долл. Основное потребление биотехнологической продукции приходится на развитые страны: США, Канаду, Японию и ЕС. В 2012 г. доля РФ на мировом рынке биотехнологий не превышала 0,1%, а в таких сегментах, как биотопливо и биоразлагаемые материалы приближалась к нулю. Россия импортировала до 80% кормовых ферментных препаратов, 100% ферментов для бытовой химии, 100% молочной кислоты, 100% кормовых аминокислот для сельского хозяйства, от 50 до 100% биологических пищевых ингредиентов, более 50% кормовых и ветеринарных антибиотиков. Несмотря на то, что продукция ведущих мировых биотехнологических компаний на протяжении десятилетий была широко представлена на российском рынке, ни одна из них не создавала своего производства в России⁴. Комплексная программа развития биотехнологий до 2020 г. предполагает многократное увеличение

³ Россия испытала военный интернет. 01.08.2019. URL: <https://lenta.ru/news/2019/08/01/militarynet/>.

⁴ Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации до 2020 года. URL: http://bio-economy.ru/upload/bio_2020_programme.pdf.

**Целевые показатели решения задач Программы развития биотехнологий в РФ до 2020 г. /
Targets of the Biotechnology development program in the Russian Federation until 2020**

Показатель решения задач программы	Годы		
	2010	2015	2020
Объем потребления биотехнологической продукции, млрд руб.	120	400	1000
Объем производства биотехнологической продукции, млрд руб.	24	200	800
Доля импорта в потреблении, %	80	60	40
Доля экспорта в производстве, %	Менее 1	20	25
Сорта растений, созданные с использованием методов биотехнологии, % импортозамещения	0	5	20,0

Источник / Source: составлено автором по данным: Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации до 2020 года. URL: http://bio-economy.ru/upload/bio_2020_programme.pdf / Compiled by the author from data: A comprehensive program for the development of biotechnology in the Russian Federation until 2020. URL: http://bio-economy.ru/upload/bio_2020_programme.pdf.

производства, потребления и экспорта Россией биотехнологической продукции (табл. 2).

Нанотехнологии. Нанотехнологии связаны с производством малых и сверхмалых материалов/роботов, размером меньше микрона или молекулы. Хотя развитие нанотехнологической индустрии приходится в основном на последние 15 лет, она может стать главным технологическим трендом XXI в. Лидерами по объемам финансирования национальных нанотехнологических программ являются США, Япония, Южная Корея и Германия. В 2018 г. объем мирового рынка нанопродукции составил свыше 5 трлн долл. и, по прогнозам компании Lux Research, к 2020 г. может достигнуть 6 трлн долл. Более половины мирового спроса на нанотехнологии предъявляют полупроводниковая промышленность (20,2%), здравоохранение (16,2%), потребительская электроника (10,7%) и автомобильная промышленность (10,6%).

Ключевым институтом в системе нанотехнологического развития России выступает АО «РОСНАНО», миссией которого является создание отечественной nanoиндустрии через реализацию инвестиционных проектов по построению технологических цепочек и развитию

новых производств в сфере nanoиндустрии на территории России. В 2017 г. Россия заняла второе место после США по объему венчурных инвестиций в финансирование проектов в nanoиндустрии. В 2018 г. в России продукцию, связанную с нанотехнологиями, выпускали 550 предприятий и организаций, из которых 89 было создано при участии АО «РОСНАНО». Объем продаж российской нанопродукции в 2018 г. составил 1963,2 млрд руб., увеличившись на 23% по сравнению с 2017 г.⁵

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Самосбывающееся пророчество третьей промышленной революции может иметь место в том случае, если произойдет повсеместный переход от углеродных источников энергии к альтернативным, что представляется маловероятным в среднесрочной перспективе с учетом того влияния, которым в сегодняшнем мире обладает нефтегазовое лобби. В свою очередь, перспективы реализации четвертой промышленной революции сдержива-

⁵ Годовой отчет АО «РОСНАНО» за 2018 год. URL: https://www.rusnano.com/upload/images/normativedocs/ROSNANO-AO_Annual_Report_2018_RUS.pdf.

ются все еще низким уровнем глобального управления и осознания связанных с ней возможностей, ведущих к вовлечению в технологические трансформации широких слоев населения [5, с. 17–18].

Тем не менее Россия обладает хорошей научной школой и потенциалом для вхождения в новый технологический уклад. Режим санкций подвигает Россию к созданию мощных институциональных механизмов для обеспечения развития экономики за счет научно-технологического прорыва [21].

Возрастающая динамика развития информационных, био- и нанотехнологий в России, а также амбициозные целевые показатели государственных программ по расширению научно-исследовательской и производственной базы в сфере НБИК-технологий в среднесрочной перспективе свидетельствуют о серьезных намерениях и возможностях России обеспечить устойчивое экономическое развитие в контексте с мировыми технологическими трендами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Веблен Т.Б. Инженеры и ценовая система. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2018. 112 с.
2. Урри Д. Как выглядит будущее? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; 2019. 320 с.
3. Добренков В.И. Глобализация: сущность, проявления и социальные последствия. М.: Академический проект; 2018. 636 с.
4. Рифкин Д. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн; 2015. 410 с.
5. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э»; 2017. 208 с.
6. Kurzweil R. Singularity is near. London: Gerard Duckworth; 2006. 672 p.
7. Arrighi G. The long twentieth century: Money, power and the origins of our time. Brooklyn: Verso Books; 2009. 400 p.
8. Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии. *Экономика и математические методы*. 2016;52(2):3–29.
9. Глазьев С. Информационно-цифровая революция. Проханов А. и др. Цифровая цивилизация. Россия и «электронный» мир XXI века. М.: Книжный мир; 2018:30–75.
10. Глазьев С.Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия-США-Китай. Семь вариантов обозримого будущего. М.: Книжный мир; 2017. 253 с.
11. Sikdar S.K. Fractured state of decisions on sustainability: An assessment. *Sustainable Production and Consumption*. 2019;19(7):231–237. DOI: 10.1016/j.spc.2019.04.004
12. Bartolacci F., Cerqueti R., Paolini A., Soverchia M. An economic efficiency indicator for assessing income opportunities in sustainable waste management. *Environmental Impact Assessment Review*. 2019;78(9). Preprint. DOI: 10.1016/j.eiar.2019.05.001
13. Opon J., Henry M. An indicator framework for quantifying the sustainability of concrete materials from the perspectives of global sustainable development. *Journal of Cleaner Production*. 2019;218(5):718–737. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.01.220
14. Randers J. 2052 — A global forecast for the next 40 years. White River Junction: Chelsea Green Publishing; 2012. 376 p.
15. Примаков Е.М. Россия в современном мире. Прошлое, настоящее, будущее. М.: Центрполиграф; 2018. 607 с.
16. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс; 2016. 416 с.
17. Глушков В.М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М.: Статистика; 1975. 159 с.
18. Влияние глобализации на формирование российского финансового рынка: монография / коллектив авторов; Е.А. Звонова, ред. М.: КНОРУС; 2018. 250 с.
19. Блэквилл Р., Харрис Д.М. Война иными средствами: геоэкономика и искусство управления государством. М.: Издательство АСТ; 2017. 480 с.
20. Романова Т., Павлова Е. Стрессоустойчивость в Евросоюзе и Россия: суть и перспективы новой концепции. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019;63(6):102–109. DOI: 10.20542/0131–2227–2019–63–6–102–109
21. Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С., Бекулова С.Р. Институциональные механизмы обеспечения научно-технологического прорыва в экономике России. *Управленческие науки*. 2019;9(1):6–19. DOI: 10.26794/2404–022X-2019–9–1–6–19

REFERENCES

1. Veblen T.B. The engineers and the price system. Moscow: Higher School of Economics Publ.; 2018. 112 p. (In Russ.).
2. Urry J. What is the future? Moscow: Delo; 2019. 320 p. (In Russ.).
3. Dobren'kov V.I. Globalization: essence, manifestations and social consequences. Moscow: Akademicheskii proekt; 2018. 636 p. (In Russ.).
4. Rifkin D. The third industrial revolution: How lateral power is transforming energy, the economy, and the world. 2nd ed. Moscow: Al'pina; 2015. 410 p. (In Russ.).
5. Schwab K. The fourth industrial revolution. Moscow: "E" Publ.; 2017. 208 p. (In Russ.).
6. Kurzweil R. Singularity is near. London: Gerard Duckworth; 2006. 672 p.
7. Arrighi G. The long twentieth century: Money, power and the origins of our time. Brooklyn: Verso Books; 2009. 400 p.
8. Glaz'ev S. Yu. National economic structures in global economic development. *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and mathematical methods*. 2016;52(2):3–29. (In Russ.).
9. Glaz'ev S. Yu. Digital Information Revolution. In Prokhanov A. et al. Digital civilisation. Russia and the "electronic" world of the 21st century. Moscow: Knizhnyi mir; 2018:30–75. (In Russ.).
10. Glaz'ev S. Yu. The battle for leadership in the XXI century. Russia-USA-China. Seven choices for the foreseeable future. Moscow: Knizhnyi mir; 2017. 253 p. (In Russ.).
11. Sikdar S.K. Fractured state of decisions on sustainability: An assessment. *Sustainable Production and Consumption*. 2019;19(7):231–237. DOI: 10.1016/j.spc.2019.04.004.
12. Bartolacci F., Cerqueti R., Paolini A., Soverchia M. An economic efficiency indicator for assessing income opportunities in sustainable waste management. *Environmental Impact Assessment Review*. 2019;78(9). Preprint. DOI: 10.1016/j.eiar.2019.05.001
13. Opon J., Henry M. An indicator framework for quantifying the sustainability of concrete materials from the perspectives of global sustainable development. *Journal of Cleaner Production*. 2019;218(5):718–737. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.01.220
14. Randers J. 2052 — A global forecast for the next 40 years. White River Junction: Chelsea Green Publishing; 2012. 376 p.
15. Primakov E.M. Russia in the modern world: Past, present, future. Moscow: Tsentropoligraf Publ.; 2018. 607 p. (In Russ.).
16. Mason P. Postcapitalism: A guide to our future. Moscow: Ad Marginem Press; 2016. 416 p. (In Russ.).
17. Glushkov V.M. Macroeconomic models and principles of construction of the OGAS. Moscow: Statistika; 1975. 159 p. (In Russ.).
18. Zvonova E.A. ed. The impact of globalisation on the formation of the Russian financial market. Moscow: KNORUS; 2018. 250 p. (In Russ.).
19. Blackwill R.D., Harris J.M. *War by other means: geoeconomics and statecraft*. Moscow: AST; 2017. 480 p. (In Russ.).
20. Romanova T., Pavlova E. Resilience in the European Union and Russia: Essence and perspectives of the new concept. *World Economy and International Relations*. 2019;63(6):102–109. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131–2227–2019–63–6–102–109
21. Abdikeev N.M., Bogachev Yu.S., Bekulova S.R. Institutional mechanisms for ensuring a scientific and technological breakthrough in the Russian economy. *Upravlencheskie nauki = Management Sciences in Russia*. 2019;9(1):6–19. (In Russ.). DOI: 10.26794/2404–022X-2019–9–1–6–19

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Владимирович Кузнецов — доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
kuznetsov0572@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksei V. Kuznetsov — Doctor of Economics, Senior Researcher, Department of World Economy and World Finance, Financial University, Moscow, Russia
kuznetsov0572@mail.ru

Статья поступила 16.09.2019; принята к публикации 10.10.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 16.09.2019; accepted for publication on 10.10.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-53-61
УДК 330.101(045)

Векторы развития современного рыночного хозяйства*

Я.С. Ядгаров^а, В.А. Сидоров^б, Э.В. Соболев^с

^а Финансовый университет, Москва, Россия, ^б Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,

^с Краснодарский филиал Финансового университета, Краснодар, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-7038-0630>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7876-3935>;

^с <https://orcid.org/0000-0003-0379-411X>

АННОТАЦИЯ

В статье, с целью отображения сущностных, дискуссионных и проблемных аспектов вновь формирующихся векторов социально ориентированного развития рыночного хозяйства в странах и регионах постсоветского пространства, представлен обобщенный аналитический материал по итогам докладов, выступлений и прений на VII Международной научно-практической конференции «Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней». Во главу угла в статье поставлены методологические исследовательские позиции диалектического и системного подхода и приняты во внимание разнообразные точки зрения видных современных отечественных и зарубежных ученых-экономистов на эволюционные и трансформационные аспекты функционирования рыночного хозяйства в прошлом и настоящем. В контексте модификации базовых воззрений на альтернативные парадигмы экономической науки и политическую экономию власти рассмотрены особенности диалектики воспроизводственного механизма рыночного хозяйства и дана оценочная характеристика таким современным глобальным экономическим явлениям и процессам, которые именуются фейковыми. Показаны вновь возникшие предпосылки и тенденции возрастания политического риска в условиях международной конкуренции субъектов рыночной системы хозяйствования. Особое внимание уделено осмыслению теории и практики частно-государственного предпринимательства, позитивных и негативных аспектов реализации политики импортозамещения. Аргументированы научно-практические предложения и видение оригинальных путей решения в области таких актуальных проблем развития современного рыночного хозяйства в России и постсоветском пространстве, как обеспечение всеохватной цифровизации бизнес-процессов и преодоление последствий усилившихся экономических санкций.

Ключевые слова: современное рыночное хозяйство; парадигмы экономической науки; политическая экономия власти; «фейковая» экономика; частно-государственное предпринимательство; управление риском; экономические санкции; импортозамещение.

Для цитирования: Ядгаров Я.С., Сидоров В.А., Соболев Э.В. Векторы развития современного рыночного хозяйства. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):53-61. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-53-61

ORIGINAL PAPER

Vectors of Development of the Modern Market Economy**

Ya.S. Yadgarov^а, V.A. Sidorov^б, E.V. Sobolev^с

^а Financial University, Moscow, Russia, ^б Kuban state University, Krasnodar, Russia,

^с Krasnodar branch of Financial University, Krasnodar, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-7038-0630>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7876-3935>;

^с <https://orcid.org/0000-0003-0379-411X>

ABSTRACT

In order to reflect the essential, debatable and problematic aspects of the newly emerging vectors of socially oriented development of market economy in the countries and regions of the post-Soviet space, the article presents a generalized

* Статья выполнена по материалам VII Международной научно-практической конференции «Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней», состоявшейся в г. Сочи в период с 27 марта по 31 марта 2019 г., одним из организаторов которой явился Финансовый университет, предложивший информационную поддержку данного форума в журнале «Гуманитарные науки. Вестник финансового университета».

** The article is based on the materials of the VII International scientific and practical conference "The phenomenon of market economy: from the origins to the present day", held in Sochi from March 27 to March 31, 2019, one of the organizers of which was the Financial University, which offered information support for this forum in the journal "Humanities. Bulletin of the financial University".

analytical material on the results of reports, speeches and debates at the VII International scientific-practical conference “The Phenomenon of Market Economy: From its Origins to the Present Day”. It focuses on the methodological research positions of dialectical and systemic approach and takes into account the various points of view of prominent modern domestic and foreign scientists and economists on the evolutionary and transformational aspects of the market economy in the past and present. In the context of modification by the authorities of the fundamental beliefs of the alternative paradigms of economic science and political economy, we considered the peculiarities of the dialectic of the reproduction mechanism of the market economy and gave the evaluative characteristics of this current global economic phenomena and processes, which are now often referred to as “fake”. We also showed the newly emerged prerequisites and tendencies of increasing political risk in the conditions of the international competition of subjects of the market system of management. The authors paid particular attention to the understanding of the theory and practice of public-private entrepreneurship, positive and negative aspects of the policy of import substitution. Finally, we substantiated the scientific and practical proposals and the vision of the original solutions in the field of such urgent problems of the modern market economy development in Russia and the post-Soviet space as ensuring the all-inclusive digitalisation of business processes and overcoming the consequences of the increased economic sanctions.

Keywords: modern market economy; paradigms of economic science; political economy of power; “fake” economy; private-state entrepreneurship; risk management; economic sanctions; import substitution

For citation: Yadgarov Ya.S., Sidorov V.A., Sobolev E.V. Vectors of development of the modern market economy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):53-61. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-53-61

ФЕНОМЕН РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА – АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ТВОРЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

После распада в 1991 г. Советского Союза на всем его экономическом пространстве доминирующее значение получила теория и практика рыночной системы хозяйствования. Однако функционирование последней в бывших советских республиках со всей очевидностью свидетельствует о том, что в силу влияния многообразных эндогенных и экзогенных факторов и под воздействием собственных проб и ошибок учеными-экономистами каждой из них осуществляется перманентный поиск некой оптимальной рыночной хозяйственной модели. Речь идет о корпоративной хозяйственной модели (с минимальным регулирующим участием в ней государства) либо о социально ориентированной хозяйственной модели (со значительным регулирующим участием в ней государства). Таковы, вкратце, объективные предпосылки того, почему научному экономическому сообществу постсоветских стран и регионов столь интересны методологические, теоретические, институциональные и практические изыскания в области проблем феномена рыночного хозяйства.

В данном контексте убедительным тому примером следует признать ежегодный (начиная с 2013 г.) научный форум ученых стран СНГ под названием «Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней». Весной текущего года эта конференция провела свою работу, как обы-

чно, в конце марта в г. Сочи (в период с 27 по 31 марта 2019 г.), состоявшийся уже в седьмой раз в статусе VII Международной научно-практической конференции по экономике. К участию в ней были привлечены представители научных и исследовательских структур России, других стран и регионов бывшего Советского Союза.

Основными организаторами VII Сочинской МНПК, как и всех предыдущих, вновь выступили Кубанский госуниверситет и Финансовый университет при Правительстве РФ, а Оргкомитет возглавили: координатор конференции — заслуженный работник Высшей школы РФ, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Департамента экономической теории Финуниверситета Р.М. Нуреев; председатель оргкомитета — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической экономики Кубанского госуниверситета В.А. Сидоров; сопредседатели оргкомитета — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, Руководитель Департамента экономической теории Финуниверситета Д.Е. Сорокин; доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Кубанского госуниверситета И.В. Шевченко; научный руководитель конференции — доктор экономических наук, профессор, заведующий секцией «История экономической мысли» Департамента экономической теории Финуниверситета Я.С. Ядгаров.

От зарубежных стран членами Оргкомитета явились представители Белорусского государственного аграрного технического университета (доктор экономических наук, профессор Г.И. Га-

нуш), Абхазского госуниверситета (доктор физико-математических наук, профессор А.А. Гварамия), Каршинского инженерно-экономического института (кандидат технических наук, доцент Н.Н. Махмудов, д-р технических наук, профессор Г.Н. Узаков, Республика Узбекистан), Луганского национального аграрного университета (доктор экономических наук, профессор В.Г. Ткаченко).

В процессе проведения конференции были охвачены три основных научно-исследовательских направления: теоретико-методологические основания и историко-экономический феномен рыночного хозяйства; структурные, функциональные и институциональные трансформации рыночного хозяйства; модификация бизнес-процессов под влиянием экономической интеграции. На ее пленарных заседаниях и дискуссиях активное участие приняли ученые России, Абхазии, Армении, Украины, Казахстана, Узбекистана.

Важно также отметить, что по итогам проведенных вышеуказанных сочинских международных форумов опубликован ряд коллективных монографий, сборников и научных статей, которые изданы в Лондоне [1–3], Майкопе [4], Краснодаре [5–10], Москве [11], Минске [12], Тбилиси [13], Алма-Ате [14], Ереване [15] и других городах. Указанные публикации ныне широко используются в вузовском учебном процессе и исследованиях в области многообразных аспектов тематики эволюции рыночной экономики в прошлом и настоящем.

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ В МЕХАНИЗМАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА

Пленарное заседание форума Сочи-2019 открыл доклад профессора Финуниверситета Р.М. Нурева, сосредоточившего внимание аудитории на непреходящих ценностях парадигмы рыночного хозяйства и научном решении проблематики соотношения государственных и рыночных механизмов, координации мирохозяйственных связей агентов рынка. Он аргументировал положение о том, что ключевой задачей современной науки становится выработка экономических принципов и императивов реализации концепции социально-экономического развития, в основу которых должны быть положены соображения технико-технологического перевооружения, активной инвестиционной политики,

развития предпринимательского сектора, берущего на себя роль драйвера экономического развития.

Профессор Финуниверситета Я.С. Ядгаров в рамках своего доклада охарактеризовал особенности процесса эволюции парадигм экономической науки через призму этапов преодоления опыта несистемного анализа системным анализом. С этой целью им были рассмотрены основные черты несистемного анализа феномена рыночного хозяйства в периоды доминирования исследовательских парадигм меркантилизма, классической политической экономии, экономического романтизма и утопического социализма, раскрыта сущность первого опыта системного анализа феномена рыночного хозяйства адептами немецкой исторической школы. Докладчик аргументировал выводы о том, что благодаря приверженцам исследовательской парадигмы неоклассицизма опыт системного анализа нашел применение как в области маржиналистского теоретического осмысления механизма формирования стоимости в условиях рыночной экономики, так и в области поведенческой интерпретации теории стоимости адептами институционализма.

Выступивший затем профессор Южного федерального университета В.Н. Овчинников представил анализ процесса институционально-организационного обособления субъектов производственно-хозяйственной деятельности, обусловившего необходимость обмена результатами производства от бартерной до товарно-денежной экономической формы и эквивалентности рыночных трансакций. По его мнению, формат поля рыночного хозяйства представляет собой широкую палитру разновидностей обособленных хозяйствующих субъектов, разделенных границами секторов рыночной экономики или объектов полного либо относительно-частичного присвоения. Оратор заключил, что несостоятельным представляется сам тезис о необходимости поиска эффективного собственника как гипотетического субъекта рыночного хозяйства, ибо, во-первых, если говорить о собственнике капитала в его марксовом понимании как носителя титула собственности, то этот субъект рынка никакого отношения к производственно-хозяйственной деятельности не имеет. И, во-вторых, чтобы быть реально полноправным субъектом рыночного хозяйства, необходимо и достаточно иметь в режиме относительного обособления

и использовать в воспроизводственном процессе необходимые средства производства естественно-природного и техногенного происхождения, собственную или наемную рабочую силу для изготовления рыночно-востребованного товарного продукта.

Представители Ивановского госуниверситета доктор экономических наук, доцент Е.Е. Николаева и доктор экономических наук, профессор Б.Д. Бабаев охарактеризовали воспроизводственный аспект хозяйственного механизма через призму диалектического взаимодействия производства, распределения, обмена и потребления. Они отчетливо выделили функции каждого элемента воспроизводственной цепи, в рамках которой проявляют себя собственно экономические законы, обратив внимание на то, что в современной научной экономической литературе интерес к ним (законам) заметно снизился.

Трансформационный аспект феномена рыночного хозяйства в связи с таким явлением, как «fake-экономика», затронули в своих выступлениях профессор РЭУ имени Г.В. Плеханова Г.П. Журавлева и профессор Кубанского госуниверситета В.А. Сидоров. Оба докладчика полагают, что фейковость современного рыночного хозяйства, во-первых, обусловлена переходом к новому технологическому укладу и цифровой экономике. Во-вторых, в долговременном периоде, сопровождаясь значительными социально-экономическими и экологическими издержками, она антиконституционна и выражается в предоставлении воспроизводимых проектов, стороной происхождения которых являются страны Запада. И, в-третьих, в ней реализуются противоречия экономической модели неolibерального подхода свободной рыночной конкуренции, того, который ныне провозглашается единственно возможным, правильным и демократичным.

Вопросу соотношения власти и экономической науки посвятил свой доклад профессор Финуниверситета В.В. Дементьев, представивший свое видение решения проблемы неравенства, ставшей «естественным состоянием» экономической жизни и охарактеризовавший ее множеством явных и неявных властных отношений, системой взаимодействий между доминирующими и подчиненными партнерами, иерархией и борьбой за власть. По его мнению, успех решения данной проблемы может быть обеспечен только на путях политической эконо-

мии власти, объединения усилий экономистов, социологов и специалистов в области права.

Обсуждение выступлений вызвало дискуссию, позволившую участникам конференции прийти к выводу, что на современном этапе основной задачей экономической науки является разработка целостной методологической и теоретической основы осмысления феномена рыночного хозяйства.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО- ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ СОВРЕМЕННОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА

В качестве одного из векторов развития современного рыночного хозяйства участники конференции Сочи-2019 обозначили проблематику расширения и глобализации мирохозяйственных связей и связанных с ними процессов реализации транснациональным бизнесом стратегии географической диверсификации, а также рисков, заключенных в этих процессах.

В частности, представители Луганского госуниверситета имени Тараса Шевченко профессор Г.А. Сорокина и доцент И.А. Денисенко предложили в своих выступлениях авторское видение приоритетных направлений развития процессов частно-государственного партнерства через призму связанных с этими процессами рисков и степени ответственности. По их мнению, благодаря привлечению в государственные программы частного сектора, в том числе партнеров из-за рубежа, с одной стороны, становится возможным высвободить часть бюджетных средств, необходимых для развития приоритетных направлений предпринимательства. А, с другой, это позволяет привнести в государственный сектор опыт и деловые подходы частных фирм. Однако, подчеркивают докладчики, здесь кроется проблема, требующая усиления социолингвистических исследований, поскольку интенсивность общественно-политических процессов, активно протекающих в современном мире, серьезно меняет языковую ситуацию, обуславливая необходимость в социолингвистических исследованиях. Следовательно, логика научного исследования вынуждает искать более эффективные средства выявления особенностей рассматриваемых систем и их основных свойств в целях сохранения их целостности.

Профессор Всероссийской академии внешней торговли В.В. Ильинова показала в своем докладе, что компании, развивающие бизнес за

рубежом, сталкиваются не только со страновыми рисками, но и с имеющими особое влияние на внешнеэкономическую деятельность политическими рисками. Для современной России, полагает ученый, политический риск имеет довольно негативные проявления, в том числе потому, что из-за введенных санкций против многих российских компаний и банков в числе прочего возникает еще и трансфертный риск и риски импортозамещения. По ее оценке, вновь возникшие рискованные аспекты во внешнеэкономической деятельности существенно сказываются на экономике России и деятельности компаний.

Доцент Калужского филиала Финуниверситета И.Г. Турсунмухамедов перевел ход дискуссии в плоскость практической реализации институтов развития, уделив особое внимание роли этих институтов в экономике региона и раскрыв их влияние на процессы становления региональной индустриальной базы. Он аргументировал выводы о том, что деятельность действующих институтов развития должна быть продиктована стратегией территориального экономического развития и что повышение эффективности институтов развития зависит от комплексности внедрения новых инновационных форм сотрудничества власти, образования и бизнеса.

Профессор Липецкого филиала Финуниверситета Л.Н. Рубцова посвятила свой доклад вопросам оценки специфики функционирования территориальных институтов развития и разработке стратегии антикризисного регионального управления с учетом особенностей развития. Она подтвердила вывод о том, что приоритетным направлением позитивной динамики хозяйствования субъектов в России необходимо признать перманентный мониторинг контроля финансового и социально-экономического состояния региона.

К проблеме регионального развития обратился также директор Центра стратегических исследований при Президенте Республики Абхазия доцент О.Н. Дамения, давший краткое описание сложных и противоречивых процессов в контексте двух (по его выражению — несуществующих) социальных систем: старой, уже разрушенной, и новой, еще не созданной, которым приходится выживать по принципу «здесь и сейчас». Вывод ученого однозначен: понимания важности перехода к практике программно-целевого планирования социального развития в абхазском обществе пока нет, что крайне опасно.

В докладе профессора РЭУ им. Г.В. Плеханова Л.Г. Чередниченко и профессора МГИМО А.З. Селезнева во главу угла был поставлен воспроизводственно-продуктовый контент аргументирования положения о том, что сейчас основным источником роста доходов российского бюджета является увеличение нефтегазовых доходов в условиях роста мировых цен на нефть. По этой причине, полагают авторы, активизация роста доходов, не связанных с нефтегазовым сектором экономики, должна опираться в первую очередь на совершенствование администрирования, а затем уже — на мобилизацию налогов, сборов, таможенных платежей, рост ставки НДС. Кроме того, они обратили существенное внимание на необходимость предотвращения перераспределительных процессов, связанных с изменением получателя бюджетных ассигнований.

По данной проблематике выступили также профессор Волгоградского госуниверситета В.О. Мосейко и С.А. Коробова, показавшие, что развитие производственной сферы в русле современных достижений науки и техники, повышения конкурентоспособности экономических систем настоятельно требует формирования предпринимательской сферы и условий самопродуцирования предпринимательской деятельности.

Неформальным аспектам воспроизводственных отношений посвятили свои сообщения директор НИИ экономики ЮФО доцент В.В. Чапля (г. Краснодар), доцент Т.Г. Марцева (г. Новороссийск), А.Н. Столярова и М.А. Пономарева (г. Москва). Дискуссии по их выступлениям касались проблематики негативных и позитивных последствий теневой экономики, политики противодействия легализации полученных преступным путем доходов, формирования целостной системы взглядов на природу теневых экономических отношений, инструментов, форм и принципов контроля как хозяйственной альтернативы исторически конкретной формы легальной экономики.

В рамках данного направления работы конференции ее участники выработали общее мнение о том, что институционально-поведенческая платформа феномена рыночного хозяйства тесно связана со специфическими особенностями социально-экономической материи носителей и источников изменчивости, с уровнем активности конкретных субъектов хозяйственной де-

тельности, а также с целеполаганием в рамках самой деятельности агентов рынка.

ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ И СФЕРЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ

Доклады в области проблем модификации бизнес-процессов под влиянием международной экономической интеграции и иных глобальных мировых тенденций охватили на конференции Сочи-2019 ключевые аспекты агропромышленной интеграции, дистанционные и маркетинговые технологии в банковской деятельности. Так, по агропродовольственной проблематике живой отклик среди участников форума получили выступления профессора Р. С. Гайсина (Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К. А. Тимирязева), члена-корреспондента Национальной академии аграрных наук Беларуси, профессора Г. И. Гануша (Белорусский государственный аграрный технический университет), члена-корреспондента Национальной академии аграрных наук Украины, профессора В. Г. Ткаченко (Луганский национальный аграрный университет), доцентов Н. В. Власовой и П. В. Бурковского (Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина), доктора экономических наук, доцента С. М. Ергина (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского), профессора Р. Х. Эргашева (Каршинский инженерно-экономический институт, Республика Узбекистан).

Диспут по их выступлениям позволил более углубленно рассмотреть проблематику производственно-сбытовой деятельности субъектов хозяйствования, использующих адаптивные агротехнологии, а также вопросы механизма внутриотраслевого сотрудничества малых форм хозяйствования в АПК и концентрации производства на основе принципов кластеризации.

Кредитно-банковским аспектам феномена рыночного хозяйства посвятили свои выступления профессора И. М. Синяева и Н. В. Цхададзе, доценты И. В. Рожков, Н. Е. Бровкина и Е. И. Мешкова (Финуниверситет), доктор экономических наук, доцент В. В. Синяев — генеральный директор ФСК «Валекс» (г. Москва) и профессор Т. Е. Гварлиани (Сочинский госуниверситет). Обсуждение их докладов позволило выделить основные типы цифровых технологий, активно

вошедших в практику маркетинговой деятельности финансовых организаций и обусловивших преимущества и недостатки этих технологий для использования на финансовых рынках.

Выступивший с докладом заместитель председателя краевого совета Краснодарской краевой общественной организации «ВОИР» доцент Г. М. Мишулин позиционировал авторский подход на совершенствование инновационной системы Российской Федерации, обозначив как эндогенные и экзогенные драйверы этой системы, так и барьеры на пути ее эффективного развития. По данной теме выступила также доцент Финуниверситета Г. А. Терская, предложившая учитывать взаимосвязь человеческого капитала с инвестициями и провести ряд мероприятий по повышению эффективности инновационной инфраструктуры в регионах России. Далее заведующий кафедрой менеджмента Каршинского инженерно-экономического института, доцент И. Э. Турсунов (Узбекистан), характеризуя роль рыночной инфраструктуры в развитии инновационного предпринимательства, выделил основные и проанализировал региональные проблемы, препятствующие развитию инновационных структур в Узбекской Республике.

По результатам дискуссии (в ней приняли участие: директор института экономики и права Академии наук Абхазии, член-корреспондент АНА, профессор З. И. Шалашаа; научный сотрудник этого же института А. Н. Багба; старший преподаватель П. А. Дегтярев; доцент Т. В. Шурухина из Сочинского филиала РУДН; руководитель группы по работе с ключевыми партнерами Банка ВТБ А. В. Губин и др.) в числе согласованных ее участниками выводов обращает на себя внимание следующий: прямые иностранные инвестиции не могут считаться драйверами устойчивого экономического развития.

РЕЗУЛЬТАТЫ ДИСКУССИЙ, ДИСПУТОВ, ПОЛЕМИКИ

Одним из итогов VII Сочинской (2019 г.) Международной научно-практической конференции представляется правомерным признать состоявшуюся презентацию двух печатных изданий, приуроченных к ее началу. Это: 1) “Phenomenon of market economy: theoretical and methodological content-business of innovations” (Изд-во LSP, Лондон) [1]; 2) «Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. Бизнес, инновации,

информационные технологии, моделирование» (г. Майкоп, Изд-во ЭЛИТ) [4]. Их научная редакция осуществлена профессорами В.А. Сидоровым и Я.С. Ядгаровым.

Другим итоговым моментом конференции стал ее заключительный этап в формате круглого стола в Абхазском госуниверситете с участием сотрудников этого университета. Модераторами этой части конференции стали доцент О.Н. Дамения (директор Центра стратегических исследований при Президенте Республики Абхазия) и профессор Г.А. Сорокина (первый проректор Луганского национального университета им. Тараса Шевченко), выступления которых предопределили проблемные вопросы и дискуссию.

Подвел итоги конференции ее научный руководитель, заведующий секцией «История экономической мысли» Департамента экономической теории Финуниверситета профессор Я.С. Ядгаров, который отметил, что состоявшийся форум стал традиционным и востребованным научно-практическим мероприятием, в котором участвует довольно значительное число представителей научного экономического сообщества из стран постсоветского пространства. Поддержав мнение подавляющего большинства присутствующих, он выразил

уверенность в целесообразности продолжения этой традиции.

По итогам работы VII Международной научно-практической конференции по экономике единодушно принято следующее постановление:

1. Тема проведенной конференции, направленной на исследование феномена рыночного хозяйства, актуальна для российской теоретической экономики, отвечает функциям целеполагания современной науки и практики.

2. Международный статус проводимого форума, публикация двух изданий перед его началом позволяют своевременно информировать о происходящих событиях, трансформационных метаморфозах рыночного хозяйства, институциональных предпочтениях наибольшего числа заинтересованных лиц.

3. Актуальность тематики и дискуссионных направлений в рамках конференции обуславливают возможность ее проведения с привлечением представителей постсоветского научного экономического сообщества.

4. Целесообразность продолжения конференции в предстоящем периоде отвечает требованиям науки и образования, помогая выявить причины доминирования парадигмы рыночной идеологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Phenomenon of market economy: theoretical and methodological content-business of innovations: monograph. Sidorov V.A., Yadgarov Ya.S., Chaplya V.V., eds. London: Publishing House LSP; 2019. 505 p.
2. The phenomenon of the market economy: vectors and features evolution. Sidorov V.A., Yadgarov Y.S., Chaplya V.V., eds. London: Publishing House LSP; 2019. 620 p.
3. Phenomenon of market economy: theoretical and empirical research of communication problems: monograph. Sidorov V.A., Yadgarov Ya.S., Chaplya V.V., eds. London: Publishing House LSP; 2018. 527 p.
4. Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. Бизнес, инновации, информационные технологии, моделирование: сб. науч. тр. материалы VII междунар. науч.-практ. конф. по экономике (Сочи, 27–31 марта 2019 г.). Сидоров В.А. Ядгаров Я.С., ред. Майкоп: Издательство ЭЛИТ; 2019. 582 с.
5. Феномен рыночного хозяйства: векторы и особенности эволюции. Инновации бизнеса и бизнес инноваций. Монография. Ядгаров Я.С. Сидоров В.А., Чапля В.В., ред. Лондон: Изд-во LSP; 2017. 631 с.
6. Сидоров В.А., Ядгаров Я.С. Феномен рыночного хозяйства: политэкономическое исследование проблем и их решений. *Экономика: теория и практика*. 2017;3(47):116–119.
7. Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. Монография. Сидоров В.А., Ядгаров Я.С., Чапля В.В., ред. Краснодар: Изд-во Научно-исследовательского института экономики Южного Федерального округа; 2016. 497 с.
8. Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. Материалы III международной научно-практической конференции. Сидоров В.А. Ядгаров Я.С., Чапля В.В., ред. Краснодар: Изд-во Научно-исследовательского института экономики Южного Федерального округа; 2015. 555 с.
9. Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. Материалы международной научно-практической конференции. Ядгаров Я.С. Сидоров В.А., Ткаченко В.Г., Чапля В.В., ред. Краснодар: Изд-во Научно-исследовательского института экономики Южного Федерального округа; 2014. 521 с.

10. Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. Монография. Ядгаров Я.С. Сидоров В.А., Ткаченко В.Г., Чапля В.В., ред. Краснодар: Изд-во Научно-исследовательского института экономики Южного Федерального округа; 2013. 421 с.
11. Ядгаров Я.С., Сидоров В.А., Соболев Э.В. Феномен рыночного хозяйства. *Финансы: теория и практика*. 2017;21(4):170–181.
12. Гануш Г.И., Ядгаров Я.С., Сидоров В.А. Феномен рыночного хозяйства. *Белорусский экономический журнал*. 2016;2(75):131–141.
13. Силагадзе А.Н., Сидоров В.А., Ядгаров Я.С. Феномен рыночного хозяйства: фундаментальные и прикладные основы. Монография. Тбилиси: Изд-во «Универсал»; 2016. 252 с.
14. Мырзалиев Б.С., Сидоров В.А., Ядгаров Я.С. Феномен рыночного хозяйства: эволюция концептуальных императивов и приоритетов. Монография. Алматы: Издательство «Нұрлы Бейне»; 2016. 395 с.
15. Саргсян Г.Л., Маркосян А.Х., Сидоров В.А., Ядгаров Я.С. Трансформационные аспекты феномена рыночного хозяйства. Монография. Ереван: Изд-во «Зангак»; 2016. 596 с.

REFERENCES

1. The phenomenon of the market economy: theoretical and methodological content-business of innovations: monograph. Sidorov V.A., Yadgarov Ya.S., Chaplya V.V., eds. London: Publishing House LSP; 2019. 505 p.
2. The phenomenon of the market economy: vectors and features evolution. Sidorov V. A., Yadgarov Y. S., Chaplya V.V., eds. London: Publishing House LSP; 2019. 620 p.
3. The phenomenon of the market economy: theoretical and empirical research of communication problems: monograph. Sidorov V.A., Yadgarov Ya.S., Chaplya V.V., eds. London: Publishing House LSP; 2018. 527 p.
4. The phenomenon of the market economy: from its origins to the present day. Business, innovation, information technology, modelling. Proceedings of the VII International scientific and practical conference on Economics (Sochi, March 27–31, 2019). Sidorov V.A., Yadgarov Ya.S., eds. Maikop: Elit Publishing House; 2019. 582 p.
5. The phenomenon of the market economy: vectors and features of evolution. Business innovation and business innovation. Monograph. Yadgarov Ya.S., Sidorov V.A., Chaplya V.V., eds. London: publishing house of the LSP; 2017. 631 p.
6. Sidorov V. A., Yadgarov Y. S. The phenomenon of the market economy: Political-economic research of problems and their solutions. *Ekonomika: teoriya i praktika*. 2017;3(47):116–119. (In Russ.).
7. The phenomenon of the market economy: from its origins to the present day. Monograph. Sidorov V. A., Yadgarov Y. S., Chaplya V. V., eds. Krasnodar: Publishing house of the Research Institute of Economics of the Southern Federal District; 2016. 497 p. (In Russ.).
8. The phenomenon of the market economy: from its origins to the present day. Proceedings of the III International scientific and practical conference. Yadgarov Ya.S., Sidorov V.A., Chaplya V.V., eds. Krasnodar: Publishing house of the Research Institute of Economics of the Southern Federal District; 2015. 555 p. (In Russ.).
9. The phenomenon of the market economy: from its origins to the present day. Materials of the international scientific and practical conference. Yadgarov Ya.S., Sidorov V.A., Tkachenko V.G., Chaplya V.V., eds. Krasnodar: Publishing house of the Research Institute of Economics of the Southern Federal District; 2014. 521 p. (In Russ.).
10. The phenomenon of the market economy: from its origins to the present day. Monograph. Yadgarov Ya.S., Sidorov V.A., Tkachenko V.G., Chaplya V.V., eds. Krasnodar: Publishing house of the Research Institute of Economics of the southern Federal district; 2013. 421 p. (In Russ.).
11. Yadgarov Ya.S., Sidorov V.A., Sobolev E. V. The phenomenon of the market economy. *Finance: theory and practice*. 2017;21(4):170–181. (In Russ.).
12. Ganush G. I., Yadgarov Ya.S., Sidorov V. A. The phenomenon of the market economy. *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal*. 2016;2(75):131–141. (In Russ.).
13. Silagadze A.N., Sidorov V.A., Yadgarov Ya.S. The phenomenon of market economy: fundamental and applied foundations. Monograph. Tbilisi: Universal Publishing House; 2016. 252 p. (In Russ.).
14. Myrzaliev B. S., Sidorov V. A., Yadgarov Ya. S. The phenomenon of the market economy: evolution of conceptual imperatives and priorities. Monograph. Almaty: Nurly Beine Publishing House; 2016. 395 p. (In Russ.).

15. Transformational aspects of the phenomenon of the market economy. Monograph. G. L. Sargsyan, A. H. Markosyan, V. A. Sidorov, Y. S. Yadgarov. Yerevan: Zangak Publishing House; 2016. 596 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Яков Семенович Ядгаров — доктор экономических наук, профессор, заведующий секцией «История экономической мысли» Департамента экономической теории, Финансовый университет, Москва, Россия
yakovyadgarov@mail.ru

Виктор Александрович Сидоров — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической экономики, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
sidksu@mail.ru

Эдуард Васильевич Соболев — кандидат экономических наук, доцент, директор Краснодарского филиала Финансового университета, Краснодар, Россия
evsobolev@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Yakov S. Yadgarov — Doctor of Economics, Professor, Head of the section “History of economic thought” of the Department of Economic Theory, Financial University, Moscow, Russia
yakovyadgarov@mail.ru

Viktor A. Sidorov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Theoretical Economics of Kuban State University, Krasnodar, Russia
sidksu@mail.ru

Eduard V. Sobolev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Director of Krasnodar branch of Financial University, Krasnodar, Russia
evsobolev@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

Ядгаров Я. С. — научное руководство исследованием; формулировка научной гипотезы, проверяемых итогами новейших изысканий; работа над итоговыми выводами.

Сидоров А. Р. — формирование структурного и аналитического наполнения материала; обзор литературы.

Соболев Э. В. — критический анализ текста; обобщение и интерпретация полученных промежуточных результатов.

The declared contribution of the authors:

Yadgarov Ya. S. — scientific management of the research; formulation of the scientific hypothesis, verified by the results of the latest research; work on the conclusions.

Sidorov A. R. — formation of structural and analytical content of the material; literature review.

Sobolev E. V. — critical analysis of the text; generalisation and interpretation of the intermediate results.

Статья поступила 09.07.2019; принята к публикации 10.09.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 09.07.2019; accepted for publication on 10.09.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Институциональные особенности гражданской службы неовеберийского государства (Neo-Weberian State) в механизме управления современной военной организацией

П.А. Шашкин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-5877-8531>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются институциональные особенности гражданской службы в модели неовеберийского государства применительно к повышению качества управления современной военной организацией. Гражданская служба рассматривается в качестве института развития человеческого капитала, элемента гражданско-военной синергии, гарантирующего стабильность управления и легитимность политической власти, в том числе в определении целей военной политики. В исследовании анализируются основные особенности представительства и реализация интересов акторов в рамках института гражданской службы в целях обеспечения высокого качества когнитивного управления и комплексного обеспечения национальной безопасности. Институциональные особенности модели гражданской службы неовеберийского государства – элитарность и интегративность – и формируемые ими типы отношений – автономия и когнитивность – рассматриваются на примере деятельности Европейского оборонного агентства. Анализ институциональных особенностей гражданской службы в механизме управления военной организацией служит определению мотивов и форм реализации интересов акторов в военной политике, включая постановку политических целей войны, ведения разведывательной деятельности и организации военно-гражданского сотрудничества.

Ключевые слова: государственное управление; неовеберийское государство; государственная служба; гражданская служба; военная организация государства; гражданско-военная синергия; национальная безопасность; человеческий капитал

Для цитирования: Шашкин П.А. Институциональные особенности гражданской службы неовеберийского государства (Neo-Weberian State) в механизме управления современной военной организацией. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):62-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-62-71

Institutional Features of the Neo-Weberian State Civil Service in the Mechanism of Management of Modern Military Organization

P.A. Shashkin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5877-8531>

ABSTRACT

The author examines the institutional features of the civil service in the model of the “Neo-Weberian state” regarding improving the quality of management of a modern military system. The civil service is considered as an institution for the development of human capital, an element of civil-military synergy that guarantees the stability of management and the legitimacy of political power, including defining the goals of military policy. The study analyses the main features of representation and the realisation of the interests of actors within the framework of the civil service institute to ensure high quality of cognitive management and comprehensive national security. The author analysed the institutional features of the “Neo-Weberian state” civil service model – elitism and integrativeness, and the types of relations they

form – autonomy and cognitiveness, on the example of the activities of the European Defense Agency. Analysis of the institutional features of the civil service in the “Neo-Weberian state” model in the mechanism of management of a modern military system serves to determine the motives and forms for the realisation of the interests of actors in military policy, including setting political goals of war, conducting intelligence activities and organising military-civilian cooperation.

Keywords: public management; Neo-Weberian state; public administration; civil service; the military system of the state; civil-military synergy; national security; human capital

For citation: Shashkin P.A. Institutional features of the Neo-Weberian State civil service in the mechanism of management of modern military organization. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):62-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-62-71

ВВЕДЕНИЕ

Передовые формы военной организации государства сегодня невозможно представить без сложной многоуровневой системы стратегического планирования и управления, включая практику когнитивного управления, отвечающего потребностям заказчика-принципала; сетевого взаимодействия государственного аппарата с негосударственными акторами — институтами гражданского общества и бизнеса; комплексного использования высококвалифицированных человеческих ресурсов и передовых технологий, отвечающих требованиям ведения глобальной сетцентрической войны.

В условиях возрастающих военно-политических угроз национальной безопасности представляется оправданным еще раз акцентировать внимание на тезисе, согласно которому ключевым приоритетом в обеспечении национальной безопасности государства XXI в. необходимо считать *национальный человеческий капитал* и прямо связанное с ним *качество управления военной организацией* [1, с. 692].

Происходящие в развитых странах мира процессы реформирования института государственной (публичной) службы в целях повышения эффективности деятельности управленческого аппарата, восстановления его легитимности и связности его интересов с общественными и национальными интересами требуют качественно нового взгляда на государственную службу как на *публичный институт развития человеческого капитала*, особенно в вопросах военного управления. В связи с этим представляется важным, с точки зрения научной новизны, обратить внимание на задачу исследования таких систем государственной (публичной) гражданской службы, которые отвечают критериям эффективного элемента военной организации и функционируют в качестве института развития человеческого капитала,

что принципиально важно для дальнейшего изучения гражданско-военной синергии как механизма управления современной военной организацией.

Совершенствование качества управления военной организацией государства во многом обусловлено процессами взаимодействия реализующих национальные интересы политических институтов (формализованных и неформальных), в том числе и в сфере военной политики. Институт государственной (публичной) службы и его основной элемент — *институт гражданской службы* — рассматривается в данной статье в качестве приоритетного объекта исследования применительно к его роли в управлении военной организацией в целях обеспечения высокого качества когнитивного управления и комплексного обеспечения национальной безопасности.

Институциональные особенности гражданской службы в данной статье рассматриваются применительно к модели неовеберианского государства. В качестве примера реализации потенциала гражданской службы в управлении военной организацией в статье рассматривается деятельность Европейского оборонного агентства (European Defence Agency), где в рамках единой структуры реализуются военные, военно-промышленные и экспертно-аналитические функции наднационального, государственного и корпоративного управления в русле механизма гражданско-военной синергии.

МЕТОДЫ

Изучение институциональных особенностей гражданской службы в контексте развития человеческого капитала представляется целесообразным проводить, опираясь на методологию институционального анализа, в значительной мере учитывающую разнообразные особенности поведения индивидов и социальных групп,

их взаимное влияние в рамках институциональных моделей и обусловленный данным обстоятельством характер отношений, складывающийся в той или иной структуре управления. В связи с этим представляется обоснованным обратить внимание на проблему объективного анализа и учета личных и групповых интересов, мотивов, которые движут акторами в постановке и реализации политических и военных целей государственного управления, результатом чего становится политический обмен на основе взаимной зависимости выбора в определенных институциональных условиях. Как справедливо отмечает Г.А. Борщевский: «Достижение институционализма как методологии состоит в отказе от рассмотрения государственной службы лишь как объекта воздействий и включении ее в состав активных акторов» [2, с. 10, 11].

Для определения терминологии данного исследования необходимо обратиться к творчеству Дж. М. Бьюкенена, М. Вебера, В. Вильсона, М. Дюверже, К. Клаузевица, А. А. Свечина.

С точки зрения М. Дюверже, государство (а следовательно, и его военная организация) представляет собой не простую совокупность органов власти и управления, а единый формализованный институт (модель человеческих отношений), официальные лица которого являются своего рода «агентами» — выразителями общественных интересов, которые одновременно образуют и неформальные институты, в том числе группы влияния и элиты [3, с. 109]. Любой институт, по мнению Дюверже, представляет собой органическое единство двух элементов: *структуры самих институциональных моделей и конкретных отношений*, проистекающих из них. *Легитимность* власти, согласно его воззрениям, есть оценка, складывающаяся в общественном сознании (в том числе, в сознании акторов), отражающая степень соответствия частных и коллективных интересов национальным интересам.

Один из основателей теории «идеальной бюрократии», М. Вебер, постулировал ключевой принцип целерационального *социального действия* в управлении — максимальной его рационализации на основе учета мотивов принятия решений, создания оптимальной структуры управления, ориентированной как на потребности общества в целом, так и на решение управленческих задач в интересах непосредственно акторов. Основание ориентации социально-

го действия может быть определено, по его мнению, «целерационально, т.е. посредством расчета на определенное поведение предметов внешнего мира и других людей, которые тем самым используются действующим индивидом в качестве „условий” или „средств”» [4, с. 84]. Верная оценка баланса субъективного смысла и ориентаций акторов на гармонизацию своих интересов с интересами других лиц в рамках определенной институциональной модели лежит, таким образом, в основе веберовского понимания рациональности управления и, как следствие, обеспечения легитимности политических институтов.

Важным для изучения выбранного объекта исследования применительно к военной организации государства следует также считать теории о необходимости разделения уровней стратегии (большой политики) и собственно практической политики — сферы обеспечения принятия решений, к элементам которой необходимо отнести в данном контексте и государственное административное управление. В понимании В. Вильсона, стратегия государства и консенсус по поводу «правил игры» не может исключительно зависеть от целеполагания того или иного политического актора и его команды, пришедшей к власти на лимитированный отрезок времени. Равным образом они не должны быть и объектом притязаний со стороны бюрократии, стремящейся к максимизации своей политической и экономической ренты. Для обеспечения эффективности управления и поддержания легитимности государственных институтов необходим институт государственной службы, способный быть объективным выразителем общественных интересов, условиями чего выступают профессионализм, подконтрольная ротация и самодостаточность (автономия) служащих [5, с. 34, 39].

В дальнейшем подобный подход к управлению, как видится, получил свое развитие, в том числе в «теории общественного выбора», как необходимость различать две ступени общественного взаимодействия — *социального действия*: определение базовых условий и правил развития государства — «стратегия» и реализация утвержденных общественным договором правил на практике, в том числе и в государственном управлении, — «политика». По мнению Дж. М. Бьюкенена, задача «реконструкции» политических институтов — восстано-

ления необходимого уровня их легитимности, основанной на сбалансированности интересов различных социальных групп, заключается в тонкой настройке работы государственного аппарата, направленной на ограничение бесконтрольной власти бюрократии в сфере подготовки и принятия большинства политических решений, с одной стороны, и на недопущение деградации управления в случае излишней демократизации и допуска к управлению непрофессионалов — с другой [6].

Военная политика также дает очевидные подтверждения обоснованности подобного подхода. А.А. Свечин утверждал, что формулировка политической цели войны является ключевым элементом военной стратегии, отнесенным к компетенции политических институтов, опирающихся в целеполагании на профессиональное мнение управленцев-служащих (военных и гражданских) [7, с. 29, 37].

Обращаясь к творчеству К. фон Клаузевица, академик А.А. Кокошин отмечает, что «Клаузевиц настоятельно рекомендует различать «войны по характеру своих мотивов и тех обстоятельств, при которых они зарождаются». Для верного анализа военно-политической обстановки требуется точное «выявление „мотивов” войны (часто весьма идеологизированных), поставленные политические цели, что является гораздо более трудной задачей, нежели анализ собственно хода военных действий, вовлеченных в них сил и средств и т.п.» [8, с. 32]. Развивая эту мысль, можно утверждать, что только комплексный анализ политических отношений, институциональных особенностей и условий, при которых акторы в военной политике осуществляют целеполагание, выбор и обмен по поводу власти, может дать как объективную характеристику политической цели конкретной войны, так и ключ к пониманию военного противоборства как социального действия и, как следствие, понимание путей и способов формирования оптимальной легитимной структуры военной организации государства, включая институт гражданской службы, способной в рамках гражданско-военной синергии к эффективной реализации целей военной политики.

Гражданско-военная синергия в рассматриваемом контексте означает комплексное использование гражданских и военных средств борьбы для достижения эффективного резуль-

тата, который не может быть независимо получен по-отдельности военными и гражданскими средствами [9, с. 4].

В связи с этим, как видится, проблема верного соотношения правил игры (структуры институтов и собственно фактических отношений, следующих из них), устанавливаемых стратегией и практической политикой соответственно, есть в первую очередь проблема достижения баланса интересов и легитимности системы управления. Для поддержания уровня легитимности власти требуется соблюдение равновесия формализованных и неформальных институтов, балансировка многочисленных интересов в целях их социализации и придания устойчивости политической системе в целом. Это достигается, в том числе, посредством развития человеческого капитала акторов, их социальных ориентаций и представительством их интересов.

В части, затрагивающей процессы политического обмена акторов в управлении военной организацией, далее приводится краткий анализ особенностей *институциональной модели неовебериянского государства, отношений акторов*, проистекающих из представленной модели, в том числе на примере деятельности гражданских служащих в Европейском оборонном агентстве.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Применительно к выбранному объекту исследования — институту гражданской службы — К. Поллитт выделяет в модели неовебериянского государства, среди прочего, следующую комбинацию его ключевых элементов:

- классический вебериянский:
  - сохранение идеи государственной (публичной) службы с особым статусом, культурой и условиями прохождения;
- неовебериянские:
  - переход от внутренней ориентации на бюрократические процедуры к внешней ориентации на удовлетворение потребностей и запросов граждан. Основным путем к достижению этого — не использование рыночных механизмов (хотя иногда они могут пригодиться), но *создание профессиональной культуры качества и служения самой бюрократии*;
  - добавление (не замещение) роли представительной демократии с помощью ряда средств для обеспечения консультаций

с гражданами и прямого представления их взглядов;

- при управлении ресурсами внутри правительства — модернизация соответствующих законов для поощрения большей ориентации на достижение результатов, а не просто правильное следование процедуре;
- профессионализация государственной (публичной) службы с той целью, чтобы «бюрократ» стал не просто экспертом в области права, относящейся к его сфере деятельности, но также и профессиональным управленцем, ориентированным на удовлетворение потребностей своих граждан/пользователей [10, с. 15].

По существу, при данном подходе речь идет о конвергенции позитивного опыта всех трех основных парадигм развития института государственной службы: классической рациональной (принцип профессионализма), государственного менеджмента (New Public Management — учет интересов принципалов — заказчиков услуг при обеспечении принятия управленческих решений), общественно-государственного управления (Good Governance — взаимодействие, обмен информацией и согласование позиций всех сторон, заинтересованных в принятии того или иного решения) [11, с. 404].

Институциональная модель неовеберианского государства в данном прочтении предполагает, что государственное политическое управление относится к сфере большой стратегии, оперирующей мотивами и интересами элиты, поддерживаемой большинством граждан и общественных институтов, стремящихся к реализации своих индивидуальных и групповых интересов, в том числе, через систему государственного административного управления, включая сюда институт публичной службы. При этом государственное управление в аспекте деятельности исполнительных органов власти и бюрократии как части государственного аппарата непосредственно затрагивает сферу практической политики и вряд ли может быть эффективно от нее отделено.

Таким образом, легитимность государственных институтов в неовеберианском государстве обеспечивается целерационально и совместно всеми ключевыми акторами — элитой (государственной и негосударственной), обладающей необходимым уровнем культуры и представ-

ленной на уровне подготовки и исполнения решений управленцами-агентами, наделенными функцией медиации в отношении общества и политического класса, а также — группами влияния в самой элите в вопросах определения степени легитимности притязаний того или иного актора на власть, что требует необходимого уровня профессиональной культуры служащих. В то же время бюрократия, будучи сама элитной группой и политико-административным институтом, требует непосредственного учета ее объективных интересов путем их представительства при разумном контроле со стороны демократических институтов.

Баланс интересов акторов в рамках института государственной службы достигается посредством комбинации следующих элементов:

- представительство интересов политических и негосударственных акторов посредством профессионального корпуса агентов-государственных служащих;
- элитарный статус, культура, профессионализация агента-госслужащего, наделенного ограниченным функционалом актора;
- гибкое регулирование функционала агента: сужение сферы принятия немотивированных целерационально решений при одновременном расширении автономии в выборе формы принятия и реализации решений по вопросам, отнесенным к профессиональной компетенции служащего;
- транспарентность назначения агента и его императивная мотивированная ротация.

«Человеческий фактор» действительно представляет собой слабое звено в политической системе, однако некомпетентность и ограниченность всех акторов без исключения, в равной степени — избирателя, политика, бюрократа (на что, в частности, обращал внимание Дж. М. Бьюкенен), компенсируется в данном случае включенностью представительства интересов акторов-принципалов непосредственно в структуру социально ориентированного, профессионального и элитарного института государственной службы, ротируемого и контролируемого акторами, что создает дополнительный контур подотчетности, наряду с традиционными институтами общественного контроля и представительной демократии. Дж. М. Бьюкенен отмечает: «Демократические процедуры, в том числе представительство интересов, могут быть непосредственно включены

в структуру государства, обеспечивающего соблюдение договора, поскольку кажется, что они являются единственным средством, дающим возможность контроля над теми экспертами, которым делегированы полномочия по обеспечению договора» [12].

В практическом плане элитарность государственной службы выражается в первую очередь в когнитивности управления, его качестве. Двойная задача демократизации государственной службы при сохранении ее элитарности в модели неовеберийского государства решается через формирование гибкой системы когнитивного управления и нового типа «когнитивной бюрократии», интеллектуальные, культурные и социальные компетенции которой придают ей и всей политической системе в целом легитимный характер. Подчеркнем, что речь в данном случае идет об эффективном сочетании передовых технологий в сфере управления и развития собственно интеллектуального и культурного капитала государственных служащих через создание условий для их креативной высокопрофессиональной деятельности, что служит целям поддержания общественного статуса института госслужбы в качестве социального лифта и гаранта качества принимаемых управленческих решений.

Задача «когнитивной бюрократии» заключается в данном случае в управлении смыслами и (через смыслы) субъективной реальностью, в которой важнейшие человеческие компетенции не только не поддаются «оцифровке», но, напротив, утрачивают свою значимость для когнитивного управления, будучи подменены упрощенными технократическими решениями. Развитие человеческого капитала института государственной службы, таким образом, прямо связано с решением проблемы формирования структуры образного аналитического мышления «при выработке и реализации управленческих решений отдельных индивидов и групп как базовой опорной точки управления группами взаимосвязанных людей, машин, технических, в том числе информационных, систем и природных объектов» [13, с. 124].

Современная когнитивная бюрократия призвана, таким образом, осуществлять управленческую деятельность, успешно комбинируя методы не только экспертизы (принятие оценочных решений на оперативно-тактическом

уровне в фиксированной системе парадигм, включая «платформенные решения»), но и аналитики (принятие решений на стратегическом уровне по выявлению сложных нерешенных проблем и генерации новых идей по их преодолению). Что является принципиальным моментом для верного выбора каналов регулирующего воздействия и контроля, отвечающих одновременно интересам субъекта и объекта управления, образующих главный контур управления всей системой управления [14, с. 143].

Решение этой задачи происходит, прежде всего, через формализацию и социализацию интересов акторов (принципалов и агентов) посредством профессионального представительства их интересов через институт государственной службы для восстановления легитимности политических институтов. Данное утверждение в равной степени относится и к военной организации государства, в особенности в части выстраивания легитимных механизмов военного строительства, выявления мотивов и политических целей военной политики.

К числу основных институциональных особенностей публичной службы неовеберийского государства необходимо отнести:

- *элитарность* — сочетание профессионализации служащих, особого статуса и культуры института государственной службы;
- *интегративность* — комплексный механизм обеспечения представительства интересов и их реализации в публичном управлении.

Элитарность и интегративность, предполагающие развитие навыков и компетенций служащего в сочетании с его социокультурной ориентацией на публичные интересы, определяют и дальнейшие *типы отношений* — *когнитивность и автономия*.

Автономия выражается в том, что служащие-агенты действуют в рамках расширенных полномочий в сочетании с повышенной ответственностью за результаты деятельности, на основе строго лимитированного по времени контракта. *Когнитивность* подразумевает акцент на развитие интеллектуальных компетенций самого служащего — его человеческого капитала, в целях повышения взаимопонимания людей, принимающих решения.

Описанные выше типы отношений, характерных для неовеберийской бюрократии, обеспечивают «когнитивную легитимность»

политической системы комплексно. В этом смысле поставленная Дж. М. Бьюконеном проблема разграничения процедурных норм и процесса принятия решений и собственно «существа вопроса» — достижения целей управления и балансировки интересов акторов — не имеет, что очевидно, простого решения. Между тем, важным этапом решения этой задачи становится создание гибкой институциональной системы, способной максимально объективно выявлять, социализировать и реализовывать интересы акторов (включая интересы самих бюрократов) в рамках института государственной (публичной) службы, которая выступает профессиональным гарантом легитимности и социальности действий ключевых политических акторов, осуществляя когнитивное управление в интересах общества и при его поддержке.

Передовая военная организация государства предполагает на современном этапе непосредственную включенность института гражданской службы в процесс принятия и реализации военно-политических решений, особенно в области постановки ключевых целей и задач военного строительства, разведывательной деятельности, миротворчества, военно-гражданского сотрудничества, важной частью которого является формирование и поддержание на должном уровне деятельности гражданской администрации (особенно в зоне военных конфликтов) и ее взаимодействие с силовыми структурами. Это, в свою очередь, требует формирования соответствующего уровня компетенций гражданских служащих для решения задач государственного управления в рамках реализации целей военной политики в условиях «стратегии непрямых действий» и «нелинейного характера операций», требующих учета интересов неограниченного числа акторов в условиях возрастающей неопределенности хода войны и синергии их компетенций с компетенциями военнослужащих.

Обращаясь к опыту Европейского союза в данной сфере, необходимо отметить следующее: политическая цель строительства военной организации Союза (и потенциально — цель военного строительства и войны) в Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности определена как достижение «стратегической автономии», экспансия по-

средством комбинированного использования инструментов «мягкой» и «жесткой» силы с использованием механизмов гражданско-военной синергии. Для достижения данной цели ЕС позиционируется как «пример глобального управления» — «связующего звена, координатора и посредника в рамках сети игроков (акторов)»¹. Функционал Европейского оборонного агентства (далее — Агентство) в качестве ключевого элемента военной организации ЕС заключается в развитии обороноспособности Союза (в том числе, путем формирования единого европейского оборонного рынка и военной инфраструктуры), в разработке нормативно-правовых актов в области регулирования оборонных исследований, разработке и закупке вооружений. Важно отметить, что основой военной организации ЕС служит именно оборонно-промышленный комплекс, и, как следствие, персонал Европейской публичной гражданской службы Агентства выступает ключевым звеном в управлении военной организацией Союза в целом.

Институциональные «неовебериянские» особенности выражаются в структурной модели Агентства следующим образом:

- *Интегративность.* Агентство — ориентированная на внешнюю среду организация, на постоянной основе взаимодействующая с ее пайщиками, участвующими в ее работе государствами — членами ЕС, а равно с широким кругом держателей долей капитала, принимающих участие в ее деятельности. Агентство работает в *интегративной манере*, привлекая междисциплинарные команды профессионалов во всех функциональных сферах, отнесенных к его компетенции, в целях реализации его задач. Деловая культура принятия решений Агентства отвечает критериям гибкости и ориентированности на результат, тем самым обеспечивается единый контур принятия решений в рамках взаимосвязанных управленческих платформ².

- *Элитарность.* Сетевая структура деятельности Европейского оборонного агент-

¹ Общее видение, единый подход: сильная Европа. Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности. С. 32. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/feature_eu_global_strategy_full_text.pdf.

² Веб-сайт Европейского оборонного агентства. URL: <https://www.eda.europa.eu/jobs/what-we-look-for>.

ства построена на профессионализации служащих и максимальном учете их компетенций при разработке, принятии и реализации управленческих решений. Агентство комплектуется *временными агентами, контрактными агентами и прикомандированными национальными экспертами*, отбираемыми преимущественно на конкурсной основе и на строго определенный контракт ограниченный срок, предусматривающий последующую ротацию. В персонал Агентства также включаются *специальные советники*. Все они (за исключением прикомандированных национальных экспертов) имеют равный статус гражданских служащих ЕС³. Сроки служебных контрактов строго лимитированы⁴.

В Агентстве занято всего около 130 гражданских служащих (в основном временных и контрактных агентов), но через сети национальных экспертов в его текущую работу вовлечено около четырех тысяч специалистов в области обороны из стран ЕС (в некоторых случаях привлекаются и эксперты третьих стран на особых условиях). Сети прикомандированных национальных экспертов, включая экспертов-военнослужащих, имеют важное значение для работы Агентства, целеполагание осуществляется с максимальным учетом интересов внешних акторов, в первую очередь государств — членов ЕС в лице профильных политических институтов (государственных и негосударственных). Срок работы экспертов также лимитирован.

В рамках собственно штата Агентства ведущая управленческая роль отводится *агентам-акторам, которыми выступают гражданские служащие ЕС — временные и контрактные агенты*. Стратегирование высшего уровня, в свою очередь, относится к компетенции политического руководства Агентства, которое формулирует единый курс и осуществляет стратегическое целеполагание только с учетом мнени-

ния профессионального сообщества служащих и внешних экспертов.

Таким образом, реализация принципа «цели важнее функций» обеспечивается максимально широким привлечением специалистов к работе и принятию решений и представительством интересов принципалов, а не простой заменой человеческого интеллекта суммой технологий конвергентной сферы управленческих пространств (платформ).

Типы отношений служащих Агентства — автономия и когнитивность — выражаются в том, что персонал на всех уровнях должен демонстрировать:

- соответствующие качества гибкости, инновационности и способности к командной работе;
- способность работать эффективно с группами пайщиков и держателей долей капитала (актерами-принципалами — *Прим. авт.*);
- способность управлять без необходимости детального определения направления деятельности со стороны руководства⁵.

В свою очередь, высокая степень профессионализации служащих Агентства, их постоянная связь с принципалами, транспарентная, регулярная и обязательная ротация создают условия для развития человеческого капитала публичной службы в рамках Агентства — карьерного и профессионального роста служащих, реализации индивидуальных и коллективных интересов посредством их социализации на публичной службе. Как следствие, механизм гражданско-военной синергии в приведенном случае позволяет эффективно задействовать потенциал гражданской службы в военном строительстве.

ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Институциональные особенности гражданской службы неовеберианского государства (сочетание элитарности и интегративности) применительно к управлению военной организацией находят свое выражение в том, что институт гражданской публичной службы действует, прежде всего, как институт развития человеческого капитала — не только политико-административный институт, созданный для сервисного

³ Council Decision (CFSP) 2015/1835 of 12 October 2015 defining the statute, seat and operational rules of the European Defence Agency. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32015D1835> (дата обращения: 03.08.2018); Council Decision (EU) 2016/1351 of 4 August 2016 concerning the Staff Regulations of the European Defence Agency, and repealing Decision 2004/676/EC. URL: <https://www.eda.europa.eu/docs/default-source/documents/eda-staff-regulations.pdf>.

⁴ Веб-сайт Европейского оборонного агентства. URL: <https://www.eda.europa.eu/jobs/what-we-offer>.

⁵ Веб-сайт Европейского оборонного агентства. URL: <https://www.eda.europa.eu/info-hub/press-centre/latest-news/2016/02/23/eda-is-recruiting>.

обеспечения интересов заказчиков, но, прежде всего, как политический институт, гарантирующий стабильность управления и легитимность политической власти. Его функционал реализуется посредством социализации и представительства интересов акторов-принципалов акторами-агентами, с обязательным учетом интересов последних, через транспарентный и целерациональный процесс подготовки, принятия, реализации и контроля управленческих решений. Автономия и когнитивность — типы отношений в неовеберовской модели государственной службы — способствуют достижению названной цели.

Когнитивные компетенции, таким образом, становятся основным критерием в определении легитимности притязаний в отношении власти и нахождения на государственной службе. Одновременно когнитивность способствует и социализации интересов бюрократии как элитной группы. Тем самым обеспечивается избежание крена в управлении к «двойному правительству» — наличию нелегитимных групп влияния, прикрывающихся формальными институтами власти, что представляет вполне реалистичную перспективу в случае простой замены человеческого фактора в управлении суммой технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стратегическое прогнозирование международных отношений. Монография. Подберезкин А. И., Александров М. В., ред. М.: МГИМО–Университет; 2016. 743 с.
2. Борщевский Г. А. Институт государственной службы в политической системе российского общества. М.: Юрайт; 2018. 293 с.
3. Duverger M. *Sociologie politique*. Paris; 1968.
4. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. I. Социология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2016. 445 с.
5. Вильсон В. Наука государственного управления. Классики теории государственного управления: Американская школа. Шафритц Дж., Хайда А., ред. М.: Изд-во Московского университета; 2003. 800 с.
6. Бьюкенен Дж. М. Политика без романтики: краткое изложение позитивной теории общественного выбора и ее нормативных условий. URL: <http://pavroz.ru/files/buchanenpolbezrom.pdf>.
7. Свечин А. А. Стратегия. М.: Военный вестник; 1927. 265 с.
8. Кокошин А. А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2013. 261 с.
9. Shyamika Jayasundara-Smits. Civil-Military Synergy at Operational Level in EU External Action. URL: https://www.researchgate.net/publication/312160673_Civil-Military_Synergy_at_Operational_Level_in_EU_External_Action.
10. Pollitt. Ch. An Overview of the Papers and Propositions of the First Trans-European Dialogue (TED 1). *The NISPAcee Journal of Public Administration and Policy. Special Issue: A Distinctive European Model? The Neo-Weberian State*. Winter. 2008/2009; 1(2):9–16.
11. Борщевский Г. А. Политические факторы институционального развития государственной службы. *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2017;19(4):403–411.
12. Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. М.: Таурус Альфа; 1997.
13. Агеев А. И., Логинов Е. Л. Битва за будущее: кто первым в мире освоит ноомониторинг и когнитивное программирование субъективной реальности? *Экономические стратегии*. 2017;2(144):124–139.
14. Рыжов В. И. Аналитика и экспертиза в информационном обществе. *Экономические стратегии*. 2018;2(152):140–155.

REFERENCES

1. Strategic forecasting of international relations. Moscow, MGIMO–University; 2016. 743 p. (In Russ.).
2. Borshhevskij G. A. Institute of public service in the political system of russian society. Moscow: Yurajt; 2018. 293 p. (In Russ.).
3. Duverger M. *Sociologie politique*. Paris; 1968.
4. Weber M. *Economy and society. An outline of Interpretive sociology*. Moscow: High School of Economics; 2016. 445 p. (In Russ.).

5. Wilson W. The study of administration. Moscow: Moscow University; 2003. 800 p. (In Russ.).
6. Buchanan J. M. Politics without romantics: a sketch of positive public choice theory and its normative implications. URL: <http://pavroz.ru/files/buchanenpolbezrom.pdf>. (In Russ.).
7. Svechin A. A. Strategy. Moscow: Voennyj Vestnik; 1927. 265p. (In Russ.).
8. Kokoshin A. A. Political-military and military-strategic problems of national security of Russia and international security. Moscow: High School of Economics; 2013. 261 p. (In Russ.).
9. Shyamika Jayasundara-Smits. Civil-Military Synergy at Operational Level in EU External Action. URL: https://www.researchgate.net/publication/312160673_Civil-Military_Synergy_at_Operational_Level_in_EU_External_Action.
10. Pollitt Ch. An Overview of the Papers and Propositions of the First Trans-European Dialogue (TED 1). *The NISPAcee Journal of Public Administration and Policy*. Special Issue: A Distinctive European Model? The Neo-Weberian State. Winter 2008/2009; I(2):9–16.
11. Borshhevskij G. A. Political factors of institutional development of public service]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya = RUDN Journal of Political Science*. 2017;19(4):403–411. (In Russ.).
12. Buchanan J. M. Writings. Series: Nobel laureates in economics. Vol. 1. Moscow: Taurus Alfa; 1997. (In Russ.).
13. Ageev A. I., Loginov E. L. The battle for the future: Who will be the first in the world to master noo-monitoring and cognitive programming of subjective reality? *Ekonomicheskie strategii*. 2017;2(144):124–139. (In Russ.).
14. Ryzhov V. I. Analytics and expertise in the information society. *Ekonomicheskie strategii*. 2018;2(152):140–155. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павел Александрович Шашкин — кандидат философских наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
paulshashkin@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Pavel A. Shashkin — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
paulshashkin@list.ru

Статья поступила 17.08.2019; принята к публикации 10.09.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.08.2019; accepted for publication on 10.09.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-72-81
УДК 338.22.021.1(045)

Государственная политика поддержки обрабатывающих отраслей промышленности России в условиях международных санкций

С.А. Толкачев^а, О.О. Комолов^б

^{а, б} Финансовый университет, Москва, Россия; ^б РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия;

^б Институт экономики РАН, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0003-3766-2246>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-6944-7925>

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена проблема совершенствования системы государственной поддержки обрабатывающих отраслей промышленности России. Показано, что огромный ущерб, нанесенный промышленности в ходе приватизации и рыночных реформ, привел к разрушительным последствиям, которые компенсируются в последние годы системой государственной поддержки, сводящейся к финансово-кредитным мерам. Несмотря на то что современные промышленные предприятия, безусловно, относятся к сложным, а не простым системам, система государственных мер поддержки промышленности в России построена исходя из неоклассических подходов к объекту воздействия как разновидности простой системы. Критически разобраны аргументы противников политики импортозамещения в России, показано, что они направлены на «упрощение экономики», т.е. редукцию сложных систем к простым. На основе анализа базы данных мер поддержки государственной информационной системы промышленности (ГИСП) сделан вывод о доминировании финансово-кредитных мер над организационно-экономическими, что подчеркивает сложившийся неправильный подход управляющего субъекта к объекту управления (обрабатывающая промышленность) как к простым системам.

Ключевые слова: обрабатывающие отрасли промышленности; промышленная политика; государственная система мер поддержки промышленности; сложные системы; импортозамещение

Для цитирования: Толкачев С.А., Комолов О.О. Государственная политика поддержки обрабатывающих отраслей промышленности России в условиях международных санкций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2019;9(6):72-81. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-72-81

ORIGINAL PAPER

State Policy to Support Manufacturing Industries of Russia under International Sanctions

S.A. Tolkachev^а, O.O. Komolov^б

^{а, б} Financial University, Moscow, Russia; ^б Plekhanov Russian University of Economics;

^б Institute of Economics Russian Academy of Science Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0003-3766-2246>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-6944-7925>

ABSTRACT

The article considers the problem of improving the state support system for manufacturing industries in Russia. We show that the enormous damage caused to the industry during privatisation and market reforms led to devastating consequences, compensated in recent years by a system of state support. However, it concerned only the financial and credit measures. Based on the theory of complex systems, we made a reasonable conclusion that modern industrial enterprises, of course, belong to complex rather than simple systems. At the same time, both general ideas about the economy and the system of state measures to support the industry in Russia are built based on neoclassical approaches to the object of influence as a kind of simple system. We critically analysed the import substitution policy opponents' arguments in Russia and showed that they are aimed at "simplifying the economy", i.e. towards the reduction of complex systems to simple ones. Based on the analysis of the database of measures to support the state industry information

system (GISP), we concluded that financial and credit measures dominate over organisational and economic ones, which emphasises the prevailing wrong approach of the managing subject to the management object (manufacturing industry) as simple systems.

Keywords: manufacturing industries; industrial policy; state system of industrial support measures; complex systems; import substitution

For citation: Tolkachev S.A., Komolov O.O. State policy to support manufacturing industries of Russia under international sanctions. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):72-81. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-72-81

ВВЕДЕНИЕ

Упорядоченный и систематизированный перечень инструментов поддержки национальной промышленности, увязанный со стратегическими целями развития страны, имеющими общегосударственный и долгосрочный характер, после принятия Федерального закона от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» является основным содержанием промышленной политики, направленной на преодоление импортной зависимости. Пресловутые «рыночные реформы» в виде приватизации и либерализации не могли не привести к деградации технологической структуры экономики, так как вместо дальнейшего усложнения государственно-корпоративной системы, организации вертикально интегрированных конкурентоспособных производств в виде крупных многоотраслевых концернов была проведена «структурная дезорганизация» отраслевых и межотраслевых органов управления экономикой, разрушена система государственной поддержки обрабатывающей промышленности.

Как известно, классик кибернетики и теории систем У. Эшби [1] давно сформулировал основной принцип управления, названный им законом необходимого разнообразия: разнообразие управляющей системы должно быть не меньше разнообразия управляемого объекта. Это означает, что для управления большой (сложной) системой управляющая система должна иметь значительное собственное разнообразие. Идеология рыночных реформ во всех сферах (и особенно применительно к обрабатывающей промышленности, отличающейся многоуровневыми технологическими связями, непредсказуемостью и нестабильностью спроса, неоднородностью ресурсов, непредвиденными рыночными ситуациями, синергетическими и эмерджентными эффектами) явно противоречила давно выявленной и доказанной сути объекта воздействия как разнovidности сложных систем и совершенно игнорировала закон Эшби.

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ И САНКЦИИ

Полномасштабное возвращение к представлениям об индустрии как о сложной системе, а также к всеобъемлющему механизму господдержки обрабатывающей промышленности и политике импортозамещения настоятельно назрело в ходе финансового кризиса и рецессии 2008–2009 гг. и окончательно произошло в мае 2014 г., когда президент РФ Владимир Путин подписал перечень поручений о дополнительных мерах по стимулированию экономического роста, в том числе — по импортозамещению в промышленности и сельском хозяйстве.

Однако начиная с 2017 г. (особенно после прихода на должность министра экономического развития М. С. Орешкина) идеология импортозамещения постепенно отходит на второй план. В ходе обсуждения темы импортозамещения на площадке Валдайского клуба в июле 2018 г. Орешкин заявил, что импортозамещение, оказывается, является «темой из прошлого», а сейчас «у российской экономики уже другая повестка» (<https://topwar.ru/144585-mer-poloneozhidannostey-importozameschenie-tema-iz-proshlogo.html>).

Видимо, не случайно импортозамещающий рефрен постепенно исчез из отчетов специализированного правительственного ведомства — Фонда развития промышленности (ФРП), — занимающегося предоставлением льготных кредитов промышленным предприятиям. Например, в отчете ФРП за 2016 г. можно было увидеть таблицу, содержащую сведения о состоянии импортозависимости основных отраслей обрабатывающей промышленности (<http://frprf.ru/download/godovoy-otchet-za-2016-god.pdf>), однако в дальнейших ежегодных отчетах ФРП подобных сведений нет и нам неизвестны другие официальные систематизированные оценки политики импортозамещения.

Российская экономика находится под давлением внешних санкций уже на протяжении шести лет. Антироссийские санкции в XXI в. распростра-

няются в основном на финансовые отношения. Выбор такого инструмента давления на Россию был определен высоким объемом внешнего долга, который на начало 2014 г. составил 728 млрд долл., или 35% ВВП страны (https://www.gks.ru/free_doc/new_site/effect/macr8.htm). Российская экономика лишилась возможности рефинансировать задолженность за счет новых займов. Кроме того, резкое падение цен на нефть, которое пришлось на 2014–2015 гг., сократило приток иностранной валюты от экспорта. В результате на валютном рынке произошла значительная девальвация рубля, что ударило по компаниям, зависимым от импорта, в первую очередь по предприятиям обрабатывающей промышленности.

Кроме того, на фоне санкций и нестабильной экономической конъюнктуры значительно сократился чистый приток прямых иностранных инвестиций в сектора обрабатывающей промышленности. Если в 2013 г. объем чистых капиталовложений составил 16,5 млрд долл., то к 2018 г. он сократился до 4,3 млрд долл. (https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/).

В 2014 г. ключевой статьёй российского импорта являлись машины и оборудование (47,6%, или 136,2 млрд долл.). Несмотря на объявленную политику импортозамещения, за последующие годы эта зависимость не стала меньше. В 2018 г. доля продукции машиностроения в импорте составила 47,2%. При этом сократился объем поставок — до 112,6 млрд долл. (<http://customs.ru/folder/521>). Это объясняется тем, что падение нефтяных цен, блокировка каналов внешнего финансирования экономики России и, как следствие, сохранение высокого курса доллара не позволяет осуществлять импортные поставки в прежнем объеме. Теперь российская промышленность оказалась неспособна обеспечить себя импортным оборудованием в необходимом объеме. Это сказывается на состоянии материальной базы российской промышленности. Степень износа основных фондов в крупных и средних коммерческих предприятиях с 2014 по 2018 г. выросла с 47,9 до 50,6% (https://www.gks.ru/free_doc/new_site/effect/macr8.htm).

Кроме финансовых санкций, против России был принят ряд ограничений в сфере технологического сотрудничества со странами Запада. В нефтегазовом секторе был введен запрет на экспорт в Россию технологий нефтедобычи и нефтепереработки. В оборонно-промышленном комплексе — запрет на проведение операций с Россией по экспорту и импорту вооружений; запрет на экспорт в Рос-

сию товаров двойного применения, а также любых технологий, которые могут быть использованы в военных целях. В одностороннем порядке были упразднены важные проекты технологического сотрудничества западных компаний с Россией.

Санкции наносят урон российской экономике, однако негативные тенденции в ней начали проявляться задолго до кризиса 2014 г., введения санкций и падения цен на нефть. В обрабатывающей промышленности с 2010 по 2013 г. индекс производства упал более чем на 10 пунктов: со 110,6 до 100,5 (см. *рисунок*).

Это обстоятельство свидетельствует о том, что санкции лишь отчасти объясняют сложившуюся сегодня ситуацию в российской экономике, и в особенности — в обрабатывающей промышленности, которая является основным местом приложения новых технологий. Это подтверждается и результатами специальных исследований. Так, по данным института BOFIT, негативное влияние санкций ограничивается лишь 2014 и 2015 гг., когда России потеряла 0,5 и 0,7% роста ВВП соответственно [2]. В другие годы основной причиной слабого экономического роста авторы исследования называют неэффективную фискальную политику и высокие процентные ставки, которые сдерживали экономический рост.

Таким образом, западные санкции лишь усилили негативные эффекты для развития обрабатывающей промышленности России, которые складывались до 2014 г. В таких условиях развитие приоритетных секторов обрабатывающей промышленности возможно лишь при условии их ускоренной модернизации, т.е. обновления основного капитала.

ПЕРЕВЕРНУТАЯ ПИРАМИДА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ОБРАБАТЫВАЮЩИХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Переходя к анализу современных методов государственной поддержки обрабатывающих отраслей промышленности России, отметим, что, на наш взгляд, уровень системной проработки этого процесса не вполне соответствует глубокой сущности объекта воздействия как сложной системы. Основная гипотеза нашего исследования состоит в том, что неэффективность существующей в России системы государственной поддержки обрабатывающей промышленности обусловлена значительным креном в сторону мер финансово-кредитного характера и недостатком организаци-

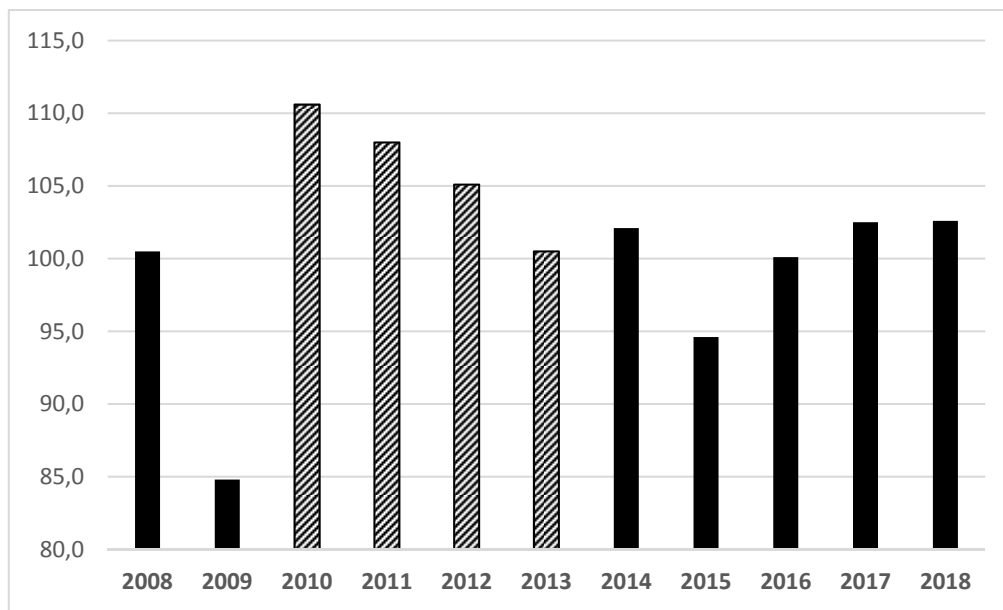

Рис. / Fig. Индекс производства в обрабатывающей промышленности России / Russian Manufacturing Index

Источник / Source: составлено авторами на основании данных: URL: http://www.rosstat.gov.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts / compiled by the authors based on data from: URL: http://www.rosstat.gov.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts.

онно-управленческих мер, более соответствующих сущности сложных производственно-технологических систем.

Возобновляя актуальность теории сложных систем применительно к нашему предмету, можно представить задачу государственной поддержки промышленности как взаимодействие между субъектом управления (совокупность мер господдержки) и объектом управления (собственно промышленным сектором).

Все применяемые государством меры поддержки промышленности можно разделить на финансово-кредитные и организационно-управленческие [3]. Первые оказывают воздействие на объект с помощью финансовых (как правило, предоставляемых на безвозмездной основе, чаще всего в форме субсидий) или кредитных (возмездных, но на более льготных условиях по сравнению с общерыночными) инструментов.

Организационно-управленческие меры призваны либо упростить и облегчить взаимодействие промышленного предприятия с запутанной и сложной внешней средой, либо упростить саму эту среду, либо, наконец, (что самое сложное) направить движение данной среды на достижение намеченных долгосрочных целей промышленного развития. Данные меры имеют проектное, долгосрочное и стратегическое содержание и, следовательно, в большей степени соответствуют объекту воздействия как сложной системе, учитывающей

все ее синергетические и эмерджентные свойства. А финансово-кредитные меры содействуют извлечению краткосрочной финансовой выгоды, и потому более соответствуют свойствам объекта воздействия как аналога простой системы. Поэтому в системе мер господдержки именно организационно-управленческие меры должны отражать целеполагание и задавать стратегические векторы регуляторного воздействия, тогда как финансово-кредитные меры должны играть роль вспомогательных институтов регулирования [3].

К сожалению, в экономических ведомствах страны, отвечающих за промышленное развитие, нет полного понимания необходимости подходить к государственной поддержке промышленности исходя из ее статуса сложной системы. Среди мер государственной поддержки безраздельно господствуют финансово-кредитные меры, и данный факт воспринимается руководителями Минпромторга как естественный порядок вещей. Например, бывший первый заместитель министра Минпромторга Глеб Никитин, позиционировавшийся в качестве разработчика стратегий развития промышленности, в интервью журналу «Эксперт» открыто демонстрировал приверженность финансово-кредитным мерам. Он долго описывал все виды субсидий, которые предлагаются промышленным предприятиям. Когда же ему был задан вопрос, явно намекающий на необходимость организационно-управленческих

Ключевые меры государственной поддержки некоторых отраслей обрабатывающей промышленности России / Key government support measures for some Russian manufacturing industries

Отрасль	Меры государственной поддержки
Авиационная промышленность	Субсидии на создание сервисных центров; субсидии на НИОКР; компенсация процентов по кредитам; компенсация затрат по выходу на мировой рынок
Автомобильная промышленность	Субсидии на содержание рабочих мест; субсидии на НИОКР; компенсация затрат, связанных с выпуском и поддержкой гарантийных обязательств
Легкая промышленность	Субсидирование процентов по кредитам на пополнение оборотных средств; субсидирование на закупку оборудования
Специализированное машиностроение	Субсидирование 15–20% скидок на технику; субсидирование 10% лизинга; субсидирование льготных кредитов на приобретение техники

Источник / Source: URL: <http://ngtpp.ru/wp-content/uploads/2019/05/Doklad.pdf>.

мер: «Появятся ли еще какие-то инструменты промполитики в отношении оборонных предприятий, чтобы помогать, советовать, консультировать? Ведь самим предприятиям сориентироваться во всех глобальных трендах трудно, это скорее задача министерства — начертить основные тренды. А дальше провести аудит этих предприятий, их технологических возможностей и увидеть, в какую сторону они могут двигаться», то был получен ответ, свидетельствующий о господстве неоклассического мышления и образах простых систем: «Попытка чиновников министерства решить за них, куда им двинуться, и бесполезна, и неправильна по сути, мы явно будем менее эффективны, чем менеджеры на месте, технологи, маркетологи, в конце концов. Да, мы будем делать технологический аудит, чтобы анализировать проекты, которые мы финансируем на предмет оптимальности затрат, оптимальности технологических линий, чтобы они были более универсальными и гибкими. Чтобы они не были заточены исключительно на производство конкретного какого-то изделия военной техники. Но думать за них, какой продукт произвести, я считаю, неправильно» [4].

Тем самым Минпромторг устами Г. Никитина отказывается выступить в качестве генерального штаба промышленности, отказывается «думать за них» и разрабатывать планы развития отраслей

и продолжает уповать на безальтернативность финансово-кредитных мер. О доминировании последних свидетельствуют следующие факты. Обратимся к самим промышленникам. В табл. 1, составленной нами на основе доклада К.А. Бабкина «О конкурентоспособности российской экономики с точки зрения обрабатывающей промышленности» (<http://ngtpp.ru/wp-content/uploads/2019/05/Doklad.pdf>), представленной на заседании Торгово-промышленной палаты в апреле 2019 г., показано, что только финансово-кредитные меры воспринимаются промышленниками в качестве заботы государства.

Из этого же доклада можно узнать, что объем прямых субсидий в рамках мер государственной поддержки промышленности с 2017 по 2018 г. вырос в текущих ценах с 267 до 288 млрд руб., или на 8%. С учетом реальной, а не заявляемой Росстатом 4%-ной инфляции вряд ли можно говорить о росте реального объема господдержки. В целом все субсидии составляют около 1% от оборота российской промышленности и не могут существенно повлиять на улучшение финансовых результатов на фоне мощного налогового пресса, составляющего свыше 52% от оборота и сверхжесткой кредитно-денежной политики.

Проведем эмпирическую проверку нашей гипотезы с помощью ресурса государственной ин-

Таблица 2 / Table 2

Структурный анализ нормативно-правовых актов (НПА) государственной поддержки промышленности РФ (по состоянию на июнь 2019 г. / Structural analysis of regulatory legal acts (NPA) of state support for industry of the Russian Federation (up to June 2019)

Виды НПА	Кол-во НПА,		Объем ассигнований на 2018–2019 гг., млн руб.
	ед.	%	
Финансово-кредитные меры			
Налоговая льгота	101	14	
Субсидии	348	48	
в том числе субсидии на возмещение затрат на уплату процентов по кредитам	43	6	13730 – федеральный уровень; 193 – регионы
Гранты	12	2	
Финансовая поддержка	12	2	
Займы	100	14	
Гос. гарантия	14	1,9	
Поручительство	32	4	
Компенсации	4	0,6	
Кредит	2	0,3	
Государственный заказ	2	0,3	
Лизинг	2	0,3	
Льготы	6	0,8	
Межбюджетные трансферты	1	0,1	
Стипендии	2	0,3	
Итого:	638	88,6	
Организационно-управленческие меры			
Регулирование	26	4,5	
Информационная поддержка	14	2	
Посредничество	1	0,1	
Инфраструктурная поддержка	19	3	
Нефинансовая поддержка	4	0,6	
Импортозамещение	1	0,1	
Инвестиционная поддержка	5	1	
Инжиниринговые услуги	1	0,1	
Итого:	71	11,4	
Всего:	709	100	276 904

Источник / Source: составлено авторами по материалам: URL: <https://gisp.gov.ru/support-measures/demo/> / compiled by the authors based on data from: URL: <https://gisp.gov.ru/support-measures/demo/>.

формационной системы промышленности (ГИСП) (<https://gisp.gov.ru/support-measures/demo/>). По состоянию на середину 2019 г., ГИСП насчитывает более 700 нормативно-правовых актов (НПА) как федерального, так и регионального уровня, связанных с государственной поддержкой. Анализ мер господдержки промышленности показывает, что подавляющее большинство из них — это предоставление субсидий и налоговых льгот из бюджетов разных уровней, т.е. финансово-экономические меры. Контент-анализ показывает, что всевозможные меры финансового характера (субсидии, гранты, займы, госгарантии, поручительства, залоговая и страховая поддержка и пр.) составляют более 90% от общего числа мер, в то время как организационно-управленческие меры — оставшиеся 10% (табл. 2).

Общий объем бюджетных ассигнований на поддержку промышленности составляет немалую сумму, всего на 2018–2019 гг. предусмотрено выделить по всем каналам 277 млрд руб.

Доминирующее положение занимают субсидии. Почти половину всех нормативно-правовых актов, связанных с государственной поддержкой промышленности, составляют субсидии разного рода: на поддержку лизинговой деятельности, на разработку отечественных дженериков в фармацевтике, на строительство индустриальных парков, субсидии авиаперевозчикам и авиастроителям на сертификацию воздушных судов и др.

Особый интерес вызывает род субсидий, связанных с возмещением затрат на уплату процентов по кредитам банкам: на компенсацию процентов по лизинговым сделкам авиаперевозчикам, на пополнение оборотных средств, субсидии отечественным производителям самолетов в целях технического перевооружения и др. В целом федеральный бюджет предусмотрел на 2018–2019 гг. почти 14 млрд руб. ассигнований в качестве компенсаций отечественным промышленникам высоких затрат на банковское кредитование. Фактически же речь идет о том, что государственная поддержка промышленности в этой части является дополнительным каналом государственного финансирования банковской системы. И в этом проявляется очевидная неупорядоченность в соподчиненности финансово-кредитных и организационно-управленческих мер, о чем мы писали выше.

Уже упоминавшийся первый заместитель министра Минпромторга Г. Никитин прекрасно понимает эту проблему. На вопрос: «В чем, по Ваше-

му мнению, основная проблема при реализации планов правительства?», он уверенно отвечает: «Недоступность капитала. Вот только что перед вами я проводил совещание с коллегами из МСП-банка. Они мне говорят, что у них есть пример в Приморье, когда процентная ставка составляет, вы не поверите, 80%. А вообще, обычное явление ставка выше 20%, если говорить про региональные проекты». И далее признает, что около 50% чистой прибыли в целом по обрабатывающим секторам уходит на выплату процентов [4].

В оборонно-промышленном комплексе, по словам вице-преьера Ю. Борисова, и вовсе «практически вся прибыль, получаемая отраслью, а это около 135 млрд руб., тратится на погашение процентов по кредитам, при этом основное тело долга погасить практически невозможно» [5].

Тем не менее субсидирование остается едва ли не единственным хоть сколько-нибудь действенным средством государственной поддержки обрабатывающих отраслей. Например, в критически важной для обеспечения продовольственной безопасности отрасли машиностроения для пищевой и перерабатывающей промышленности, в которой чрезвычайно высока импортозависимость, были подведены итоги реализации программы поддержки за 2018 г. Машиностроительным предприятиям выплачены субсидии в целях предоставления покупателям скидки при приобретении техники в рамках постановления Правительства Российской Федерации № 547. Министерством промышленности и торговли Российской Федерации предоставлены субсидии общим объемом 881 млн руб. отечественным предприятиям, выпускающим машины и оборудование для пищевой и перерабатывающей промышленности. В рамках государственной поддержки покупатель смогли приобрести с дисконтом печи хлебопекарные, молочное оборудование, силосы, зерносушилки, машины для фасовки и упаковки, фаршемешалки, витрины холодильные, клетки для содержания птицы. Производителями реализовано оборудование российского производства общей стоимостью свыше 5,5 млрд руб. (http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!minpromtorg_podvel_itogi_realizacii_programmy_podderzhki_proizvoditeley_pishhevoego_oborudovaniya).

Об ограниченности финансово-кредитного стимулирования и нехватке организационно-управленческих мер непосредственно свидетельствует и такой авторитетный экономист, как помощник президента Российской Федерации А.Р. Белоусов.

Таблица 3 / Table 3

Тенденции развития «зеленых» финансов по выборочным группам стран / Green finance development trends for selected country groups

Страна	Выработка и обеспечение реализации основ и мер стратегической политики	Поощрение добровольного соблюдения принципов и использования «зеленых» финансов	Расширение сетей обучения для развития потенциала	Поддержка развития национального рынка «зеленых» облигаций	Содействие международному сотрудничеству в целях стимулирования трансграничных инвестиций в «зеленые» облигации	Поощрение обмена знаниями об экологических и финансовых рисках	Содействие разработке методов оценки сферы «зеленых» финансов и последствий ее развития
Репрезентативные развитые страны							
США				✓			
Великобритания	✓		✓	✓	✓	✓	✓
Франция	✓	✓		✓	✓	✓	
Германия	✓		✓	✓		✓	
ЕС	✓			н/а	✓		
Япония				✓			
Страны БРИКС							
Бразилия				✓	✓	✓	
Россия				✓		✓	
Индия	✓			✓	✓		
Китай	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
ЮАР	✓			✓	✓		

Источник / Source: [6, p. 148].

В интервью он приводит данные о том, что «...объемы затрат на технологические инновации компаний выросли с 2012 по 2017 г. примерно вдвое — с 700 млрд руб. до 1,4 трлн руб.», но далее признает, что «...пока не удалось добиться перелома в инновационном развитии, не удалось создать массовую систему поддержки технологических инноваций и, самое главное, превращения технологических инноваций в экономический ресурс. Первая причина — отсутствие системы. Вторая причина — не до конца обустроена нормативная база всего инновационного цикла. Речь идет о защите прав

интеллектуальной собственности, о результатах интеллектуальной деятельности, об обороте прав на них» (<https://www.kommersant.ru/doc/3814084>). Что это как не признание первенства организационно-управленческих мер над финансовыми стимулами?! И далее, рассуждая о роли государства в инновационном развитии, Белоусов выделяет три по степени убывания значимости фактора: «Первое — это, безусловно, системное видение развития. Точнее, интеграция этого системного видения в госуправление. В СССР эта функция была достаточно развита, сегодня в России она практически отсут-

ствуется. ... Вторая функция госинститутов в этой сфере — регуляторика. Здесь ситуация еще более сложная... И третья функция — финансовая поддержка» (<https://www.kommersant.ru/doc/3814084>). Первенство организационно-управленческих мер над финансовыми очевидно.

О том, насколько важно для развития любой сферы деятельности заниматься сначала обустройством организационно-правового каркаса, а лишь затем переходить к финансово-кредитным стимулам, свидетельствует мировой опыт развития так называемых «зеленых финансов», описанный в статье В.В. Архиповой [6]. Автор отмечает что «Китай — абсолютный лидер в данной сфере, поскольку реализует комплексный подход к «зеленому» развитию. В отличие от России, Японии и США, где развитие сферы «зеленых» технологий «поручено» только рынку облигаций, Китай — единственная из рассматриваемых стран реализует все меры государственного регулирования для становления данного нового направления, начиная с выработки стратегической политики (табл. 3).

Проанализированные автором статьи механизмы подчинения финансовой компоненты более высоким по смыслу стратегическим задачам позволило прийти к следующему выводу: «...развитие „зеленых“ финансов гармонично вписывается в общее „древо“ целей, задач и планов Китая с начатыми в 1978 г. „реформами и открытостью“ и занимает свою „нишу“ в стратегии развития страны, создавая положительный эффект „оздоровления“ национальных природной и финансово-экономической систем» [6, с. 150].

ВЫВОДЫ

Международные санкции несколько усложнили проблемы и риски технологического развития обрабатывающей промышленности, но основная причина ее нынешней стагнации лежит во внутренних проблемах экономической политики — вообще и политики государственной поддержки промышленности — в частности. Государственная система

воздействия на объект управления — промышленность — в условиях международных санкций и повышения технологических рисков испытывает острый дефицит организационно-управленческих мер, в силу чего в стране сложилась такая система институтов, которая создала привилегированные условия развития кредитно-финансового сектора и обусловила ущербное и зависимое положение реального сектора, особенно обрабатывающей промышленности. Государство в лице органов, непосредственно отвечающих за развитие промышленности, понимает необходимость хотя бы частичного исправления сложившегося перекоса и мобилизует часть ресурсов на поддержку угнетенной промышленности. Это — эрзац-стратегия, выполняемая вместо методологически правильной стратегии создания приоритета организационно-управленческих мер, которые способны создать более здоровую институциональную среду, где нет острой необходимости выделять финансовые «заплатки» израненному объекту воздействия.

Существующая система государственной поддержки промышленности в России выстроена по принципу перевернутой пирамиды. Она покоится на финансово-кредитных мерах (которые менее адекватны для выполнения регулятивной функции в отношении сложных систем), вместо того, чтобы базироваться на прочном каркасе организационно-управленческих мер, задающих концептуальную и стратегическую основу государственного регулирования. В результате доминирования финансово-кредитных мер управляющее воздействие вольно-неволью тяготеет к упрощению объекта управления. Промышленные структуры теряют свои якобы неэффективные звенья, происходит сокращение количества технологических переделов, контролируемых отечественными промышленными компаниями. Очевидная задача — перевернуть пирамиду — лежит в плоскости борьбы политико-экономических интересов основных финансово-промышленных группировок и сочлененных с ними государственных структур управления.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Вклад С.А. Толкачева в статью соответствует выполнению гранта РФФИ, проект № 19–011–31545 «Новые модели взаимодействия власти и промышленного сообщества в условиях возрастания рисков технологического развития под воздействием международных санкций».

ACKNOWLEDGEMENTS

A. Tolkachev's contribution to the article corresponds to the implementation of the RFBR grant, project No. 19–011–31545 “New models of interaction between the government and the industrial community in the conditions of increasing risks of technological development under the influence of international sanctions”.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М.: Иностранная литература; 1959.
2. Pestova A., Mamonov M., Should we care? The economic effects of financial sanctions on the Russian economy. Bank of Finland. 18.07.2019. URL: <https://helda.helsinki.fi/bof/bitstream/handle/123456789/16219/dp1319.pdf?sequence=3> p.25.
3. Толкачёв С.А., Бржезинский В.Г. Инструменты государственной поддержки промышленности сквозь призму институционального подхода. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2018;1(31):97–106.
4. Медовников Д., Механик А. Производительные силы, подъем! *Эксперт*. 2014;27(906):44–51.
5. Пухов Р. Оборонка в долгах. *Эксперт*. 2019;42(1138):22–23.
6. Архипова В. «Озеленение» мировой финансовой системы: опыт Китая и перспективы для России. *Мир перемен*. 2019;(2):141–156.

REFERENCES

1. Ashby U.R. Introduction to cybernetics. Moscow: Foreign Literature; 1959. (In Russ.).
2. Pestova A., Mamonov M. Should we care? The economic effects of financial sanctions on the Russian economy. Bank of Finland. 18.07.2019. URL: <https://helda.helsinki.fi/bof/bitstream/handle/123456789/16219/dp1319.pdf?sequence=3> p.25 (accessed on 18.09.2019).
3. Tolkachev S. A., Brzezinskiy V. G. Instruments of State Support of the Industry through the Prism of the Institutional Approach). *Gumanitarnye nauki*. 2018;1(31):97–106. (In Russ.).
4. Medovnikov D., Mehanik A. Productive Forces, Rise. *Ekspert*. 2014;27(906):44–51. (In Russ.).
5. Pukhov R.. Military sector in debts. *Ekspert*. 2019;42(1138):22–23. URL: <https://expert.ru/expert/2019/42/oboronka-v-dolgah/> (accessed on 19.10.2019). (In Russ.).
6. Arhipova V. Greening the global financial system: Chinese experience and prospects for Russia. *Mir peremen*. 2019;2:141–156. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Александрович Толкачёв — доктор экономических наук, профессор, первый заместитель руководителя Департамента экономической теории, Финансовый университет, Москва, Россия
satolkachev@fa.ru

Олег Олегович Комолов — кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономии, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия; доцент Департамента экономической теории, Финансовый университет, Москва, Россия; старший научный сотрудник Центра исследований международной макроэкономики и внешнеэкономических связей ИЭ РАН, Москва, Россия
oleg_komolov@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Sergei A. Tolkachev — Doctor of Economics, Professor, First Deputy Director Department of Economics, Financial University, Moscow, Russia
satolkachev@fa.ru

Oleg O. Komolov — Associate Professor, Department of Economics, Financial University, Moscow, Russia, ; Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, Institute of Economics RAS, Moscow, Russia
oleg_komolov@mail.ru

Статья поступила 01.10.2019; принята к публикации 20.10.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 01.10.2019; accepted for publication on 20.10.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-82-89
УДК 316.4(045)

Формирование моделей страхового поведения столичной молодежи*

Н.В. Аликперова^а, М.А. Проскура^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия; ^б МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
^а <https://orcid.org/0000-0002-5028-078X>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-4975-4271>

АННОТАЦИЯ

Одним из важнейших аспектов становления институциональной среды страхового рынка в отечественных условиях является страховое поведение населения, при котором человек стремится сократить финансовые риски путем их передачи страховщику. Пытаясь оградить себя от финансовых проблем, возникших в результате аварий, последствий преступлений и других событий, которые могут нанести ущерб имуществу, жизни и здоровью, человек приобретает страховые продукты, гарантирующие ему денежную компенсацию при возникновении страхового случая. В настоящее время страховая индустрия развита во многих странах. Ситуация на российском рынке пока свидетельствует о низкой активности граждан в использовании страховых услуг. Одной из наиболее распространенных причин неразвитого страхового поведения соотечественников, на наш взгляд, является низкий уровень знаний и культуры в области страхования, что напрямую отражает слабость проникновения института страхования в социально-экономическую практику российских домашних хозяйств в сравнении с зарубежными тенденциями [1].

Ключевые слова: страховое поведение; страхование; финансовая культура; финансовая грамотность; молодежь; студенты; insurance

Для цитирования: Аликперова Н.В., Проскура М.А. Формирование моделей страхового поведения столичной молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):82-89. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-82-89

ORIGINAL PAPER

The Formation of Models of the Insurance Conduct of the Moscow Youth**

N.V. Alikperova^а, M.A. Proskura^б

^а Financial University, Moscow, Russia; ^б Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
^а <https://orcid.org/0000-0002-5028-078X>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-4975-4271>

ABSTRACT

One of the most important aspects of the formation of the institutional environment for the insurance market in domestic conditions is the insurance behaviour of the population, in which a person seeks to reduce financial risks by transferring them to the insurer. Trying to protect themselves from financial problems arising as a result of accidents, consequences of crimes and other events that can cause damage to property, life and health, a person acquires insurance products that guarantee him monetary compensation in the event of an insured event. Currently, the insurance industry is developed in many countries. The situation in the Russian market so far indicates a low activity of citizens in the use of insurance services. One of the most common reasons for the underdeveloped insurance behaviour of compatriots, in our opinion, is the low level of knowledge and culture in the field of insurance, which directly reflects the weakness of the penetration of the institute of insurance in the socio-economic practice of the Russian households in comparison with international trends.

Keywords: insurance behaviour; insurance; financial culture; financial literacy; youth; students

For citation: Alikperova N.V., Proskura M.A. The formation of models of the insurance conduct of the Moscow youth. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):82-89. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-82-89

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР ГЗ-ПИ2 «Институционализация финансовой грамотности населения Российской Федерации» в Финансовом университете.

** The article was prepared in the framework of the research grant GZ-PI2 "Institutionalisation of financial literacy of the population of the Russian Federation" at the Financial University.

Редко можно встретить человека, который не испытывал бы необходимость обезопасить себя и свою жизнь. Абрахам Маслоу еще в середине XX в. обратил внимание на важность удовлетворения потребности в безопасности, так как любая внешняя или внутренняя угроза может нанести серьезный ущерб жизнедеятельности индивида. Для понимания масштабов ущербов следует обратиться к статистическим данным: например, мировые финансовые потери от катастроф в 2017 г. составили более 300 млрд долл. США. Ежегодно в России происходит около 130 тыс. пожаров [2]; фиксируется около 130 тыс. тяжелых ДТП; число погибших в автомобильных авариях достигает 195 тыс. человек (<http://stat.gibdd.ru>).

Страхование как особый вид экономической деятельности появилось, чтобы нивелировать различные риски и сформировать финансовую подушку безопасности. Это послужило толчком для развития и изучения страхового поведения людей как вида экономической активности, при которой человек стремится сократить финансовые риски путем их передачи страховщику. Пытаясь оградиться от финансовых проблем, возникших в результате опасностей: аварий, преступлений и других событий, человек приобретает страховые продукты, гарантирующие ему денежную компенсацию при возникновении в будущем страхового случая [3].

За рубежом страховая индустрия развита на высоком уровне, однако в России население все еще пассивно в страховой практике. Небольшая доля граждан осознает необходимость и имеет возможность инвестировать в страховые продукты. Эксперты в области страхования придерживаются мнения, что у россиян не сформирована страховая культура. Чаще всего жители обращаются в страховую компанию только потому, что обязаны это делать. Это проявляется, когда за отсутствие ОСАГО нарушители должны выплатить штраф, без полиса страхования выезжающего за рубеж невозможно оформить визу. Люди привыкли, что им навязывают покупку полиса страхования, поэтому не воспринимают страхование как финансовую защиту (<https://www.if24.ru/5-glavnyh-problem-strahovaniya-v-rossii/>).

По результатам опроса Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), большинство россиян (63%) относятся к стра-

хованию как услуге в целом положительно, эта доля остается стабильной последние четыре года. Чаще других о положительном отношении к страхованию говорят люди молодого возраста, а также те, кто охарактеризовал свой уровень дохода как высокий.

Чуть более четверти россиян (29%) относятся к страхованию отрицательно. Такая же доля (29%) не доверяет ни одной страховой компании на рынке (<https://nafi.ru/analytics/kazhdyy-desyatyy-rossiyanin-oformlyal-strakhovoy-polis-cherez-internet/>).

Молодые люди, которые сегодня являются студентами, уже завтра будут участниками рынка труда с возможностью купить полис добровольного медицинского страхования, страхования от несчастного случая, страхования имущества и т.д. В связи с этим большой интерес и высокую научно-практическую значимость приобретают теоретические и эмпирические исследования по выявлению доминирующих факторов, влияющих на формирование страховых стратегий молодежи как стратегического ресурса нашей страны, а также исследования об условиях формирования рынка страхования в целом. Более того, с точки зрения маркетинговой составляющей такого рода исследования позволят страховым компаниям понимать характеристики потребителя, а также то, каким способом выстраивать эффективную коммуникацию с ним.

Таким образом, целью данного исследования является определение особенностей формирования моделей страхового поведения молодежи, в частности, студентов г. Москвы.

Финансовое поведение, в частности детерминанты страхового поведения, изучается многими общественными науками, среди них: экономическая теория, экономическая социология, поведенческая экономика.

В разные времена страховое поведение исследовали в своих работах такие ученые, как А. Смит, Д. Рикардо, А. Маршалл, Дж. М. Кейнс (экономический подход), В. Г. Рошер, Д. Д. Морев (потребительский подход), Ю. Б. Фогельсон, М. С. Меженская (правовой подход) и П. Бергер, Р. А. Бауэр, С. Г. Кирдина, Г. Г. Силласте, в рамках социологического подхода. Категорию безопасности среди отечественных ученых изучали В. Н. Кузнецов, Г. Г. Силласте (Социология страхования и безопасность личности), Я. А. Маргулян, О. С. Елфимова.

По мнению профессора департамента социологии, истории и философии Финансового университета Г.Г. Силласте, рынок страхования и поведение потребителей на данном рынке подчиняются не только экономическим законам, объективным факторам, но и социальным закономерностям и субъективным взглядам потребителей. Поэтому для изучения страхового поведения необходим социологический подход. Сам социологический подход, по мнению профессора, связан с анализом объекта в системе многосторонних социальных связей и отношений, обуславливающих его (объекта) развитие в социуме [4].

В основе страхового поведения населения лежат стимулы или побудительные мотивы, которые подразделяются на внешние и внутренние. К внешним факторам относится экономическая среда с ее различными параметрами. Внутренние факторы — это в первую очередь первичные желания людей и стремления к предсказуемости и гарантированности своего будущего (семьи, благосостояния, личного здоровья и т.д.) [5].

Стоит отметить, что, по мнению авторов, под влиянием системы факторов и детерминант формируется определенная модель или модели страхового поведения населения. В целом модель финансового поведения представляет собой сложившийся и устоявшийся ряд ценностей, потребностей, ожиданий и представлений, а также конкретные экономические действия, которые совершает человек на финансовом рынке.

Оптимальным способом изучения факторов формирования страхового поведения студенческой молодежи г. Москвы является описание моделей поведения на основе теории социального действия М. Вебера [6]. Концепция включает в себя четыре вида действия: целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное, традиционное (см. *таблицу*).

Согласно результатам проведенного авторами в 2019 г. социологического исследования (массовый опрос: $n = 318$ человек, студенты московских вузов, анкетирование, а также глубинные структурированные интервью с экспертами в области страхования и финансового поведения) можно заключить, что половина студентов придерживается ценностно-рациональной модели, которая подразумевает опору в своих суждениях и решениях на систему ценностей и психологическую уверенность в защите. Чуть меньше респондентов (43%) можно

назвать приверженцами целерациональной модели, которая характеризуется ожиданиями относительно поведения объектов внешней среды и других лиц, а при помощи этих ожиданий — рациональной оценкой и учетом как «условий», так и средств для достижения рациональных целей, в данном случае — экономических. Можно сказать, что традиционалистов в совокупности меньше всего (7%), они ориентируются на установившиеся традиции и практику, в том числе семейную.

Еще одним подходом к сегментированию считается формирование групп респондентов в системе координат, которые методолог создает исходя из специфики исследования. Из проанализированных подходов наиболее подходящие критерии к цели данного исследования: уровень рискованности и отношение к инновациям или включенность в цифровую реальность. Систему координат такой потребительской сегментации можно визуально отобразить следующим образом (см. *рисунок*).

Описание данной модели отражено сквозь призму психотипов, однако для данного исследования можно взять за основу 4 получившихся сегмента:

- 1) открыты к новым технологиям, высокая склонность к риску (1, 1);
- 2) открыты новым технологиям, низкая склонность к риску (1, -1);
- 3) пассивное отношение к новым технологиям, высокая склонность к риску (-1, 1);
- 4) пассивное отношение к новым технологиям, низкая склонность к риску (-1, -1).

Сегментация строится на распределении респондентов по полям: «склонность к риску» и «включенность в цифровую реальность». Сегменты сформированы следующим образом:

- Поле «склонность к риску» включает ранжирование финансовых инструментов, которыми бы студенты воспользовались при форс-мажорных обстоятельствах.
- Поле «включенность в цифровую реальность» включает знание и готовность пользоваться услугами умного страхования, а также индекс использования цифровых устройств.

Согласно результатам самым многочисленным сегментом стал «склонность к риску» (выше среднего) — «включенность в цифровую реальность» (средний) — 26% респондентов. За ним сегмент «склонность к риску» (ниже среднего) — «включенность в цифровую реальность» (сред-

Таблица / Table

**Описание теории социального действия М. Вебера (адаптировано к страховому поведению) /
Description of the theory of social action by M. Weber (adapted to insurance behaviour)**

Модели страхового поведения	Основные принципы	Смысл страхования
Традиционная модель	Основана на длительной привычке. В таких действиях почти нет целеполагания, нет размышлений о выборе средств их осуществления	Пустая трата денег; семейная традиция
Целерациональная модель	В основе лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве «условий» или «средств» для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели	Экономически обоснованный способ борьбы с опасностями; способ получения психологической уверенности и личной безопасности
Ценностно-рациональная модель	Основана на вере в определенные безусловные ценности, заповеди, представления о добре и долге. Их абсолютизация приводит к тому, что в подобных действиях неизбежно появляется определенный компонент иррациональности	Способ получения психологической уверенности и личной безопасности; возможность сделать свою жизнь и жизнь близких более стабильной и защищенной

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ний) — 24%. И третьим наиболее многочисленным сегментом оказался — «склонность к риску» (ниже среднего) — «включенность в цифровую реальность» (ниже среднего) — 11%.

Страховое поведение также характеризуется различными показателями, например тем, чего больше всего боится или опасается человек. Согласно исследованию наибольшие страхи у опрошенных студентов вызывают теракты (46%), пожар в доме/квартире (41%), болезни (38%), ДТП (37%). Меньше всего студенты боятся квартирных краж (6%), потерь имущества из-за стихийных бедствий (6%), травм (5%), залива квартиры (4%).

Очевидным оказалось знание студентами страховых продуктов как одного из компонентов финансовой культуры: 98% студентов знают об ОМС, 48% — о ДМС. Студенты также хорошо знакомы и с моторным страхованием: 88% знают о страховании КАСКО, 86% — об ОСАГО. Страхование имущества на слуху у студентов — 78%, страхование выезжающих за рубеж — 61%. Самыми незнакомыми для студентов стали:

страхование от укуса клеща (6%), страхование ответственности третьих лиц (12%) и ветеринарное страхование животных (14%) — совсем новый продукт для российского страхового рынка, который, к сожалению, пока не пользуется популярностью.

Показатели активности (использования продуктов страхования) среди студентов и их семей немного ниже, чем показатели знания: 91% студентов пользуются продуктом ОМС, так как это считается обязательным в России. 63% студентов утверждают, что в их семье застрахован автомобиль по ОСАГО. 47% отмечают, что автомобиль застрахован по программе КАСКО (стоит отметить, что не многие студенты в возрасте 18–24 года имеют права и автомобиль и тем более оформляют полис КАСКО: по данным эксперта компании ВСК, доля водителей данной категории в портфеле КАСКО у ВСК составляет 1,5%).

Эксперты утверждают, что для формирования потребности в покупке полиса страховщикам необходимо публиковать качественную инфор-

Рис./ Fig. Модель потребительской сегментации / Consumer segmentation model

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

мацию и знакомить потребителей со страховыми продуктами. Оказалось, что студенты больше доверяют неформальным источникам: информация от родственников (43%), рекомендации друзей и знакомых (33%). Также доверяют знаниям, полученным в университете (40%).

Владение информацией о страховых компаниях и их продуктах — один из основных показателей осведомленности о страховом рынке. Студенты отметили, что наиболее узнаваемой компанией в области страхования является одна из старейших организаций России — Росгосстрах (91%). Также студенты указали на такие компании, как Ингосстрах (80%), АльфаСтрахование (74%). Наименее узнаваемыми среди указанных стали ВСК (6%) и МАКС (17%), которые в основном ведут свою деятельность в регионах страны.

В общем и целом, у 34% опрошенных есть опыт (личный или семейный) приобретения полиса добровольного страхования (категория «активные»). При этом 16% респондентов утверждают, что планируют оформить полис добровольного страхования в ближайшем будущем — в течение года (категория «планирующие»). 50% студентов не страховались и не планируют (категория «пассивные»).

Нежелание приобретать полис добровольного страхования связано с тем, что студенты не видят смысла в покупке, так как полис не гарантирует безопасность (51%, из 148 чел.), не знают всех особенностей страхования (37%, из 148 чел.). Те студенты, которые планируют купить полис страхования, говорят, что можно сэкономить существенную сумму денег при наступлении страхового случая (52%, из 170 чел.),

39% респондентов — об отличной возможности защиты финансового положения. 28% отметили, что страховой полис обеспечивает максимальную безопасность.

Согласно мнению одного из экспертов компании Ингосстрах, «Молодежь — это наше будущее. Но каких лет? Когда у них возникнет желание выделять из личного, а не маминого и папиного кармана деньги на страхование? Сейчас все-таки, как бы мы не старались, страховые продукты остаются плохо доступны населению. По-хорошему, человек является потребителем добровольного страхования, когда расход не более 10–15% от его бюджета...». Несмотря на то что 50% опрошенных можно отнести к активному или планирующему сегментам, студентам трудно самостоятельно купить полис добровольного страхования. Треть опрошенных (32%) объясняют это отсутствием материальных средств для покупки.

Эксперты также замечают, что экономическая ситуация в России не способствует развитию страхового рынка в стране ввиду распространения санкций, кризиса и сокращения реальных доходов населения.

Помимо этого, существенной преградой развития страхового рынка в стране является низкий уровень финансовой культуры населения («Большинство людей не понимают, зачем нужно использовать страховые инструменты, не знают, каков механизм страхования», «Хотя государство делает для этого очень хорошие вещи, сейчас, например, действуют курсы „Азбука Финансов“, но это только начало. Если сравнивать с другими рынками более развитых стран — США, Европы — то, конечно, нам еще бежать и бежать...» — эксперт страхового стартапа).

Также препятствует развитию страхового рынка правовая база по страхованию и регулированию страхового сектора. («У нас, у страховщиков, очень сложные отношения с регулятором, который устанавливает очень жесткие рамки и требования к страховщику и непосредственно к его деятельности», «Все нормы и требования к страховым компаниям отражаются напрямую на наших потребителях» — эксперт страхового стартапа).

Эксперты отмечают, что качество предоставления страховых услуг в России далеко от уровня стран запада. Одним из недостатков российского обслуживания является ручное управление урегулированием страхового случая, что занимает

долгое время («Люди находятся в ожидании, они не хотят бороться с механизмом бюрократической машины, которая выплатит или не выплатит страховую сумму. Частично поэтому люди и не покупают страховой полис» — эксперт страхового стартапа).

Российские страховщики на данный момент пытаются догнать западные компании и развивают систему управления клиентским опытом, которая заключается, в том числе, в регулярных замерах удовлетворенности и лояльности клиентов (NPS, CLI, CSI). Эксперты отмечают, в Европе уже давно появились системы финансовых супермаркетов: страховщики аккумулировали оказание не только страховых, но и других финансовых услуг, — все оформляют, «не отходя от кассы».

Эксперты подчеркивают, что уровень финансовой культуры молодежи находится на достаточно низком уровне. 77% отмечают, что необходимы упрощение взаимоотношений со страховщиком, оптимизация документов, использование простого языка общения. Более того, простому человеку, а тем более студенту, трудно определить границы страхового случая. («Возьмите страховой договор и попробуйте разобрать его без специалиста. Скорее всего, ничего не получится» — эксперт ВСК). Более половины экспертов (65%) убеждены, что у студенческой молодежи еще нет того, что нужно сохранять.

Повышение финансовой культуры и грамотности молодежи многие эксперты связывают с появлением новых цифровых технологий («Новые технологии в страховании определенно будут способствовать привлечению молодежи в страховую отрасль» — эксперт страхового стартапа). Это значительно упрощает общение клиента и компании, оптимизирует бюрократические процессы, сокращает временные ресурсы.

Таким образом, формируется широкое поле для преобразований в страховой отрасли. В частности, это могли бы быть реформы, направленные на повышение финансовой культуры студентов и молодежи в целом, а также привлечение их внимания к страховым продуктам [7]. Для этого необходимо:

- Прививать молодому поколению финансовую культуру, а в частности — культуру страхования, путем преподавания особенностей финансов, начиная со школьной скамьи. Для

полной эффективности необходимо рассказывать молодежи о преимуществах страхового полиса в развлекательной форме (проводить тематические классные часы, деловые игры, экскурсии в «финансовых» музеях, например в Монетном дворе, Музее страхования СПАО «Ингосстрах» и т.д.).

- Готовить сегмент молодых страхователей к тому, что они встретятся с некоторыми трудностями в страховой отрасли, например с коэффициентом «возраст-стаж» по ОСАГО, предрассудками по высокой убыточности молодых водителей в КАСКО, но уметь грамотно объяснить смысл существующих ограничений, чтобы не испортить впечатления о системе страхования.

- Информировать школьников и студентов о национальном проекте по повышению финансовой грамотности граждан и привлекать внимание институтов образования к участию в проектах по повышению финансовой культуры молодежи, включающих проведение олимпиад по финансовой грамотности, тематических квестов, викторин и других интеллектуальных игр.

Для страховых компаний важно:

- Использование зарубежного опыта компаний по построению системы взаимоотношений с клиентами. При том, что сама процедура страхования в России не сильно отличается от европейской и американской, все-таки есть существенные различия в системе и особенностях подхода к клиенту.

- Внедрение финансовых супермаркетов, которые популярны в европейских финансовых центрах. Финансовые супермаркеты представляют собой предложение пакетов услуг, наполненных различными банковскими, страховыми, инвестиционными продуктами. Также в помощь каждому клиенту предоставляется финансовый консультант, который изучит социально-демографические показатели клиента, его качество жизни и финансовые цели на ближайшие годы и порекомендует в соответствии с потребностями клиента подходящие именно для него финансовые продукты, в том числе — страховые.

- Проведение диджитализации всех этапов взаимодействия страховой компании с клиентом (андеррайтинг, процессы расчета страховых рисков, подбор страховой программы, описание финансовых показателей: страховой суммы и страховой премии, продажа полисов, урегулирование убытков по страховым случаям, продление страхового полиса по истечении срока его действия). А также автоматизации общения с клиентом (расширение онлайн-продаж, переход в цифру). Например, в Гонконге несколько лет назад появилась страховая компания, которая полностью работает на онлайн-платформе.

- Делать ставку на молодежь ввиду того, что она открыта новым цифровым технологиям и умеет грамотно их использовать. По мнению экспертов, включенность компаний в процесс цифровизации как раз поможет привлечь внимание молодежи к страхованию. Более того, интернет вещей и телематические устройства значительно уменьшают стоимость страхового полиса для их владельцев, что актуально для студентов ввиду ограниченности их финансовых средств.

- Развитие сферы российского страхования в целом: создание новых страховых продуктов, открытие новых каналов продаж, а также увеличение частоты контактов с клиентами (чтобы клиент общался с компанией не один раз в год во время покупки полиса) путем создания дополнительных сервисов, например включение услуг сантехника при покупке полиса страхования квартиры.

ВЫВОДЫ

В условиях цифровизации потребительское поведение зависит и от включенности человека в цифровую реальность. Таким образом, становится актуальным развитие в страховании цифровых сервисов для более комфортного и проактивного взаимодействия с потребителями. А появление новых технологий будет способствовать вовлечению молодежи в финансовую сферу и привлекать потенциальных клиентов, если не к покупке страхового полиса, то к повышению лояльности к страхованию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аликперова Н.В. Финансовые стратегии россиян: риски и барьеры. *Народонаселение*. 2019;(2):120–132.
2. Хватова Я. Когда огонь близко. Как потушить своими руками. Аргументы и факты. 2018.07.02.
3. Сариева И.Р. Современные исследования факторов страхового поведения. *Психология*. 2013;(4):108–120.

4. Силласте Г.Г. Социология страхования. Экономическая социология. М.: Инфра-М; 2014.
5. Медведева Е.И., Ярашева А.В., Тореев В.Б., Крошилин С.В. Финансовые стратегии жителей российских городов. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2016;(3):4–14.
6. Мельник Н.Н. Теории социального действия: от многообразия подходов к интеграции. Социологический альманах. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teorii-sotsialnogo-deystviya-ot-mnogoobraziya-podhodov-k-integratsii>.
7. Аликперова Н.В., Ярашева А.В. Финансовое поведение населения России. Германия: LAP LAMBERT Academic Publishing; 2016.

REFERENCES

1. Alikperova N.V. Financial strategies of Russians: Risks and barriers. *Narodonaselenie*. 2019;(2):120–132. (In Russ.).
2. Khvatova Ya. When the fire is close. *Argumenty i fakty*. 02.07.2018.
3. Sarieva I.R. Modern researches of factors of insurance behaviour. *Psikhologiya*. 2013;(4):108–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-issledovaniya-faktorov-strahovogo-povedeniya> (accessed on 13.09.2019). (In Russ.).
4. Sillaste G.G. Sociology of insurance. Economic sociology. Moscow: Infra-M; 2014:152–172. (In Russ.).
5. Medvedeva E.I., Yarasheva A.V., Toreev V.B., Kroshilin S.V. Financial strategies of residents of Russian cities. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 2016;(3):4–14. (In Russ.).
6. Melnik N.N. Theories of social action: From the diversity of approaches to integration. Sociological almanack. 2013;4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teorii-sotsialnogo-deystviya-ot-mnogoobraziya-podhodov-k-integratsii> (accessed on 19.12.2018). (In Russ.).
7. Alikperova N.V., Yarasheva A.V. Financial behaviour of the Russian population. LAP LAMBERT Academic Publishing, Germany; 2016:61–70. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аликперова Наталья Валерьевна — кандидат экономических наук, старший преподаватель Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования поведенческой экономики, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия
natalie_danilina@mail.ru

Проскура Мария Андреевна — магистрант 1-го курса факультета Государственного управления, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
proskuramari@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alikperova N. Valeryevna — Candidat of Economics Sciences, Senior lecturer, Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia;
A Leading researcher at the Behavioural Economics Research Laboratory, Institute of Socioeconomic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
natalie_danilina@mail.ru

Proskura M. Andreevna — 1st-year master's student, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
proskuramari@mail.ru

*Статья поступила 10.09.2019; принята к публикации 30.09.2019.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article received on 10.09.2019; accepted for publication on 30.09.2019.
The authors read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-90-94
УДК 001.92(045)

Развитие института лидерства в научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях современной России*

Н.А. Назарова^а, С.А. Антонович^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-3909-2147>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-7892-9774>

АННОТАЦИЯ

Научный коллектив представляет собой группу сотрудников, связанных системой совместных исследовательских действий и отношений. Однако в коллективе важно иметь выдающегося ученого, который был бы способен воспитать достойную смену и ввести ее в сложный и самобытный мир научно-технических и фундаментальных исследований. В данном процессе решающая роль отводится научному лидеру. В статье обосновано возрастание актуальности проблемы лидерства в научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях в настоящее время. Авторы рассматривают особенности формирования и проявления лидерства, а также противоречия в ходе развития института лидерства, которые порождают перечисленные особенности. Значительное внимание уделено анализу препятствий в процессе формирования лидерства и направлениям их преодоления в научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях.

Ключевые слова: лидер; лидерство; наука; научная организация; управление; образовательная организация

Для цитирования: Назарова Н.А., Антонович С.А. Развитие института лидерства в научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2019;9(6):90-94. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-90-94

ORIGINAL PAPER

The Development of the Leadership Institution in the Scientific, Technical, and Fundamental Research Sectors in Modern Russia**

N.A. Nazarova^а, S.A. Antonovich^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-3909-2147>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-7892-9774>

ABSTRACT

The scientific team is the sum of its members, a system of joint research activities, relationships and relationships. However, it is essential to have an outstanding scientist in the team who would be able to bring up a worthy shift and introduce it into the complex and distinctive world of scientific, technical and fundamental research. In this process, the decisive role is assigned to the scientific leader. The article substantiates the increasing relevance of the leadership problem in the scientific and technical sectors and basic research at present. The authors consider the features of the formation and manifestation of leadership, as well as the contradictions in the development of the leadership institution, which give rise to these features. We paid considerable attention to the analysis of obstacles in the process of leadership formation and the directions helping to overcome them in the scientific and technical sectors and basic research.

Keywords: leader; leadership; the science; scientific organisation; management, educational organisation

For citation: Nazarova N.A., Antonovich S.A. The Development of the leadership institution in the scientific, technical, and fundamental research sectors in modern Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2019;9(6):90-94. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-90-94

* В статье представлены результаты, полученные в рамках научно-исследовательской работы, выполненной за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету 2019 г. по теме: «Развитие лидерства в ведущих научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях в условиях цифровизации экономики и общества».

** The article presents the results obtained in the framework of the research work carried out at the expense of budgetary funds under the State task of the Financial University in 2019 on the topic: "Leadership development in the leading scientific and technical sectors and fundamental research in the conditions of digitalisation of the economy and society".

Анализируя проблему лидерства в научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях, мы сталкиваемся со следующим противоречием. С одной стороны, управление организацией и сообществом направлено на достижение успеха в выполнении задач и решении проблем. Успех делает организацию или группу ученых ведущими относительно других, следующих тем же путем. С другой стороны, вклад каждого ученого или группы исследователей ценен сам по себе, поскольку служит общему делу познания, а величина и значимость этого вклада оцениваются в исторической ретроспективе. При этом лидерство ученого, коллектива исследователей или научно-технического сообщества национального масштаба, способность быть успешным и вести за собой других кажется чем-то исключительно внешним по отношению к существу научных исследований. Однако если мы понимаем науку как человеческую, социальную деятельность, то в это понимание включается борьба за признание, конкуренция научных теорий, формирование научных школ и возникновение лидерства.

Отметим три взаимосвязанных и включающих противоречия характеристики научной деятельности, касающиеся новизны, применения и управления, существенные для спецификации общего понятия лидера относительно науки.

1. Для научно-технической и исследовательской деятельности, содержательно направленной на познание мира, принципиальна необходимость революционного переступания границ, поскольку никакой определенный метод или язык не может претендовать на полный и окончательный охват мира и его элементов в качестве познанных.

2. Лидер, рассчитывающий на признание его идей, не может не быть озабочен, с одной стороны, теоретическим обоснованием исследований и, с другой — аргументацией в пользу их прикладной значимости.

3. Научная деятельность включена в общественные отношения и оказывается объектом управления государством [1, с. 212]. Потому именно в научной деятельности противоречие между внутренним (исследовательским) и внешним (административным) управлением оказывается наиболее острым, и лидер, осуществляющий руководство сообществом, принимает это противоречие на себя.

Конечно, указанные характеристики не являются единственными. Однако они могут быть свя-

заны с позицией лидера. Ситуации, когда граница между внутренним и внешним остается только разделяющей, приводят к кризисам и конфликтам: между стабильностью исследовательских установок коллективов и необходимостью их развития; между настаиванием на достаточной ценности задачи познания мира и требованием результативности, общественной значимости исследований; между научным сообществом, провозглашающим собственную автономию, и властными претензиями научного менеджмента [2].

Институт лидерства в научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях в России имеет свои особенности и определяется следующим набором факторов: национальным менталитетом, источниками финансирования научно-технического сектора и фундаментальных исследований, компетенциями высших руководителей. Среди факторов, влияющих на формирование и развитие института лидерства в научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях, особенно следует выделить профессионально важные качества и компетенции руководителей [3] (см. таблицу).

Также, с учетом вышеперечисленных компетенций, мы хотим отметить, что лидерство в научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать при формировании стратегии развития института лидерства.

Во-первых, особенность деятельности коллектива и лидера, которая предполагает постоянное интеллектуальное напряжение и постоянный творческий поиск. В итоге каждый результат одновременно должен завершать прежнее исследование и становиться началом нового [4, с. 97, 98].

Во-вторых, лидерство в науке определяют, прежде всего, качества исследователя, а не руководителя [4, с. 97, 98]. В.И. Русецкая утверждает, что сотрудники научных коллективов обращают внимание, прежде всего, на научную компетентность и авторитет своего лидера, а именно — на творческий потенциал лидера, его профессиональный статус и уровень научной квалификации. Лидер, по ее мнению, также должен обладать пониманием таких психологических особенностей творческих личностей, как: настойчивость, самостоятельность, целенаправленность, непризнание авторитетов, сомнение в очевидных истинах и инициативность [5, с. 182–187].

В-третьих, в России лидеры научно-технических и исследовательских коллективов, находясь

**Компетенции лидера в научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях /
Competence of the leader in scientific and technical sectors and fundamental research**

Компетенции	Что необходимо для лидера
Научно-технические	1. Обладать большим объемом фундаментальных знаний в своей и смежных областях. 2. Знать современные тенденции науки и техники. 3. Хорошо понимать сферу приложения своих фундаментальных разработок, имея собственные идеи и успешный личный опыт их реализации в виде, например, научных статей, патентов, программных пакетов и др. 4. Обладать широкой эрудицией, глубокими знаниями своего предмета, тягой к постоянному расширению границ собственного знания. 5. Детально понимать проблематику изучаемого вопроса, как в пределах своей научной области, так и в общей научной картине мира. 6. Строго соблюдать требования научной этики, как в вопросах научных исследований, так и в вопросах кадровой политики и работы с молодежью
Коммуникативные	1. Владеть иностранными языками, в особенности английским. 2. Участвовать в коллаборациях и/или уметь их создавать. 3. Уметь представлять и защищать результаты научных исследований перед научной общественностью и обществом в целом. 4. Уметь обосновать актуальность выбранного направления исследования и отстоять свою точку зрения как в научном, так и в бизнес-сообществе. 5. Иметь высокий уровень эмоциональной компетентности в первую очередь для реализации функции научного наставничества. 6. Иметь тесные научные связи и контакты с ведущими российскими и мировыми учеными, которые занимаются аналогичными исследованиями
Создание команды	1. Уметь руководить научной группой и готовить научные кадры. 2. Иметь способность извлекать максимально положительный эффект из различий участников команды. 3. Иметь способность работать с людьми: подбирать и удерживать команду, мотивировать людей, объединять вокруг общей цели, поддерживать полезные начинания. 4. Поддерживать благоприятную среду для взаимодействия членов группы между собой. 5. Постоянно повышать квалификацию членов группы. 6. Уметь создавать и управлять сетевой формой организации научных исследований
Организация процессов в коллективе	1. Уметь контролировать выполнение научно-исследовательской работы и принимать ключевые решения, влияющие на достижение поставленных целей. 2. Планировать научно-исследовательскую деятельность, систематизировать материал и выявлять возможные направления развития работ. 3. Разбивать сложную проблему на составляющие и ставить выполнимые задачи перед своими коллегами. 4. Уметь организовать работу сотрудников с распределением их обязанностей и полномочий при решении научной задачи. Координировать действия и сотрудничество внутри коллектива. 5. Интегрировать научный коллектив организации в работу внешних научных и отраслевых коллективов. 6. Уметь организовывать процесс работы научных и технических сотрудников, в том числе и в инфраструктурных объектах международного характера в зарубежной и отечественной коллаборации
Обеспечение группы необходимыми ресурсами	1. Уметь создавать проекты научно-технического характера, способствующие организации финансовой стабильности группы. 2. Обеспечивать доступ научных сотрудников к необходимым информационным источникам, литературе и людям, что нужно для выполнения исследований. 3. Уметь привлекать финансирование для проведения исследований

Окончание табл. / End of Table

Компетенции	Что необходимо для лидера
Ведение научно-технической деятельности	1. Уметь писать статьи и публиковаться. 2. Уметь подавать заявки на гранты. 3. Уметь обосновывать актуальность, что позволит лидеру группы получать необходимое финансирование для исследований. 4. Иметь базовое понимание государственного и международного законодательства в области науки и образования. 5. Уметь коммерциализировать и внедрять научные результаты членов команды. 6. Вести активную околонаучную деятельность (организация международных научных мероприятий высокого уровня, научно-просветительская деятельность)
Творческие	1. Обладать неисчерпаемой потребностью в новых знаниях. 2. Иметь творческий подход к задачам, видеть новое, находить простые элегантные решения. 3. Обладать такими качествами, как пассионарность, амбициозность и наличие воображения

на руководящей должности, вынуждены заниматься вопросами организации, планирования, экономики, что может снизить творческий потенциал ученого [4, с. 97, 98].

Исходя из выделенных нами проблемных точек лидерства в России, мы можем отметить следующие векторы развития института лидерства в научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях:

1. Проведение политики по созданию условий развития лидерства в научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях.

2. Ведение подготовки и переподготовки управленческих кадров и лидеров для развития научно-технологических секторов и фундаментальных исследований.

3. Осуществление модернизации инфраструктуры научно-технического сектора.

4. Поднятие престижа системы и роли лидера в ней.

5. Создание креативной команды.

6. Использование эффективных управленческих технологий.

7. Устранение «стеклянного потолка» в научно-технических секторах и фундаментальных науках для развития молодежного потенциала.

8. Формирование будущего человеческого капитала и управленческого кадрового резерва в научно-технических секторах и фундаментальных науках.

Обобщая рассмотренное выше, можно сделать вывод о том, что характер, содержание и специфику формирования и развития института лидерства в научно-технических секторах

и фундаментальных исследованиях определяют следующие особенности.

Во-первых, это неизбежные противоречия интересов, возникающие между государственными и муниципальными органами, выполняющими функции управления научно-техническим сектором, фундаментальными исследованиями и научно-техническими сотрудниками и учеными.

Во-вторых, это группа особенностей деятельностного характера, которые порождены противоречиями между сформулированными направлениями развития научно-технических секторов и фундаментальных исследований и ресурсными возможностями общества обеспечить реализацию этих устремлений.

В-третьих, это совокупность особенностей, обусловленная возникающими противоречиями в научно-технических организациях и в процессе осуществления фундаментальных исследований между неформальными лидерами, их сторонниками и формальными руководителями-лидерами.

В-четвертых, это группа особенностей, порожденная противоречиями, которые возникают между организациями в научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях, когда проявляется разлад направлений в развитии науки и техники, зафиксированный в государственных нормативных правовых актах на федеральном или региональном уровнях или международных соглашениях [6].

Именно вышеперечисленные противоречия необходимо учитывать при разработке стратегии векторов развития института лидерства в научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях в России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Биргер П. А., Дмитриев И. С., Куприянов В. А., Шиповалова Л. В. Наука: испытание эффективностью. СПб.: Фонд развития конфликтологии; 2016.
2. Шиповалова Л. В. Маргинальность и лидерство в науке. Социология науки и технологий. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marginalnost-i-liderstvo-v-nauke>.
3. Плотникова О. А. Управленческая культура в условиях модернизации российского общества: социально-философский подход. Пятигорск: Изд-во «Пятигорский гуманитарно-технологический ун-т»; 2012.
4. Кудряшова Е. В., Ананченко М. Ю. Ценности лидерства и лидерство ценностей: лидерство как предмет социально-философского анализа. Монография. Архангельск: Поморский университет; 2004.
5. Русецкая В. И. Социодинамика научного коллектива. Е. М. Бабосова, ред. Минск: Наука и техника; 1992.
6. Мартенс О. К. Особенности формирования и проявления лидерства в научных и образовательных организациях современной России. *Вестник ТвГУ. Философия*. 2018;(2):54–62.

REFERENCES

1. Birger P. A., Dmitriev I. S., Kupriyanov V. A., Shipovalova L. V. Science: The test of effectiveness. St. Petersburg: Conflict Development Development Fund; 2016. 212 p. (In Russ.).
2. Shipovalova L. V. Marginality and leadership in science. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2018;(4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marginalnost-i-liderstvo-v-nauke>. (In Russ.).
3. Plotnikova O. A. Management culture in the modernisation of Russian society: a socio-philosophical approach. Pyatigorsk: Publishing House “Pyatigorsk Humanitarian and Technological University”; 2012. 80 p. (In Russ.).
4. Kudryashova E. V., Ananchenko M. Yu. Leadership values and values leadership: leadership as a subject of socio-philosophical analysis. Monograph. Arkhangelsk: Pomeranian University; 2004. 296 p. (In Russ.).
5. Rusetskaya V. I. Sociodynamics of the research team. E. M. Babosova, ed. Moscow: Science and Technology; 1992. 208 p. (In Russ.).
6. Martens O. K. Features of the formation and manifestation of leadership in scientific and educational organisations of modern Russia. *Vestnik TvGU. Filosofiya*. 2018;(2):54–62. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наталья Александровна Назарова — кандидат экономических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
naanazarova@fa.ru

Светлана Александровна Антонович — магистрант факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
sveta.antonovich.1234@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Nazarova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
naanazarova@fa.ru

Svetlana A. Antonovich — master’s student, Faculty of Sociology and Political Science, Financial University, Moscow, Russia
sveta.antonovich.1234@gmail.com

Статья поступила 19.09.2019; принята к публикации 10.10.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 19.09.2019; accepted for publication on 10.10.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-95-99
УДК 325(045)

Динамика отношений двустороннего сотрудничества России и Болгарии на современном этапе

М.Е. Родионова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-8663-313X>

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи – рассмотрение болгарско-российских отношений и подробный анализ некоторых сфер двустороннего сотрудничества с учетом экономических трансформаций в международной системе. В статье дается краткий анализ последних встреч глав государств, а также их представителей; описаны предпосылки формирования дипломатических отношений между Россией и Болгарией. Автором сделан вывод о положительном векторе развития политического диалога, представлен краткий анализ ведущих партий Болгарии, затронут вопрос культурной схожести стран. Отдельное внимание в статье уделено торгово-экономическому сотрудничеству, приведены официальные статистические данные Федеральной таможенной службы России, дан анализ сотрудничества двух стран в сфере образования и науки. Кроме того, в статье рассмотрены вопросы регионального сотрудничества в рамках Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) как единственной платформы для диалога между странами в условиях прерывания как политических, так и дипломатических отношений. Материал приурочен к празднованию 140-летия дипломатических отношений между Россией и Болгарией.

Ключевые слова: Болгария; Россия; Европейский союз; политическая конъюнктура; торгово-экономическое сотрудничество; ОЧЭС; энергетика; сфера науки и образования; туризм; 140-летие дипломатических отношений

Для цитирования: Родионова М.Е. Динамика отношений двустороннего сотрудничества России и Болгарии на современном этапе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):95-99. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-95-99

ORIGINAL PAPER

Dynamics of Bilateral Cooperation between Russia and Bulgaria at the Present Stage

M.E. Rodionova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8663-313X>

ABSTRACT

The purpose of this article is to examine Bulgarian-Russian relations. The author provided a detailed analysis of some economic areas of bilateral cooperation, taking into account transformations in the international system, European sanctions, and scientific prerequisites for further development. The material presents a brief analysis of the course of the recent mutual meetings of the heads of state, as well as their representatives. The author also considers the prerequisites for the formation of diplomatic relations between Russia and Bulgaria. The author expresses the opinion that there exists a positive vector of development of political dialogue with regards to the analysis of the leading parties in Bulgaria and cultural similarity of countries. The author paid particular attention to trade and economic cooperation, using official statistics of the Federal Customs Service of Russia are given (based on the report on foreign trade between Russia and Bulgaria in 2018: trade, exports, imports, structure, goods, dynamic). Russia ranked sixth in the number of foreign tourists visiting Bulgaria. Therefore, the sphere of tourism in bilateral relations needs more detailed review. The decline for 2018 can only be attributed to the World Cup in Russia, intense competition from other areas, as well as the fluctuation of the exchange rate of ruble. The author considered business forums such as, for example, "Bulgarian Business Day in Russia: Bulgaria – a bridge to the European Union" and cooperation in the field of education and science, with Financial University as the leading partner of the Bulgarian universities. The author discussed some issues of regional cooperation within the framework of the Organization of the Black Sea Economic Cooperation (BSEC) as the platform for dialogue between the countries. The material is dedicated to the celebration of 140 years of diplomatic relations between Russia and Bulgaria.

Keywords: Bulgaria; Russia; the European Union; political conditions; economic cooperation; BSEC; energy; science and education; tourism

For citation: Rodionova M.E. Dynamics of bilateral cooperation between Russia and Bulgaria at the present stage. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):95-99. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-95-99

У России и Болгарии — многолетняя история взаимоотношений. Президент Болгарии Р. Радаев, выступая на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ-2019), подчеркнул роль России в истории развития Болгарии: «От Болгарии Россия получила свою письменность. С наших земель в Россию пришла и христианская вера, и церковно-славянский язык. Через тысячелетие, в 1878 году, от России Болгария получила свою свободу, за которую отдали свою жизнь тысячи русских солдат. Об этом мы, болгары, никогда не забываем». В 2019 г. более чем в 30 городах Болгарии прошла акция «Бессмертный полк», что, безусловно, российская сторона поддерживает и высоко ценит.

7 июля 2019 г. исполнилось 140 лет с того дня, когда первый консул России в Софии Александр Давыдов вручил верительные грамоты болгарскому князю Александру Баттенбергу, что считается началом дипломатических отношений между странами. На чем же сейчас основывается двухстороннее сотрудничество России и Болгарии?

Несмотря на осложнившуюся ситуацию в Европе (непрекращающуюся антироссийскую пропагандистскую кампанию, попытки демонизировать Россию, обострение российско-украинских отношений), российско-болгарские отношения развиваются достаточно динамично на современном этапе. Политический диалог за последнее время получил положительный вектор развития. О заинтересованности двух стран в сотрудничестве говорит череда не так давно произошедших встреч: в мае 2018 г. состоялся официальный рабочий визит президента Болгарии Румена Радаева и премьер-министра Бойко Борисова в Россию; в октябре 2018 г. произошла встреча глав правительств двух стран на саммите Азия-Европа в Брюсселе; в марте 2019 г. председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев прибыл в Болгарию с визитом, в рамках которого был подписан протокол о консультациях между министерствами иностранных дел двух стран; и, наконец, на ПМЭФ-2019 встреча глав двух стран ознаменовала достижение ряда договоренностей в двухстороннем сотрудничестве [1]. Диалог на столь высоком уровне продолжился визитом вице-преьера и министра Екатерины Захариевой в Москву по приглашению министра иностранных дел России Сергея Лаврова.

За последние два года уже трижды проводился российско-болгарский форум.

Далее приведем краткий обзор правящей коалиции. Ведущие члены старшего партнера «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ) являются офицерами запаса армии или спецслужб. К примеру, у координатора ГЕРБ Адрианы Размировой все родственники мужского пола — офицеры запаса, которые учились в СССР; у многих — российско-болгарские семьи. Коалиция «Объединенные патриоты» включает три национал-патриотические партии: «Внутренняя македонская революционная организация» (ВМРО), Национальный фронт спасения Болгарии (НФСБ) и «Атака». Председатель ВМРО — вице-премьер и министр обороны Красимир Карачанов неоднократно демонстрировал свое положительное отношение к России и лично к В. В. Путину (нельзя не отметить значительное искажение информации СМИ, особенно, что касается цитирования). Та же ситуация касается и председателя НФСБ и вице-преьера Валерия Симеонова, чей личный бизнес достаточно тесно связан с Россией. В целом болгарский истеблишмент осознает, что без России не было бы Болгарии [2].

Что касается развития двустороннего сотрудничества, то здесь на первом месте — энергетическая и торгово-экономическая сферы. Но также важны области туризма, трудовой миграции; российские инвестиции в недвижимость Болгарии; развитие IT-индустрии, фармацевтики, цифровой экономики; культурное и научное сотрудничество двух стран. С экономической точки зрения наблюдается положительная динамика: продолжила работу болгаро-российская Межправительственная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, функционирует рабочая группа по энергетике и недвижимости.

Россия является важным внешнеэкономическим партнером Болгарии в сфере энергетики. Одним из наиболее значимых и сложных для решения является проект газопровода «Турецкий поток», открывший широкие возможности для совместного приложения усилий. Немаловажным является возможное участие госкорпорации «Росатом» в рестарте уже существующего проекта по строительству атомной электростанции «Белене». Стоит также отметить, что в 2017–2018 гг. «Росатом» содейст-

вовал продлению срока эксплуатации пятого и шестого энергоблоков единственной действующей в стране АЭС «Козлодуй» на 30 лет [1].

Обе страны — и Россия, и Болгария — стремятся к активным торгово-экономическим отношениям и более высокому уровню двухстороннего товарооборота, как отметил Атанас Крыстин, посол Болгарии в России, в интервью, отвечая на вопросы ТАСС (<https://tass.ru/interviews/6634522>). Над укреплением торгово-экономических связей работают профильные специалисты с обеих сторон, в том числе, и в рамках Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК), одна из главных тем которой — рассмотрение вопроса увеличения двухстороннего товарооборота, который после роста в 2017 г. на 24%, в 2018 г. увеличился всего на 0,6%.

В 2018 г. товарооборот России с Болгарией составил 3 469 330 287 долл. США, увеличившись на 0,61% (21 008 511 долл. США) по сравнению с 2017 г.¹ Экспорт России в Болгарию в 2018 г. составил 2 944 072 010 долл. США, увеличившись на 1,53% (44 476 536 долл. США) по сравнению с 2017 г.

Импорт России из Болгарии в 2018 г. составил 525 258 277 долл. США, уменьшившись на 4,28% (23 468 025 долл. США) по сравнению с 2017 г.

Сальдо торгового баланса России с Болгарией в 2018 г. сложилось положительное, в раз- мере 2 418 813 733 долл. США, увеличившись, по сравнению с 2017 г., на 2,89% (67 944 561 долл. США).

В структуре экспорта России в Болгарию в 2018 г. (и в 2017 г.) основная доля поставок пришлась на следующие виды товаров:

- Минеральные продукты (коды ТН ВЭД 25–27) — 83,19% от всего объема экспорта России в Болгарию (в 2017 г. — 75,42%).
- Машины, оборудование и транспортные средства (коды ТН ВЭД 84–90) — 5,59% от всего объема экспорта России в Болгарию (в 2017 г. — 15,57%).

• Металлы и изделия из них (коды ТН ВЭД 72–83) — 5,22% от всего объема экспорта России в Болгарию (в 2017 г. — 3,67%).

• Продукция химической промышленности (коды ТН ВЭД 28–40) — 2,50% от всего объема экспорта России в Болгарию (в 2017 г. — 2,30%).

Наибольший прирост экспорта России в Болгарию в 2018 г., по сравнению с 2017 г., зафиксирован по следующим товарным группам:

- Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные (код ТН ВЭД 27) — рост на 262 383 477 долл. США.
- Изделия из черных металлов (код ТН ВЭД 73) — рост на 44 181 123 долл. США.

Необходимо отметить влияние антироссийских санкций, от которых некоторые страны Европы серьезно страдают, и Болгария — не исключение. Был нанесен значительный ущерб болгарской экономике, которая взаимосвязана с российской. Хотя нельзя не отметить возможность увеличения экспорта болгарских изделий.

Одной из ключевых тем в двустороннем сотрудничестве является сфера туризма, достигшая уровня стратегического партнерства. Более полумиллиона российских граждан посетили в 2018 г. курорты Болгарии. Согласно официальной статистике Министерства туризма Болгарии в 2018 г. туристический поток составил 9,3 млн туристов, увеличившись на 4,4% по сравнению с 2017 г., что стало рекордным за последние два года для страны в целом. Рынок номер один для въездного туризма Болгарии в 2018 г. стала Румыния (более 1,3 млн человек), Греция (1,12 млн и Германия (более 850 тыс.) заняли второе и третье место, на четвертом и пятом местах — Турция и Македония. Россия занимает шестое место по количеству туристов, посещающих Болгарию.

На территории Болгарии находится большое количество детских лагерей, пользующихся высоким спросом у россиян. Более 400 тыс. российских граждан приобрели в Болгарии жилье². А в 2018 г. рекордное количество гра-

¹ Отчет о внешней торговле между Россией и Болгарией в 2018 году: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика. Подготовлен сайтом Внешняя Торговля России на основе данных Федеральной таможенной службы России. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-bolgariey-v-2018-g/>.

² Отчет о внешней торговле между Россией и Болгарией в 2018 году: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика. Подготовлен сайтом Внешняя Торговля России на основе данных Федеральной таможенной службы России. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-bolgariey-v-2018-g/>.

ждан Болгарии посетило Россию — более 60 тыс. Дальнейшее расширение туристических обменов — тема, поднимаемая и в рамках российско-болгарского бизнес-форума в сфере туризма, прошедшего 5 марта 2019 г. в Софии. Кроме того, как со стороны министерства туризма Болгарии, так и Федерального агентства по туризму РФ, ведется активная работа по объявлению 2020 и 2021 гг. годами туризма Болгарии и России соответственно.

Многочисленные соглашения между учебными заведениями среднего и высшего образования со стороны обеих стран свидетельствуют о положительной динамике развития отношений в области образования и науки. Правительственные программы в российских университетах предоставляют болгарским студентам уникальные возможности для обучения, а со следующего года для них планируется увеличение количества стипендий. Более того, с сентября 2019 г. болгарские студенты имеют право на почасовую работу, что даст им возможность обеспечить себе финансовую поддержку. Рост интереса российской молодежи к болгарскому образованию констатирует министерство образования и науки Республики Болгария. Необходимо отметить сотрудничество Финансового университета при Правительстве Российской Федерации на протяжении последнего десятилетия с такими болгарскими вузами, как Хозяйственная академия Д.А. Ценова, Софийский университет им Св. Климента Охридского, Университет национального и мирового хозяйства и др.

Значение регионального сотрудничества в современном глобализирующемся мире остается очень важным. Одну из ключевых ролей в данном направлении играет Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), представляющая собой межправительственную (межгосударственную) организацию, объединяющую 12 государств Причерноморья и Южных Балкан, созданную с целью развития сотрудничества, мира, стабильности и процветания этих стран. В 1992 г. Россия и Турция стали инициаторами создания в Причерноморье площадки для международного взаимодействия.

25 июня 1992 г. главы государств и правительств одиннадцати стран: Албании, Армении, Азербайджана, Болгарии, Грузии, Греции, Молдовы, Румынии, России, Турции и Украины

подписали в Стамбуле Декларацию саммита и Босфорское заявление о создании Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). Она возникла как уникальная и многообещающая модель многосторонней политической и экономической инициативы, направленной на содействие взаимодействию и гармонии между государствами-членами, а также на обеспечение мира, стабильности и процветания, дружественные и добрососедские отношения в Черноморском регионе. Организация имеет комплексный охват: от вопросов макроэкономического уровня до отдельных отраслевых направлений. Области сотрудничества между странами включают сельское хозяйство, банки и финансы, культуру, вопросы таможи, образования, энергетики, защиту окружающей среды, обмен статистической и экономической информацией, здравоохранение и фармацевтику, сферу информационных и коммуникационных технологий, институциональные обновления и управление, науку и технологии, туризм, торговлю и экономическое сотрудничество и др. Вокруг ОЧЭС сформирован целый спектр поддерживающих ее деятельность структур: банк, Парламентская ассамблея, Деловой совет. Отдельным направлением стоит выделить развитие связей с предпринимательским сообществом. По мнению А. С. Лаврова, «для успешной работы региональных форматов необходимо соблюдение ряда условий, таких, например, как открытость, инклюзивность, нацеленность на гармонизацию и взаимосвязь» [1]. Продвижение концепции «интеграция интеграций» было закреплено выдвинутой В. В. Путиным инициативой по формированию Большого евразийского партнерства, предполагающего сопряжение различных интеграционных процессов, разворачивающихся и в Европе, и в Азии.

Организация не раз становилась единственной платформой диалога между странами в условиях прерывания как политических, так и дипломатических отношений. С 1999 г. ОЧЭС получила статус региональной международной организации, занимающейся преимущественно экономическим сотрудничеством. Именно экономика может и должна стать основным объединяющим фактором. Необходимо отметить, что ОЧЭС был создан Черноморский банк торговли и развития, в который Россия

в 2016 г. добровольно внесла 1 млн долл. США. Налаживание взаимовыгодного практического сотрудничества в ряде наиболее важных для некоторых стран направлений деятельности (туристической, культурной, информационно-коммуникационной, транспортной, торговой и др.) может и должно способствовать общему оздоровлению и укреплению ситуации в Причерноморье. Ряд уже существующих и создание новых торговых путей, энергетических

и транспортных коридоров может стать одним из источников роста мировой экономики, опорным пунктом в логистических цепочках на евразийском пространстве.

Со стороны обеих стран важно поддерживать конструктивный диалог, основанный на взаимном учете интересов, уважении и доверии; быть открытыми для дальнейшего углубления и расширения многопланового взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лавров С. К 140-летию установления российско-болгарских дипломатических отношений. Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/22639>.
2. Коларов Г. Председательство Болгарии в Совете ЕС: как улучшить атмосферу диалога ЕС и России. 2018;(февр.). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/predsedatelstvo-bolgarii-v-sovete-es-kak-uluchshit-atmosferu-dialoga-es-i-rossii/>.

REFERENCES

1. Lavrov S. On the 140th anniversary of the establishment of Russian-Bulgarian diplomatic relations. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/22639>. (In Russ.).
2. Kolarov G. Bulgaria's presidency of the EU Council: How to improve the atmosphere of EU-Russia dialogue. 2018;(Febr.). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/predsedatelstvo-bolgarii-v-sovete-es-kak-uluchshit-atmosferu-dialoga-es-i-rossii/>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Евгеньевна Родионова — кандидат социологических наук, доцент, Директор Центра европейских исследований, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
m.rodionova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina E. Rodionova — Candidate of Sociology, Director of Center for European Research, Associate Professor, Department of Political Science and Mass Communication, Financial University, Moscow, Russia
m.rodionova@mail.ru

Статья поступила 09.09.2019; принята к публикации 02.10.2019.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 09.09.2019; accepted for publication on 02.10.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-100-110
УДК 32(045)

Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети*

Р.В. Пырма

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается протестная активность российской молодежи в социальных медиа как один из аспектов концепции «цифрового гражданства». Актуальность исследования обусловлена расширением влияния цифровых коммуникаций, возможностями инициирования, распространения, координации и мобилизации протестных действий в социальных медиа. Автор обозначает основные подходы к исследованию «вызревания» настроений протеста в цифровой среде. На основании социологического исследования определены сферы интересов молодых пользователей цифровыми коммуникациями, сопоставляется гражданская активность молодежи в онлайн и в офлайн пространстве. В ходе проведенного исследования была установлена интенсивность протестных сообщений в интернете и социальных медиа, определена тематика протестного контента в цифровой среде. Исследование позволило определить наиболее распространенные модели поведения как реакцию молодых пользователей интернета на призывы к протестным действиям. Автор проводит ролевую дифференциацию аудитории протеста по гендерным и возрастным группам, по направлению профессиональной подготовки и времени нахождения в сети, а также способам получения новостей онлайн. Полученные данные исследования соотносятся с текущими тенденциями изменений гражданской активности в современных обществах; обозначаются глубинные факторы, способствующие росту протестных настроений.

Ключевые слова: цифровое гражданство; политический протест; гражданское участие; политические коммуникации; социальные медиа

Для цитирования: Пырма Р.В. Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):100-110. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-100-110

ORIGINAL PAPER

Protest Moods of Russian Youth in a Digital Network**

R.V. Pyрма

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>

ABSTRACT

This article discusses the protest activity of Russian youth in social media as one of the aspects of the concept of “digital citizenship”. The relevance of the study is due to the expanding influence of digital communications, the possibilities of initiating, disseminating, coordinating and mobilising protest actions in social media. The author outlines the main approaches to the study of the “ageing” of the mood of protest in the digital environment. Based on sociological research, the areas of interest of young users of digital communication are determined, and civic activity of young people is compared online and offline. In the course of the study, the intensity of protest messages on the Internet and social media was established, and the topics of protest content in the digital environment were determined. The study allowed us to identify the most common patterns of behaviour as the reaction of young Internet users to calls for protest actions. The author conducts a role differentiation of the protest audience by gender and age groups, in the direction of training and time spent on the network, as well as ways to receive online news. The research data obtained are correlated with current trends in civic activity in modern societies. Finally, the author indicated the underlying factors contributing to the growth of protest moods.

Keywords: digital citizenship; political protest; civic participation; political communications; social media

For citation: Pyрма R.V. Protest moods of Russian youth in a digital network. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):100-110. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-100-110

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31001.

** The study was carried out with the financial support of the RFBR and ANO EISI within the framework of the research project No. 19-011-31001.

ЦИФРОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Изначально массив исследований о влиянии интернета на общественное взаимодействие фиксировал несущественные либо, скорее, отрицательные эффекты, такие как политическая разобщенность и снижение гражданской активности, которые в итоге вели к уменьшению социального капитала [1]. Однако с открытием возможностей цифровых технологий коммуникации в сетевом общении и обмене информацией в социальных медиа возникли условия для реализации индивидуальных творческих и общественных форм участия, которые способны конвертироваться в политические действия. Современный анализ метаданных исследований показывает, что происходит усиление различных эффектов влияния цифровых коммуникаций на политическое взаимодействие граждан [2]. Исследователи выявляют позитивную связь между использованием социальных сетей и общественной вовлеченностью, включая такие ее составляющие, как социальный капитал, гражданская активность и политическое участие [3]. При этом исследователи гражданского участия обозначают, что социальные сети больше используются для политического выражения и меньше — для информационного освещения, но сам масштаб этих эффектов зависит от существующего контекста [4].

Одной из важнейших тем влияния цифровых коммуникаций на гражданское участие стала протестная мобилизация. Многие исследователи пришли к заключению, что цифровые коммуникации, в частности социальные медиа, способствуют распространению протестной активности [5]. Сайты социальных сетей используются как коммуникационные медиатехнологии, которые расширяют охват и скорость распространения информации среди разных аудиторий. Относительно низкая стоимость доступа превратила каналы социальных сетей в высокоэффективные альтернативы для предоставления информации по политическим вопросам, приглашения и координации участия других в протестной деятельности, а также распространения мультимедийного контента, касающегося акций протеста. Платформы социальных сетей также передают эмоциональные и мотивационные сообщения как в поддержку протестной активности, так и против нее. К ним относятся сообщения, в которых подчеркиваются нравственное негодование, проблемы социальной справедливости

и лишений, а также явно идеологические вопросы [6].

Результаты исследований указывают на то, что активность в социальных сетях коррелирует с последующей крупномасштабной децентрализованной координацией протестов, что имеет важные последствия для будущего баланса сил между активированными гражданами и их государствами [7]. Ряд исследователей полагает, что интернет-коммуникации являются ключевым элементом мобилизации современного протеста, во многом определяющим его временные рамки и организационные возможности. Данный вывод делается на основании связи интернет-дискуссий с активистскими действиями офлайн, особенностей групп солидарности, складывающихся в социальных сетях [8].

В исследованиях выделяются подходы к изучению организации протестной активности в цифровой среде: «умная толпа», минимизация затрат, взаимосвязь социальных сетей и информационных потоков, солидаризация и социальный перформанс, слактивизм. Виртуальные социальные сети рассматриваются как эффективный информационный, мобилизационный, солидаризационный и синхронизирующий ресурс, где минимизированы временные, финансовые и эмоциональные затраты. В контексте обозначенных подходов предполагается, что протестная активность представляет собой принципиально новую форму гражданских инициатив. Ее особенности: рост интенсивности сетевых взаимодействий (присоединение к сообществу (группе), участие в сетевых дискуссиях, распространение и одобрение информации и т.д.), привлечение широких слоев населения к протестной риторике, мгновенная реакция на возникающие в обществе проблемы.

Во влиянии социальных сетей на протестную активность граждан выявляется амбивалентный характер. С одной стороны, это возможности для выражения гражданской позиции, коллективной мобилизации, актуализации проблемного поля, с другой — эффекты отчуждения от реального протестного движения, концентрации на виртуальном взаимодействии, деанонимизация лидеров протестного движения, установление контроля власти [9]. Некоторые исследователи считают несостоятельными «традиционные» структурно-критический и ресурсно-мобилизационный подходы к интерпретации протестных настроений, предлагая использовать систем-

нокоммуникативный подход для анализа социального радикализма как особого типа коммуникации, содержащего бинарный медиакод и общую тему [10].

В изучении протестной активности исследователи используют различные методы. Киберметрический анализ цифровых следов протестной активности на основании комплексной методики, совмещающей ивент-анализ и дискурс-анализ с применением онлайн интернет-сервиса мониторинга социальных медиа, позволяет выявить размерность, структуру протестных сетей, типологизировать сообщения, формирующие протестные установки у пользователей [11]. Дискурс-анализ сообщений социальных медиа обнаруживает доминирование технологий негативной мобилизации протестующих: отождествление политических субъектов с источниками общественной угрозы или недовольства; использование антропоморфных метафор; транслирование сведений провокационного характера [12].

Некоторые авторы применяют многомерный подход к концептуализации и оценке использования социальных сетей в организации политического протеста. Использование социальных сетей может привести к участию в протестах как непосредственно через активацию поведения, так и косвенно — через формирование поддержки. Социальные сети используются в качестве посредника между социально-психологическими переменными и участием [13]. Однако при всех общественных трансформациях цифровые технологии не изменили основных социальных процессов, лежащих в основе общения, распространения информации и механизмов, побуждающих людей присоединиться к коллективным действиям [14].

ПРОТЕСТНЫЕ УСТАНОВКИ

В общей протестной массе и среди организаторов политического протеста оказывается весьма значительная, а часто и преобладающая доля молодежи, что предопределяет исследовательский интерес к данной социальной группе. Между тем, согласно данным социологического исследования¹ среди российской молодежи политика

находится на периферии интересов. Информация о политических партиях, лидерах и акциях вызывает активность относительно небольшого числа молодых пользователей цифровых коммуникаций. Число постоянных комментаторов политических тем составляет немногим более десятой доли (11%), время от времени выражают свое мнение публично менее четверти (22%), тогда как более четверти (28%) крайне редко обозначает свою политическую позицию, а наибольшая часть (38%) избегает политических сообщений. Внимание молодежи привлекает прежде всего информация о личных увлечениях, в меньшей степени — о профессиональной деятельности. Сопоставимы доли тех, кто интересуется решением экологических и социальных проблем, защитой прав человека и добровольческой деятельностью. Очевидно, что молодых граждан интересует значительно больше личное, чем общественное (табл. 1).

Обозначаемый молодежью гражданский нетворкинг позволяет определить степень активности молодежи по видам деятельности и используемые каналы поступления информации. Из представленного перечня активностей наибольшее число молодежи обнаруживает пассивные формы поведения в сети, предпочитая получать сведения в интернете из источников государственных ведомств, немногим меньше — от политизированных сообществ и от оппозиционных политических сил. При этом выявляется небольшая, но значимая часть молодежи от 5 до 10%, демонстрирующая активные модели политического поведения в интернете (рис. 1).

Проявление молодежью гражданской активности в реальной жизни указывает на расположенность большинства участвовать в выборах под влиянием одобряемых установок общественного поведения. Более трети молодежи обозначает участие в подписании обращений к представителям власти. Об активной политической деятельности заявляет не более пятой части молодежи, при этом из них менее одной десятой части обозначает свое отношение к непарламентским, в первую очередь — оппозиционным партиям.

Распространение протестного контента посредством цифровых коммуникаций стало проявлением общественных настроений пользователей и активной политической борьбы. Более четверти молодежи (29%) часто получает информацию оппозиционного характера, при-

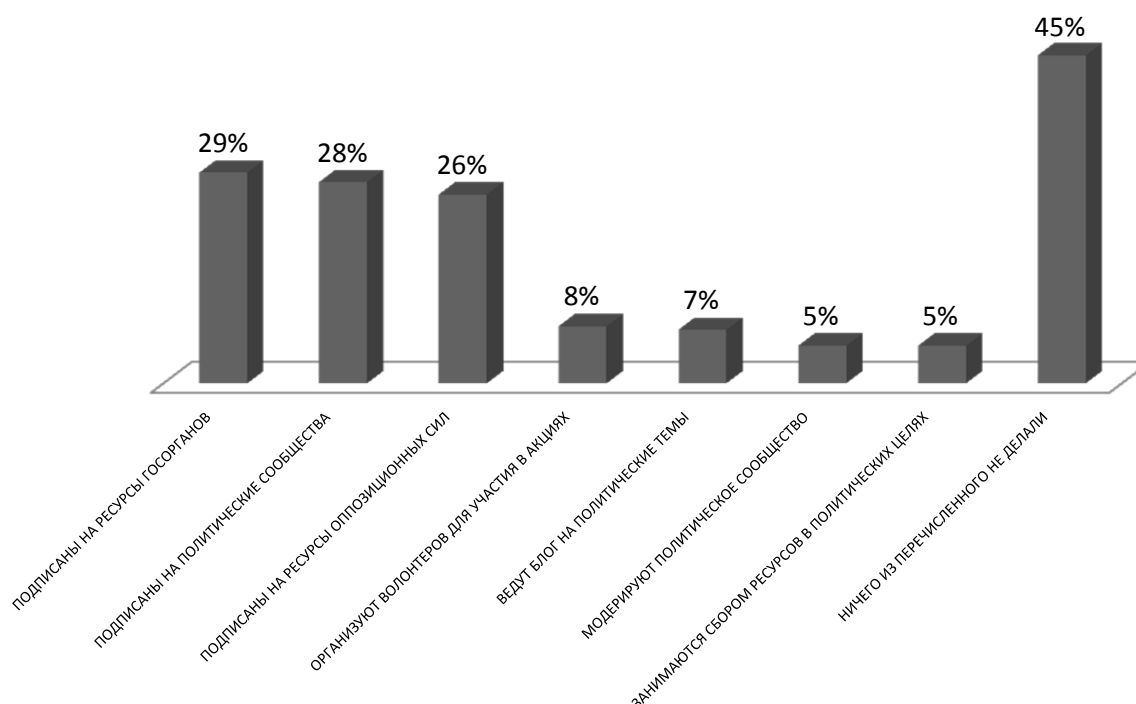
¹ Онлайн опрос 1000 респондентов был проведен в августе-сентябре 2019 г. Репрезентативная выборка сформирована в соответствии с возрастными квотами молодежи 15–19, 20–24 и 25–29 лет и с территориальным распределением по федеральным округам РФ.

Таблица 1 / Table 1

Сферы интересов пользователей цифровых коммуникаций среди молодежи (в последние два-три года интересуетесь ли вы следующими темами в социальных сетях и онлайн СМИ?) / Areas of interest for users of digital communications among young people (in the last two or three years, are you interested in the following topics in social networks and online media?)

Сфера интересов	Часто читаю, комментирую или пишу сообщения	Иногда читаю, комментирую или пишу сообщения	Очень редко читаю, комментирую или пишу сообщения	Никогда не читаю и не пишу на эту тему
Решение социальных проблем местных жителей, %	20	33	25	22
Решение вопросов защиты прав человека, меньшинств и др., %	19	32	24	26
Поддержка политических партий, кандидатов, проведение акции, %	11	22	28	38
Борьба за сохранение природы, экологическую безопасность, %	22	33	29	16
Участие в волонтерской деятельности, %	15	30	28	27
Решение вопросов, связанных с профессиональной деятельностью, %	29	36	19	16
Решение вопросов, связанных с увлечениями, хобби, %	41	33	14	12

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Рис. 1 / Fig. 1. Гражданская активность молодежи в онлайн (Что из нижеперечисленного лично вы делаете в интернете?) / The civil activity of young people online (Which of the following do you do yourself on the Internet?)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

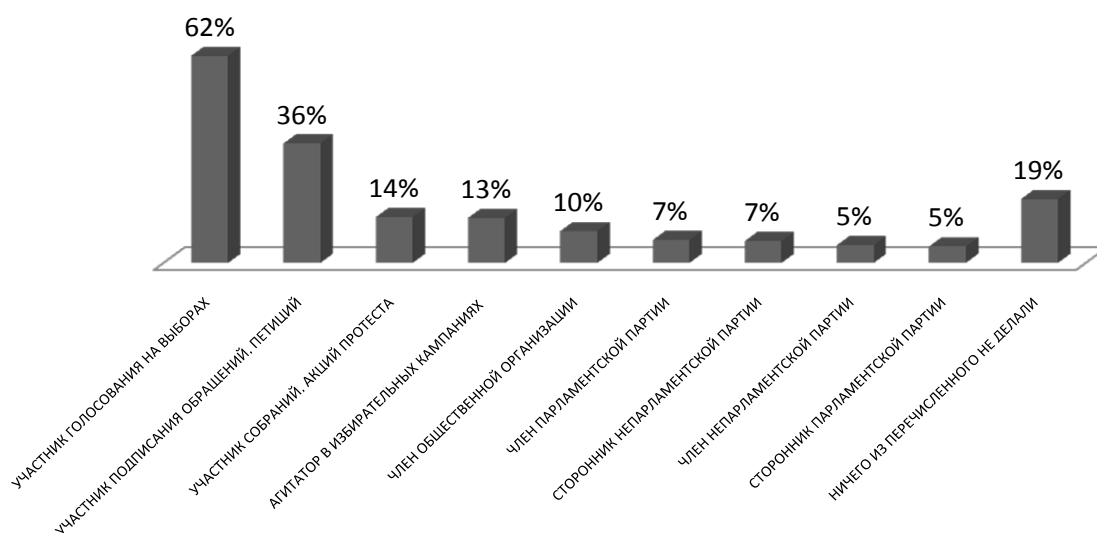

Рис. 2 / Fig 2. Гражданская активность молодежи в офлайн (Что из нижеперечисленного лично вы делали в реальной жизни?) / Youth civic engagement offline (What of the following did you do yourself in real life?)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

чем заметно больше на нее обращают внимание мужчины, чем женщины. Почти половина (48%) молодых пользователей редко сталкиваются с таким сообщениями либо их не замечают. При этом возрастные различия в получении информации протестного характера менее выражены (табл. 2).

Информация протестного характера, разносящая по сетевым каналам политической коммуникации, касается, прежде всего, тем защиты гражданских прав и борьбы с коррупцией. Причем, если первая тема в близкой степени обозначается гендерными группами молодежи, то вторая тема заметно больше фиксируется мужчинами, чем

женщинами. При этом тема защиты гражданских прав более выражена среди групп студенческого и зрелого возраста, а тема коррупции — среди зрелого возраста. Около трети молодежи замечают протестные сообщения на темы нарушений на выборах, непопулярных решений власти и установления правил деятельности в интернете. Причем информацию на данные темы обозначают гораздо больше мужчин, чем женщин. Однако в случаях защиты прав меньшинств женщины несколько с большим вниманием относятся к этой информации (табл. 3).

С призывами в интернете и социальных медиа к протестным действиям сталкивалось подавля-

Таблица 2 / Table 2

Интенсивность протестных сообщений в интернете и социальных медиа (Как часто в интернете, в социальных сетях вы сталкиваетесь с сообщениями, призывающими к участию в акциях политического и/или гражданского протеста?) / The intensity of protest messages on the Internet and social media (How often on the Internet, on social networks do you encounter messages calling for participation in political and/or civil protest actions?)

Интенсивность протестных сообщений	В целом	Пол		Возраст		
		мужской	женский	15–19 лет	20–24 лет	25–29 лет
Раз в неделю и чаще встречаю такие сообщения, %	29	32	25	31	25	30
Реже, чем раз в неделю встречаю такие сообщения, %	48	47	50	49	50	47
Никогда не встречали таких сообщений, %	23	21	25	21	24	23

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 3 / Table 3

Тематика протестного контента в интернете и социальных медиа (Если вы сталкивались с сообщениями, призывающими к участию в акциях политического и/или гражданского протеста, то чему они были посвящены?) / Topics of protest content on the Internet and social media (If you have come across messages calling for participation in actions of political and/or civil protest, what were they dedicated to?)

Тематика протестного контента	В целом	Пол		Возраст		
		мужской	женский	15–19 лет	20–24 лет	25–29 лет
Ущемление прав граждан, %	48	50	47	46	50	49
Борьба с коррупцией, %	47	52	41	46	43	50
Нарушения при проведении выборов, %	37	42	31	34	37	38
Несправедливые решения власти, %	36	40	33	37	38	35
Ограничения интернет-прав, %	33	38	28	36	32	32
Ущемление прав меньшинств, %	19	18	21	21	16	20
Защита прав коренного населения, %	9	7	11	7	10	9
Другое, %	1	1	0	1	1	0
Никогда не встречали таких сообщений, %	29	27	31	28	31	28

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ющее большинство молодежи (82%). Однако реагируют молодые пользователи различным образом. Треть (33%) молодежи игнорирует призывы к участию в политических акциях, в несколько большей степени — старшеклассники и студенты младших курсов вузов. Однако более трети (37%) практически в равной степени в гендерных и возрастных группах со вниманием относятся к такой информации. Часть молодежи (более 10%) активизируется и переходит в состояние протестной мобилизации, из них наиболее весомая часть (5%) стремится получить информацию о возможности участия в акции, сопоставимая часть (5%) задействует круг своих знакомых (особенно в средней возрастной группе), немногие (2%) принимают индивидуальное решение об участии в протестных действиях (табл. 4).

Различия в моделях поведения позволяют дифференцировать аудиторию протестных действий, которая составляет около 50% от всей молодежи. Половина протестно настроенной молодежи относится к категории зрителей, что

составляет около четверти от всей молодежи. Более трети (37%) такой молодежи интересуется политической информацией оппозиционного толка, проявляя готовность поддержать протест. Значимая часть политизированной молодежи относится к активным участникам протестных действий (7%), сопоставимая часть — к лидерам протеста (5%). Вполне объяснимо, что среди лидеров и активистов протестных действий несколько больше мужчин, тогда как несколько большее число женщин предпочитает наблюдать за протестом. Среди активистов выделяется группа молодежи среднего возраста, большинство из которой составляют студенты старших курсов вузов (табл. 5).

Примечательно, что протестные настроения прослеживаются преимущественно у молодежи, избравшей гуманитарный профиль образования. Затем следует со значительным отставанием молодежь, избравшая технические специальности. Молодежь остальных направлений профессиональной подготовки не испытывает выраженного

Таблица 4 / Table 4

Реакция молодых пользователей интернета на призывы к протестным действиям (Как вы обычно реагируете на сообщения, призывающие к участию в акциях политического и/или гражданского протеста?) / The reaction of young Internet users to calls for protest actions (How do you usually react to messages calling for participation in political and/or civil protests?)

Реакция молодых пользователей интернета	В целом	Пол		Возраст		
		мужской	женский	15–19 лет	20–24 лет	25–29 лет
Пропускают и не вчитываются в детали, %	33	31	34	36	30	32
Прочитывают, внимательно знакомятся с ситуацией, %	37	38	36	36	37	37
Узнают у организаторов, чем могут быть полезны, %	5	6	4	6	5	5
Ищут единомышленников в своем кругу, %	5	6	3	3	6	5
Обязательно принимают участие, %	2	2	2	4	2	1
Совершают другие протестные действия, %	1	1	1	0	1	1
Не сталкивались с такими сообщениями, %	18	16	20	16	18	19

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 5 / Table 5

Ролевая дифференциация аудитории протеста по гендерным и возрастным группам / Role differentiation of protest audience by gender and age groups

Роль	В целом	Пол		Возраст		
		мужской	женский	15–19 лет	20–24 лет	25–29 лет
Лидеры, %	5	6	4	6	5	5
Активисты, %	7	9	5	7	9	6
Вовлеченные, %	37	38	36	36	38	38
Зрители, %	51	47	54	51	49	52

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

желания участвовать в протестных действиях. Примечательно, что среди категории вовлеченных «гуманитарии» составляют более половины протестной молодежи, а «технари» — наибольшую часть среди активистов протеста (табл. 6).

Трафик интернет-пользователей среди молодежи отражает активное применение цифровых коммуникаций. В целом протестно ориентированная молодежь более активна в сети. Сравнение использования трафика по социальным ролям протестных действий показывает, что вовлеченные зрители проводят наибольшее время

онлайн, тогда как лидеры используют цифровые коммуникации в более разумной мере (табл. 7).

Однако, поскольку граждане используют социальные сети для многих целей, само время, проведенное в социальных сетях, не обязательно приводит к участию в политической жизни. Социальные сети стали площадками не только для потребления контента, но и для производства контента, обмена, выражения, обсуждения и создания сетей. Поэтому использование людьми социальных сетей может варьироваться по многим параметрам. Размер сети и затраченное

Таблица 6 / Table 6

**Зависимость роли в протесте от направления профессиональной подготовки /
Dependence of the role in the protest on the direction of professional training**

Образование	В целом молодежь	Лидеры	Активисты	Вовлеченные	Зрители
Гуманитарное, %	45	39	31	53	41
Техническое, %	29	26	36	25	31
Естественнонаучное, %	9	21	16	5	9
Медицинское, %	7	8	5	5	9
Военное, %	1	0	5	1	1
Другое, %	9	5	8	10	10

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 7 / Table 7

**Зависимость роли в протесте от ежедневного времени пользователя в онлайн / Dependence of the
role in the protest on the user's daily time online**

Время	В целом молодежь	Лидеры	Активисты	Вовлеченные	Зрители
Менее 2-х часов, %	8	5	13	6	9
От 2-х до 4-х часов, %	24	23	16	23	25
От 4-х до 6 часов	25	35	31	24	25
От 6 до 8 часов	23	28	24	26	20
Более 8 часов	20	9	16	21	21

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

время оказывают косвенное влияние на гражданское участие в целом и участие в протестных действиях в частности.

Подавляющее большинство (79%) молодежи получает новости не преднамеренно, натываясь на информацию в социальных сетях или на сайтах. Сопоставимая часть (64%) молодежи подписана на новостные ленты цифровых коммуникаций. Треть (35%) молодежи получает новости, испытывая интерес к информации популярных блогеров и экспертов. Лишь пятая часть молодежи (18%) систематически отслеживает информацию, анализируя повестку дня. Среди протестно ориентированной молодежи выявляются некоторые особенности потребления новостей в цифровой среде социальных коммуникаций. Наблюдатели протестных действий преимущественно узнают новости в ленте социальных сетей случайно. Вовлеченные в протест получают новости также в первую очередь по случаю в интернете и по подписке на информационные ресурсы. Лидеры, активисты и вовле-

ченные чаще других получают новости, посещая популярные блоги и каналы экспертов (табл. 8).

Исследование выявило наличие социальной структуры протеста в социальных медиа. В целом протестные настроения находятся в рамках гражданского активизма, однако в случае негативных изменений контекста и/или возникновения значимого социально-психологического повода они могут быстро радикализироваться, приобретая широкий масштаб действий в социальных медиа (онлайн) и на улицах городов (офлайн). Хотя ряд исследователей не находят оснований, чтобы квалифицировать социальные сети в качестве ключевого триггера общественного и политического активизма, так как для молодежи социальные сети действительно являются формой самоорганизации, самовыражения и обмена развлекательного контента; среди активных пользователей социальных сетей уровень симпатии к оппозиции и участникам акций протеста оказывается лишь несколько выше, чем среди молодежи в целом [15]. Иссле-

Зависимость роли в протесте от способа получения новостей онлайн / Dependence of the role in the protest on the way of receiving news online

Способ получения новостей онлайн	В целом молодежь	Лидеры	Активисты	Вовлеченные	Зрители
Получают информацию в своей новостной ленте, %	79	64	57	77	84
Подписаны на интересные новостные ресурсы, %	64	54	57	74	58
Смотрят популярные блоги, каналы экспертов, %	35	42	45	43	26
Анализируют политическую повестку дня, %	18	11	32	25	10
Другое, %	2	0	1	1	2

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

дования политического участия среди молодежи показывают, что ее реакция на политический контекст и ее переход от пассивности к радикализму значительно различаются в зависимости от жизненных обстоятельств и восприятия социальной среды [16].

ПРОТЕСТНЫЕ ТРЕНДЫ

Рассматриваемые протестные настроения наблюдаются во многих странах. Исследователи отмечают, что в современных обществах происходит изменение моделей политического участия молодого поколения, а не снижение гражданской активности. Происходит отход от традиционных форм политического участия (членства в партиях, участия в выборах и др.) [17]. Молодежь показывает возрастающую активность в нетрадиционных формах политического участия в акциях прямого действия, таких как бойкоты и акции протеста, демонстрации и онлайн-подписание петиций [18].

Исследователи также отмечают, что репертуар политического участия, состоящий в разнообразии творческих, выразительных, индивидуализированных и цифровых форм в демократических обществах быстро расширяется и охватывает такие различные виды деятельности, как голодание, демонстрация, волонтерство, бойкотирование, ведение блогов и флешмобы. Старые и новые формы гражданского участия систематически интегрированы в многомерную модель общественной активности, охватывающую (1) голосование, (2) участие в цифровой сети, (3) институционализированное участие, (4) протест,

(5) гражданское участие и (6) участие потребителей. Принимая во внимание, что творческие, экспрессивные и индивидуализированные способы, по-видимому, являются экспансиями протестных действий, формы с цифровой сетью четко устанавливают новый и отличный способ политического участия [19].

Исследователи выделяют различные факторы, провоцирующие протестные настроения молодежи, исходя из того, что ее политические установки формируются в процессе социализации. Для объяснения формирования молодежного активизма и радикализма в современных обществах обозначаются ведущие факторы, в числе которых социальные медиа, либеральное образование и система ценностей [20]. В массовых протестных акциях 2011–2012 гг. в России, в которых участвовала весомая часть молодежи, отдельные исследователи усматривают выражение настроений большинства участников сменить сложившейся социальный порядок. Однако реализовать протестный потенциал не позволил перформансный характер проектов, основанных на коммуникации в интернете и неумении граждан выработать консенсус в отношении иных проблем общества. При этом политические протесты активных российских граждан, в силу их индивидуализма и особенностей рациональности, мотивированы скорее частными, чем общественными интересами. Приверженность общественному благу и реализации общественных интересов, как и обеспечению справедливости социального порядка, для большинства протестующих носит декларативный характер

[21]. Другие исследователи рассматривают потенциал протестных действий в разрезе конфликта поколений, создающего политические и экономические риски для российской государственности. Разрешением нарастающего конфликта, который провоцируют объективные и субъективные факторы, видится оптимизация ситуации и налаживание межпоколенческого диалога [22].

Цифровые медиа добавили творческие и неполитические способы участия в социальной

и политической жизни, которые не только часто образуют основу политического участия, но и, как представляется, во множестве повседневных контекстов оказываются встроенными в то, что в конечном итоге превращается в политически значимые действия [23]. При этом гражданские формы участия в цифровой сети часто оказываются более эффективными, чем политические, что также может быть отнесено к характеру протестных действий в цифровой среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster; 2000. 357 p.
2. Пырма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;4(40):63–69.
Pyрма R.V. The influence of digital communications on political participation. *gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2019;4(40):63–69. (In Russ.).
3. Skoric M., Zhu Q., Goh D., & Pang N. Social media and citizen engagement: A meta-analytic review. *New Media & Society*. 2016;18(9):1817–1839.
4. Boulianne S. Revolution in the making? Social media effects across the globe. *Information, Communication & Society*. 2019;22:1:39–54.
5. Boulianne S. Revolution in the making? Social media effects across the globe *Inf. Commun. Soc.* 2017:1–16. URL: 10.1080/1369118x.2017.1353641.
6. Jost T.J., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker A.J. How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks. *Advances in Political Psychology*. 2018;39.1:85–118.
7. Steinert-Threlkeld Z.C., Mocanu D., Vespignani A., Fowler J. Online social networks and offline protest. *EPJ Data Science*. 2015;(4):1–9.
8. Ваньке А., Ксенофонтова И., Тартаковская И. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России. *INTER*. 2014;(7):44–74.
Vanke A., Ksenofontova I., Tartakovskaya I. Internet communication as a means and a condition of political mobilisation in Russia: The case of the “For Fair Elections”. *INTER*. 2014;7:44–74. (In Russ.).
9. Ушкин С.Г. Теоретико-методологические подходы к изучению сетевой протестной активности: от «умной толпы» к «slackтивизму». *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2015;(3):3–12.
Ushkin S.G. Methodological approaches towards studying network protest activity: from smart mobs towards slacktivism. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2015;3:3–12. (In Russ.).
10. Бараш Р.Э. Системно-коммуникативная теория протеста: протест как «альтернатива без альтернативы». *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018;(3):123–138.
Barash R., ed. Systematic and communicative theory of the protest movement: protest as “an alternative without an alternative”. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2018;3:123–138. (In Russ.).
11. Азаров А.А., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю., Фильченков А.А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). Ч. I. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2014;(2):63–78.
Azarov A.A., Brodovskaya E.V., Dmitrieva O.V., Dombrovskaya A. Yu., Filchenkov A.A. Strategies forming protest behaviour on the internet: cybermetric analysis (based on Euromaidan case study, November 2013). Part I. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2014;2:63–78. (In Russ.).

12. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Азаров А. А., Фильченков А. А., Абрамов М. В., Карзубов Д. Н. Интернет-технологии мобилизации политического протеста (на примере Евромайдана). *Среднерусский вестник общественных наук*. 2016;(4):54–69.
Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Azarov A. A., Filchenkov A. A., Abramov M. V., internet technologies in the mobilization of political protest (on the example of Euromaidan). *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. 2016;(4):54–69. (In Russ.).
13. Francis L. F. Lee, Hsuan-Ting Chen, Michael Chan, Social media use and university students' participation in a large-scale protest campaign: The case of Hong Kong's Umbrella Movement. *Telematics and Informatics*. 2017;34(2):457–469.
14. Sandra González-Bailón, Ning Wang, Networked discontent: The anatomy of protest campaigns in social media. *Social Networks*. 2016;(44):95–104.
15. Петухов В. В., Бараш Р. Э., Седова Н. Н., Петухов Р. В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия. *Власть*. 2014;9:11–19.
Petuhov V. V., Barash R. J., Sedova N. N., Petuhov R. V. Civic activism in Russia: motivation, values and forms of participation. *Vlast'*. 2014;9:11–19. (In Russ.).
16. Cross R., Snow D. Radicalism within the context of social movements: Processes and types. *Journal of Strategic Security*. 2011;4:115–130.
17. Sloam J. Diversity and voice: The political participation of young people in the European Union. *The British Journal of Politics and International Relations*. 2016;18(3):521–537.
18. Melo D., Stockemer D. Age and political participation in Germany, France and the UK: A comparative analysis. *Comp Eur Polit*. 2014;(12):33–53.
19. Theocharis Y., Van Deth J. The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy. *European Political Science Review*. 2018;10(1):139–163.
20. Mathew Y. H. Wong, Paul V. Kh., Wing H. Ch. Understanding youth activism and radicalism: Chinese values and socialization. *The Social Science Journal*. 2019;56(2):255–267.
21. Римский В. Л. Гражданское и политическое в социальных сетях Рунета. *Политическая наука*. 2013;(1):192–209.
Rimsky V. L. Civic and political in social networks of Runet. *Politicheskaya nauka*. 2013;(1):192–209. (In Russ.).
22. Шатилов А. Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе. *Власть*. 2019;(4):26–32.
Shatilov A. B. Generational gaps as a factor of increasing conflicts in modern Russian society. *Vlast'*. 2019;(4):26–32. (In Russ.).
23. Theocharis, Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation. *Social Media + Society*. 2015. URL: <https://doi.org/10.1177/2056305115610140>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Роман Васильевич Пырма — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
pyrma@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Roman V. Pyрма — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
pyrma@mail.ru

Статья поступила 05.11.2019; принята к публикации 25.11.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 05.11.2019; accepted for publication on 25.11.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-111-115
УДК 81(045)

Манипулятивные средства языка в рекламном дискурсе финансовых компаний*

М.В. Мельничук^а, И.И. Климова^б

^{а, б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-7720-7443>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-5142-1890>

АННОТАЦИЯ

В статье проведен анализ вербальной составляющей рекламного дискурса финансовых компаний. Обзор существующих лингвистических исследований в области рекламного дискурса позволяет сделать вывод, что типологизация языковых средств рассматривается с точки зрения когнитивной лингвистики (моделирование семантических полей), стилистики (риторические приемы и фигуры речи), прагматики (теория речевых актов), однако собственно речевой компонент недостаточно изучен. Предпринята попытка систематизации суггестивного компонента рекламного текста на основе дихотомии «речевая стратегия/тактика» и языковых средств ее выражения. Выделен корпус рекламных текстов рынка финансовых услуг, который был проанализирован на основе соотношения пропозиционального содержания высказывания и выбранных автором средств вербализации. На основе статистического подсчета выявлено соотношение различных манипулятивных тактик. Сделан вывод, что, несмотря на развитие вербальных рекламных технологий, повелительное наклонение, цитирование и «высокая лексика» позиционирования компании как лидера в секторе финансовых услуг по-прежнему более частотны, чем более креативные вербализации других тактик.

Ключевые слова: реклама; дискурс; стратегии; тактики; прагматика

Для цитирования: Мельничук М.В., Климова И.И. Манипулятивные средства языка в рекламном дискурсе финансовых компаний. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):111-115. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-111-115

ORIGINAL PAPER

Means of Verbal Manipulation in Advertising Discourse of Financial Companies**

M.V. Melnichuk^а, I.I. Klimova^б

^{а, б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-7720-7443>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-5142-1890>

ABSTRACT

The article analyses the verbal component of the advertising discourse of financial companies. The overview of existing linguistic research in the field of advertising discourse allows the authors to conclude that typologies of verbal means are based on postulates of cognitive linguistic (modelling semantic domains), stylistics (rhetoric devices and figures of speech), pragmatics (the theory of speech acts). However, the verbal component of advertising discourse is not well researched yet. We undertake an attempt to systemize verbal means of manipulation in advertising discourse based on the dichotomy “speech strategy/tactics” and corresponding language resources. Therefore, singled out a corpus of texts from financial companies’ sites and analysed how proposition in an utterance correlates with the verbal means. Further, we formulated statistical conclusions about the percentage of different manipulative tactics used on the site of a financial company. Finally, the authors concluded that despite the development of verbal expression in advertising, imperative mood, citation and ‘bombastic lexis’ for positioning a company as a leader on the market are still more frequent than other more linguistically creative verbal means.

Keywords: advertising; strategies; tactics; pragmatics

For citation: Melnichuk M.V., Klimova I.I. Means of Verbal Manipulation in Advertising Discourse of Financial Companies. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):111-115. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-111-115

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state assignment of the Financial University.

Влияние коммуникативной среды рекламного дискурса и ее экспансивный характер возрастает с каждым годом. Исследование механизмов вербального воздействия рекламных текстов позволит выяснить, какие языковые средства и речевые стратегии обеспечивают возможность речевых махинаций.

История развития рекламы доказывает, что язык сообщений с течением времени приобретает все более манипулятивный характер в негативном смысле этого слова [1–3]. Анализ предшествующих работ по теме показал, что исследования рекламного дискурса проводятся либо в парадигме когнитивной лингвистики (осмысления семантического пространства [4]), либо на основе стилистических особенностей [5], либо при использовании прагматики высказывания [6–11]. В рамках прагматического подхода [12–15] выделяются стратегии и тактики. Несмотря на изученность темы, выяснение особенностей корреляции пропозиции автора и языковых средств остается актуальным. Объектом анализа данной работы являются смыслы, интерпретированные на основе интенции автора текста, пропозиционального содержания высказывания и его иллокутивной силы. Эмпирический материал — реклама финансовых компаний.

Авторами выделены две общие стратегии дискурса — позиционирующая, т.е. представляющая ментальный образ продукта, и дифференцирующая, т.е. направленная на изменение отношения потенциального клиента. В рамках этих стратегий выделены тактики, которые получили семантические «бирки», кратко описанные далее.

«Подмена выгодополучателя». Умалчивание информации, идеализация имиджа бизнеса, т.е. отсутствие естественного для любой корпорации фокуса на прибыли, вербализуется через использование лексико-семантических рядов слов с пропозицией, условно выраженной словами «выгода», «совет», «помощь». На сайте Сбербанка в разделе «Частным клиентам» запрос по слову «бесплатно» дает результат в 1885 упоминаний. Широко используется синонимичный ряд: **«Легкий старт» для вашего бизнеса. 0 Руб.**

Те же цели могут быть достигнуты при помощи языковых средств, эксплицирующих отрицание — морфологических (аффиксация),

синтаксических (предикатное отрицание «не», отрицание при имени — «ни») и лексических средств (слова с семантикой отрицания). Отрицание воздействует не на отдельное слово, а на пропозицию в целом, поэтому оно дискурсивно значимо: **«Не только сохранить, но и приумножить. ВТБ; Наши инвестиционные стратегии помогут оградить ваш капитал от инфляционных потерь».**

«Настойчивое приглашение». Повелительное наклонение широко используется по двум причинам: императив не требует подлежащего, значит, высказывание может относиться ко всем и к каждому и имеет ряд прагматических функций (приказ, требование, просьба, разрешение, совет, предупреждение, пожелание), что позволяет компрессировать имплицатуры: **«Проверьте, не пришёл ли новый штраф. Если пришёл, не переживайте: побыстрее заплатите и забудьте»** (приглашение / пожелание / совет).

«Социокультурная значимость». Тактика эксплицируется словами с бинарной семантикой «информация» — «время» (**«Чтобы интернет летал, его нужно уметь оплачивать за секунды»**); словами-характеристиками личности или нации (**«Вклад «Память и гордость»**), идеями защиты окружающей среды (**«Как я могу помочь Амурским тиграм? Фонд WWF на Сбербанк вместе»**).

«Мировой бренд». Для подчеркивания достижения компании авторы рекламных текстов используют слова с семантикой «превосходство», «география мира», сравнительные обороты и кванторные слова: **«Ваш пропуск в мир эксклюзивных предложений, все лучшее, что мы можем предложить нашим клиентам; Платите картами ВТБ с Apple Pay всегда и везде!»**

«Показатели роста». Вербальными показателями этой тактики являются числительные (390%, 100+, 130,000+, A++), и слова с семантикой «развитие» — **«инновационный, развивающийся, динамичный».**

«Свидетельские показания». Популярность цитирования обусловлена необходимостью нивелировать психологическое отрицание рекламы современным потребителем: **«SCORISTA — это пример реально работающего финтех»** (тематическое цитирование).

«Моделирование сообщества единомышленников». Эта тактика эксплицируется использованием личных местоимений (**«Мы всегда рады оказать вам поддержку в решении ваших вопро-**

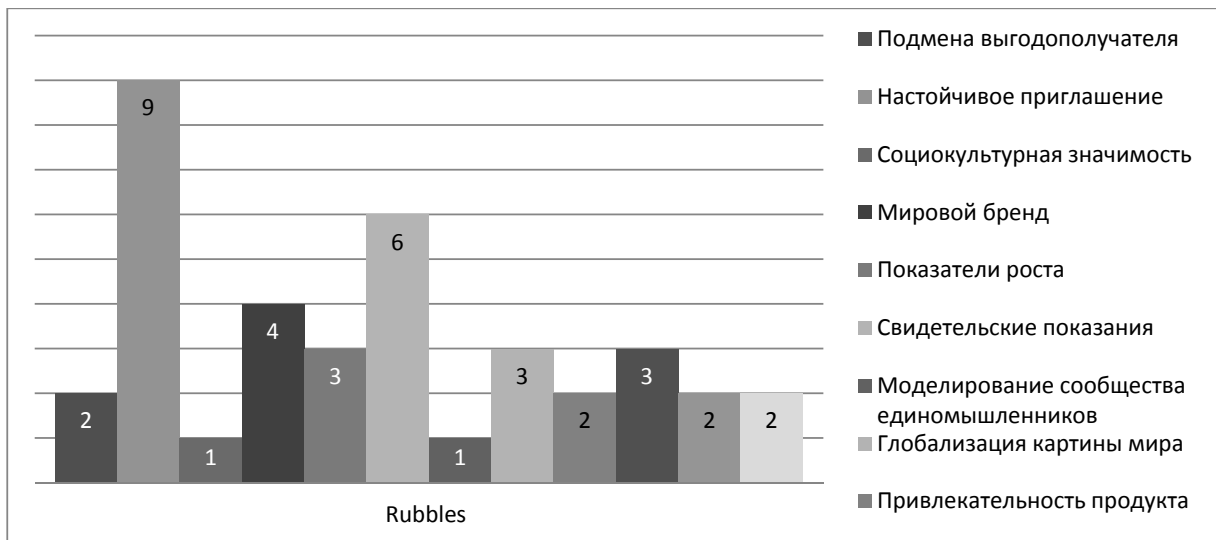

Рис. / Fig. Соотношение техник манипулятивных высказываний по материалам компании Rubbles / Correlation of techniques of manipulative utterances based on company Rubbles' materials

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

сов); и явлением смены языкового кода (иноязычные слова в русскоязычном сообщении), что позволяет адресанту и адресату идентифицировать себя как сообщество специалистов (*Инверсия ритейл. Как скоринг улучшает KPI*).

«Картина мира». Прецедентные феномены, т.е. когнитивно актуальные языковые образы, связанные с «памятью народа», позволяют моделировать картину мира: *Марафон семи королевств («Игра престолов»)*.

«Привлекательность продукта». Использование оксюморонов ведет к актуализации логико-понятийных и эмоционально-оценочных сем в структуре высказывания: *О том, как за пять лет клиенты разучились звонить в банк, когда ваш холодильник начнет сам оплачивать счета*. Другим приемом для создания интриги является стилистическая контаминация (разговорные фразы в институциональном контексте), что позволяет снизить «градус» делового напряжения: *Покажи миру, что ты это сделал*. Риторические вопросы привлекают внимание к продукту, создавая прагматический дискомфорт, при этом структурируя текст: *Планируете начать новый бизнес?*

«Моделирование рекламной памяти». Повторы, употребление разнокоренных, но семантически эквивалентных языковых единиц обеспечивает запоминание: *Гарантия. Кредиты. Дополнительное обеспечение исполнения вашей компанией обязательств по сделке*.

«Логическая аргументация». Парцелляция, т.е. дробление предложения, связано с пропу-

ском логического звена: *Мы не навязываем лишних услуг. Каждый клиент для нас уникален*. Широко используются параллельные конструкции: *Скориста гарантирует соответствие тестовых показателей и показателей, которые будут достигнуты в режиме реального использования*. На грамматическом уровне использование настоящего времени в функции повторяющихся рутинных действий выступает как стратегия аргументации — обычное течение дел: *Оформи заявку на Молодежную карту. Ставишь перед собой цель накопить на новые кроссовки, открываешь вклад в Сбербанк Онлайн, кладешь на счёт 1000 и добавляешь понемногу, как только появляются деньги*.

«Иерархия первичного и вторичного». Эта тактика эксплицируется как парцеллированные предложения, структурированные как временная или ценностная семантическая субординация: *Резервирование счета за 5 минут. Расчеты с клиентами 7 дней в неделю; От общественного транспорта к личному. Из сегодня в завтра*.

Используя корпус текстов с сайта финансовой компании Rubbles, мы проанализировали языковой материал и выделили частотность той или иной тактики от общего числа манипулятивных контекстов. Результаты представлены на рисунке.

Очевидно, что самыми популярными манипулятивными тактиками являются «настойчивое приглашение» (21,95%), «свидетельские показания» (14,63%) и «мировой бренд» (9,76%), т.е.

установки на призыв воспользоваться услугами, засвидетельствовать значимость своих услуг и товаров с помощью ссылок на авторитетные источники и позиционирование компании как единственной в своем роде. Тактики «показатели роста», «глобализация картины мира», «моделирование рекламной памяти» показали одинаковую, вторую по значимости частотность в 7,32%. «Подмена выгодополучателя», «привлекательность продукта», «логическая аргументация», «иерархия первичного и вторичного» показали предпоследний коэффициент частотности, т.е. 4,88%. «Социокультурная значимость» и «моделирование сообщества» показали последний результат (2,44%).

Несмотря на очевидность выбора в пользу вышеперечисленных частотных тактик, следует отметить, что уникальность рекламы услуг и товаров может быть достигнута за счет выбора оригинальной и, возможно, менее частотной тактики. Так, в рекламе Сбербанка тактика «моделирование сообщества» используется чаще, что, возможно, связано с ориентацией банка на индивидуального, а не корпоративного потребителя. Знание о внутренних вербальных фильтрах, которые формируются у потребителя в процессе восприятия рекламной информации, и их учет позволяют рекламодателям и маркетологам разрабатывать эффективные маркетинговые стратегии продвижения товаров и услуг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тарасова К.П. Развитие печатной рекламы как речевого жанра на материале российских газет XVIII–XX вв. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2018;(2):225–230.
2. Беляева И.В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты. Монография. Ростов н/Д: Изд-во Северо-Кавказской акад. гос. Службы; 2008.
3. Степанова Е.В. Мотивированность коммуникативных стратегий манипулирования в рекламе. *Вестник Волгоградского государственного университета, Серия 2, Языкознание*, 2009;1(9):156–159.
4. Андриенко А.А. Манипулятивность как имманентная характеристики современных текстов социальной рекламы (на материале английского рекламного дискурса). *Таврический научный обозреватель*. 2017;4(21):69–73.
5. Галактионова Г.В., Дороднева Н.В., Овсянникова Н.А. Сравнительный анализ вербального и невербального компонентов рекламы в гляцевых журналах (на материале английского и русского языков). *Фундаментальные исследования*. 2015;(2):2742–2745.
6. Должикова С.Н. Манипулятивные стратегии медиатекста. *Сфера услуг: инновации и качество*. 2011;(3):3–23.
7. Куликова Э.Г. Вербальное манипулирование как нарушение этико-речевых норм. *Гуманитарные и социальные науки*. 2017;(3):66–75.
8. Гончарова Л.М. Стратегии и тактики рекламных текстов туристской сферы. *Сервис в России и за рубежом*. 2011;(7):202–209.
9. Свириденко В.С. Речевое манипулирование в СМИ: семантика, методы и способы противостояния. *Вестник современных исследований*. 2018;7.1(22):476–479.
10. Диманте И.В. Инструментарий профессионального коммуникатора (приемы речевого воздействия). *Коммуникативные исследования*. 2015;4(6):52–64.
11. Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/pirogova/>.
12. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. В.И. Герасимова, ред. М.: Прогресс; 1989.
13. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; 1999.
14. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС; 2005.
15. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация. Учебник. М.: ИНФРА-М; 2009.

REFERENCES

1. Tarasova K.P. The development of print advertising as a speech genre on the material of the Russian newspapers of the XVIII–XX centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018;2:225–230. (In Russ.).
2. Beliaeva I.V. The phenomenon of speech manipulation: Linguistic and legal aspects. Monograph. Rostov na Donu; 2008. (In Russ.).

3. Stepanova E. V. Motivation of communicative strategies of manipulation in advertising. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, seria 2, Yazikiznanie*. 2009;1(9):156–159. (In Russ.).
4. Adrienko A. A. Manipulativeness as an inherent characteristic of modern social advertising texts (based on English advertising discourse). *Tavrisheskii obozrevatel*. 2017;4(21):69–73. (In Russ.).
5. Galaktionova G. V., Dorodneva N. V., Ovsyannikova N. A. Comparative analysis of verbal and nonverbal components of advertising in glossy magazines (based on the material of English and Russian languages). *Fundamentalnie issledovaniya*. 2015;2:2742–2745. (In Russ.).
6. Dolzhikova S. N. Manipulative strategies in the mass media texts. *Sfera uslug: innovatsii i kachestvo*. 2011;3: 3–23. (In Russ.).
7. Kulikova E. G. Verbal manipulation as a violation of ethical and speech norms. *Gumanitarnie i sotzialnie nauki*. 2017;3:66–75. (In Russ.).
8. Goncharova L. M. Strategies and tactics of advertising texts of the tourist sphere. *Servis v Rossii i za rubezhom*. 2011;7:202–209. (In Russ.).
9. Sviridenko V. S. Speech manipulation in the media: Semantics, methods and methods of confrontation. *Vestnik sovremennih issledovaniy*. 2018;7.1(22):476–479. (In Russ.).
10. Dimante I. V. The tools of the professional Communicator (techniques of verbal influence). *Kommunikativnie issledovaniya*. 2015;4(6):52–64. (In Russ.).
11. Pirogova Yu. K. Strategies of communicative influence in advertising: Typologization experience. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/pirogova/> (accessed on 29.10.2019). (In Russ.).
12. Van Deik T. A. Language. Cognition. Communication. V. I. Gerasimov, ed. Moscow: Progress; 1989. (In Russ.).
13. Vereshagin E. M., Kastoimarov V. G. In search of new ways of development of multi-language linguistics: The concept of verbal tactics. Moscow; 1999. (In Russ.).
14. Issers O. S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow: URSS; 2005. (In Russ.).
15. Goihman O. Ya., Nadeina T. M. Verbal communication. A tutorial. Moscow: INFRA-M; 2009. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марина Владимировна Мельничук — доктор экономических наук, кандидат педагогических наук, профессор, Финансовый университет, Москва, Россия

MVMelnichuk@fa.ru

Ирина Иосифовна Климова — кандидат филологических наук, профессор, Финансовый университет, Москва, Россия

IKlimova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Marina V. Melnichuk — Doctor of Economics Sciences, Professor, Financial University, Moscow, Russia

MVMelnichuk@fa.ru

Irina I. Klimova — Candidate of Philology, Professor, Financial University, Moscow, Russia

IKlimova@fa.ru

Статья поступила 10.10.2019; принята к публикации 30.10.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.10.2019; accepted for publication on 30.10.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-116-124
УДК 327(045)

Российско-китайские отношения: временные попутчики или антиамериканская Антанта?*

Г.В. Мирзаян

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-4833-0220>

АННОТАЦИЯ

На сегодняшний день Китай является, пожалуй, одним из основных российских партнеров на внешней арене. Однако в России до сих пор нет общего мнения о том, что это за партнер. Одни называют его добрым другом, опорой Москвы, чуть ли не спасителем на фоне российско-западного конфликта. Другие позиционируют Китай в качестве агрессивного хищника, заинтересованного в максимальном ослаблении России либо для ее дальнейшего грабежа, либо для дальнейшего поглощения. Даже территориального. Третьи же призывают не бросаться из крайности в крайность. Китай России не друг – слишком разные у нас интересы. Не противоречащие друг другу, а именно разные. С другой стороны, именно по причине отсутствия таких противоречий Китай и не является врагом. Нам практически нечего делить, мы не угрожаем друг другу. Поэтому Китай – это, скорее, возможность. Сотрудничество с Пекином (к которому нас так толкает Вашингтон) укрепит российскую внешнюю политику, сбалансирует ее западное направление. Однако все позитивные аспекты подобного сотрудничества проявятся лишь в том случае, если Москва не будет забывать свои национальные интересы. И не будет жертвовать ими ради призрачной дружбы – или же призрачного конфликта.

Ключевые слова: Китай; Россия; США; ШОС; Средняя Азия; национальные интересы

Для цитирования: Мирзаян Г.В. Российско-китайские отношения: временные попутчики или антиамериканская Антанта? *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):116-124. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-116-124

ORIGINAL PAPER

Russian-Chinese Relations: Temporary Companions or Anti-American Entente? **

G. V. Mirzayan

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-4833-0220>

ABSTRACT

Today, China is perhaps one of the leading Russian partners in the international arena. However, there is still no general opinion in Russia about what kind of partner it is. Some call him a good friend, a pillar of Moscow, almost a Savior against the background of the Russian-Western conflict. Others position China as an aggressive predator interested in maximising Russia's weakness, either for further plunder or further absorption – even territorial. Still, others urge not to rush from extreme to extreme. China is not Russia's friend. Our interests are too different – not contradictory, but different. On the other hand, it is precise because of the absence of such contradictions that China is not an enemy. We have practically nothing to share – we do not threaten each other. So, China is more of an opportunity. Cooperation with Beijing (to which we are so pushed by Washington) will strengthen Russian foreign policy, balance its Western direction. However, all the positive aspects of such cooperation will be only manifested if Moscow does not forget its national interests. And, he would not sacrifice them for a ghostly friendship – or a ghostly conflict.

Keywords: China; Russia; USA; SCO; Central Asia; national interests

For citation: Mirzayan G.V. Russian-Chinese relations: Temporary companions or anti-American Entente? *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):116-124. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-116-124

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17–37–01001–ОГН «Лоббизм и санкции США и ЕС: сравнительный анализ» 2017–2019 гг.

** The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state assignment of the Financial University.

ВВЕДЕНИЕ

Ни для кого не секрет, что Пекин системно наращивает свою мощь — экономическую, военную, политическую. Вплоть до создания институтов глобального управления, параллельных американским. «В последние годы экономическое могущество КНР и готовность его распространять привели к тому, что у малых и средних стран за пределами китайской периферии появилась альтернатива международным экономическим институтам, контролируемым Соединенными Штатами и их союзниками», — говорит Тимофей Бордачев [1].

Да, китайцы стремились это делать так, чтобы не вступать в конфликт с Соединенными Штатами. «Китайцы не ищут точку опоры, чтобы перевернуть мир. Их идеал — позволить свершаться всем переменам в мире и, значит, скрытно их направлять. Речь идет, по сути, о методе владения стратегической инициативой и даже инновационного развития», — считает российский китаист Владимир Малявин [2]. Однако потенциал этой стратегии исчерпан. Вашингтон перешел к открытому давлению на КНР. Например, через санкции — не только торговые, но и гуманитарные. Конгресс США принял Акт о правах уйгуров (<https://www.govtrack.us/congress/bills/116/s178>), который легитимизирует вмешательство США в уйгурский вопрос и позволяет вводить санкции против тех компаний КНР, которые, по мнению американцев, участвуют в репрессивной политике китайских властей по отношению к уйгурам. Подобное агрессивное поведение Вашингтона показывает, что Америка больше не рассматривает своих китайских партнеров как «ответственных игроков» (responsible stakeholder) и потеряла надежду на либерализацию китайских властей. При этом «более глубокое сотрудничество с Китаем будет сопровождаться еще большими столкновениями на уровне ценностей — на съезде (XIX съезде КПК — прим. авт.) сам Цзиньпин сказал, что Китай все равно никогда не будет механически перенимать западную политическую модель», — уверен заместитель директора Института стран Азии и Африки Андрей Карнеев [3]. Либерализация же Китая, как известно, рассматривалась Вашингтоном не столько с гуманитарной, сколько с политической точки зрения — как трансформация партнера в более понятного и (за счет институтов гражданского общества) более управляемого.

С другой стороны, в Пекине тоже осознали, что период бесконфликтности исчез, и готовы к более серьезным столкновениям с американцами. И не только американцами — активное продвижение КНР в Восточной Азии вызывает сопротивление местных государств. Китай боится, а страх, как известно, приводит либо к агрессии, либо к предательству. «Экспансия должна принимать современные формы многостороннего сотрудничества, иначе она неизбежно приведет к жесткому противодействию со стороны их малых, средних и даже великих соседей. Попытки уравновесить Китай можно наблюдать уже сейчас, когда Индия и Япония приветствуют продвигаемые США концепции», — говорит Тимофей Бордачев [1]. Да, президент США Дональд Трамп отказался от Транстихоокеанского партнерства (проекта экономической интеграции ряда стран региона, который, по словам Обамы, был рассчитан на сдерживание КНР), однако нынешний хозяин Белого дома просто меняет инструмент сдерживания. Сама цель США — ограничить китайскую экспансию и взять КНР в стратегическое окружение — остается неизменной. Не имея возможность сменить режим в Пекине, Вашингтон просто взял курс на стратегию сдерживания.

К счастью для Китая, США сами толкают в объятия Пекина важнейшего партнера — Россию, которую американцы тоже пытаются всячески ограничивать. «Чем сложнее российско-американские отношения, тем больше Китай может рассчитывать на российскую поддержку в случае каких-то разногласий с Соединенными Штатами», — говорит Дмитрий Саймс [4]. И вот уже Запад всерьез опасается синтеза китайской экономической мощи и демографического потенциала с российскими военными технологиями, ядерными силами, ресурсными богатствами, политическими возможностями и, наконец, территориальным потенциалом. «Приоритет сдерживания в американской политической мысли подрывает его внешнеполитическую линию, лишая ее нюансов и гибкости. Качества, необходимых для адаптации к меняющейся международной среде. И, в отсутствие динамичного и информированного руководства, мы идем полуавтоматическим курсом к глобальной конфронтации с созданием китайско-российской Антанты», — пишет Эван Санки, научный сотрудник Института Джона Хопкинса [5]. Запад уже проходил такую «коммунистическую

Антанту» в конце 40-х — 50-х гг. И когда «Антанта» рухнула, когда Москва и Пекин начали конфликтовать друг с другом, в Вашингтоне выдохнули. Как верно писал Джордж Кеннан [6], сам по себе китайско-советский разрыв был важнейшим элементом сдерживания, поскольку создавал контрбаланс Советскому Союзу в лице коммунистического Китая.

ПОПУТЧИКИ

К сожалению, для американских партнеров, сейчас державы не балансируют, а дополняют друг друга. Взаимодействие России и Китая носит стратегический характер и основано на принципах равноправия, добрососедства и доверия», — говорит Путин [7]. «Российское и китайское общества политически консолидированы и едины в своем отношении к важнейшим мировым проблемам», — поясняет бывший министр иностранных дел России Игорь Иванов. Причем, по словам Иванова, у Москвы и Пекина даже в чем-то похожи внешнеполитические модели. «В силу особенностей политического развития Россия и Китай в состоянии строить политику на основе стратегического планирования на годы и даже на десятилетия вперед, что недоступно западным демократиям. А нынешняя ситуация в мире настойчиво требует именно долгосрочного планирования и комплексных подходов, а не ситуативных тактических решений», — уверен бывший министр иностранных дел России [8].

Однако насколько релевантно здесь сравнивать российско-китайские отношения с Антантой? Возможно, у Запада наблюдается, скорее, повторение исторических фобий 50-х гг., связанных с опаснейшим для него советско-китайским союзом после Второй мировой войны.

На первый взгляд, сравнение выглядит несколько натянутым. «Ни российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г., ни многосторонние соглашения, участницами которых являются обе страны [включая Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и институты в рамках БРИКС] не имеют серьезных признаков подлинного военного альянса», — говорит научный сотрудник Института Востоковедения РАН Владимир Нелидов [9]. Недавние совместные российско-китайские учения тоже не стоит оценивать как доказательство этого альянса (в Москве их позиционируют скорее как свидетельство обычного партнерства и ненаправленности учений

против КНР). О неформальном союзе также речь не идет — в Пекине к нему не стремятся. «Есть консенсус в китайской партийной элите, что нынешний уровень стратегического партнерства, он адекватный и не нужно повышать до союзнических, но и не ухудшать», — продолжает Юрий Тавровский. Наконец, страны ориентированы на разные регионы. Так, Россия не готова вставать на сторону Китая в конфликтах в Восточной Азии (с Японией, Вьетнамом, странами АСЕАН), а КНР не собирается защищать интересы РФ в конфликте с Западом.

Однако все несколько тоньше. «Технически союзник — это страна, с которой у вас подписан соответствующий договор. Но на самом деле термин гораздо шире. Это страна, с которой вы можете продуктивно взаимодействовать по ряду вопросов», — говорит директор по исследованиям Европейского совета по международным делам Джереми Шапиро [10]. И РФ с КНР могут так взаимодействовать.

Весьма перспективным пространством для сотрудничества видится Средняя Азия — Москва и Пекин крайне заинтересованы в стабилизации и развитии региона. Хотя бы потому, что они могут стать первыми внешними жертвами любой радикализации там. У России со странами Средней Азии — безвизовый режим, к тому же в ее составе есть множество мусульманских регионов, на которые может легко перекинуться вирус экстремизма. У Китая тоже есть свои мусульмане, прежде всего в Синьцзян-Уйгурском автономном округе. Кроме того, китайцы собираются переориентировать свою торговлю с Европой с морских на сухопутные маршруты, для чего и строят «Новый шелковый путь».

ЭКСТРЕМИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Именно поэтому Москва и Пекин делают все возможное для того, чтобы, например, подавить в этом регионе вирус экстремизма. Москва демонстрирует свою надежность в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), всячески способствует экономическим реформам, пытается идти навстречу в болезненных вопросах (сохраняет безвизовый режим, соглашается на уступки по Каспийской декларации), пытается достичь мирного разрешения конфликта в Афганистане через компромисс между талибами и официальным Кабулом. Китай же накачивает регион деньгами и инвестициями

(в ряде государств большая часть их внешних долгов уже принадлежит Пекину), а также участвует в военном строительстве.

Однако есть и те, кто, наоборот, играет на дестабилизацию ситуации. Прежде всего, конечно же, речь о Соединенных Штатах. Вашингтон прекрасно понимает, что Средняя Азия — уязвимая точка двух его геополитических противников, поэтому дестабилизация региона и рост в нем террористической угрозы видится одним из способов для ослабления России и стратегического окружения КНР.

Конечно же, США говорят совсем иное: «Мы хотим, чтобы страны Центральной Азии развивались как стабильные, успешные, уважающие права человека и дружелюбно настроенные партнеры США. Ибо, если они не будут таковыми, то пострадают сами Соединенные Штаты. Мы уже видели, что случилось с Афганистаном в 90-е гг., что произошло в других регионах мира, где мы отстранялись и игнорировали причины, вызывающие нестабильность», — отмечает посол США в Узбекистане Даниэль Розенблум (https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/082318_Rosenblum_Testimony.pdf). Пассаж про «страдания США» действительно актуален. «После серии терактов этнических узбеков в США и ЕС американские власти заинтересованы, чтобы страна эффективно сотрудничала в сфере безопасности и была более открыта и предсказуема для сотрудничества», — поясняет узбекский политолог Рафаэль Саттаров. Однако если американцам удастся добиться, чтобы узбекские террористы взрывали Узбекистан или соседние страны, то никаких страданий у них не будет.

Именно поэтому американцы сейчас пытаются закрепиться в регионе, срывают мирные соглашения по Афганистану, а также способствуют любым либеральным реформам среднеазиатских руководителей (прежде всего, в Узбекистане). И для того, чтобы защитить регион от радикализма и американских планов, Москве и Пекину придется работать не только эффективно, но и сообща. Учитывая, что в последние годы российское и китайское руководство смогли если уж не синхронизировать, то, по крайней мере, сблизить свои взгляды по Средней Азии (российскую Евразийскую интеграцию и китайский Шелковый путь), то у них есть все шансы для того, чтобы не допустить превращения Средней Азии в новую Ливию.

ШАНХАЙСКИЙ ДУХ

Важнейшим форматом российско-китайского сотрудничества в регионе является формат ШОС, имеющий куда больший потенциал, нежели обычная «местная» организация. Так, саммит ШОС в Циндао проходил фактически на контрасте с канадскими посиделками «Большой семерки». И четко показал разницу между двумя организациями. Естественно, не в пользу G7.

Если «семерка» проходила в атмосфере скандала и раздора, то шанхайская «восьмерка» (Россия, Китай, Киргизия, Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, Индия и Пакистан) демонстрировала единство и взаимопонимание. Если на саммите G7 все пытались учить друг друга жизни, то в Циндао участники демонстрировали так называемый «шанхайский дух» — поведение, основанное на взаимном уважении суверенитета и поиске общей выгоды для всех участников. Некоторым может показаться, что ШОС пытается подменить G8 — и это так и есть. Ведь саммит в Циндао привел к трансформации структуры. «Речь идет о кардинально новых доктринах и организациях. После саммита в Циндао ШОС — это не старый ШОС, где было перетягивание одеяла между РФ и Китаем. Это четыре ядерные державы», — говорит Эксперту Online профессор РУДН Юрий Тавровский.

Инициатором превращения ШОС в глобальную евразийскую организацию был, прежде всего, Китай. Как известно, Си Цзиньпин в 2017 г. провозгласил новую внешнюю политику КНР — более активную, более соответствующую статусу Китая как державы № 2 (а то и № 1) современного мира. А, значит, Китай готов принимать большее участие в формировании основ порядка в этом мире. Тем более, если речь идет о евразийском, «домашнем» регионе Китая, который, по мнению Пекина, может к тому же стать неким тестовым полигоном для его глобальных амбиций. «На саммите в Циндао Си Цзиньпин сделал очень важное заявление о том, что нужно добиваться создания сообщества единой судьбы ШОС. Сам по себе этот лозунг — создание сообщества единой судьбы человечества — был утверждён в качестве важнейшего элемента внешнеполитической доктрины Китая на XIX съезде и стал одним из столпов всей внешней политики Китая. Употребляя его в отношении ШОС, Си показывает, что ШОС для него — один из механизмов достижения этой единой судьбы, в которой

Китай, понятно, будет играть очень важную роль», — говорит Юрий Тавровский.

Именно поэтому ШОС сейчас, по всей видимости, под началом Китая более активно займется евразийскими процессами, как экономическими (Пекин готов вкладывать десятки миллиардов долларов в региональные проекты), так и в области безопасности. Например, в Циндаоской декларации было указано, что ШОС будет бороться против трех сил зла — сепаратизма, экстремизма и терроризма, которых, как известно, на евразийском пространстве предостаточно. И в этом как раз — заинтересованность Москвы в китайских планах. Да, кому-то в России, может, не нравится глобалистский проект Китая, но он фактически неизбежен. И Кремль может быть либо его частью (извлекая для себя выгоды), либо остаться на периферии всех китайских политико-экономических проектов.

Впрочем, были и решения, которые в декларацию не включили. Например, о создании совместных силовых структур. «У ШОС нет своих вооруженных сил. И создание механизмов в области безопасности — это будущее, возможно недалекое. Ситуация в индо-тихоокеанском бассейне меняется очень быстро. И для РФ и Китая было бы правильным подумать о взаимодействии в области безопасности. Скорее всего, этот вопрос обсуждался во время закрытой части переговоров», — говорит Юрий Тавровский.

«РЕЗИНОВЫЕ»

Немаловажным вопросом для ШОС (теперь, как для глобальной структуры) становится вопрос расширения. Торопиться тут, впрочем, не надо.

Как известно, в 2017 г. ШОС расширилась за счет присоединения Индии и Пакистана. Одним из главных адвокатов расширения была Москва, которую беспокоила чрезмерная мощь Китая в организации. «Индия — наш стратегический партнер, ее участие в ШОС, во-первых, позволяет рассчитывать на улучшение ее отношений с другим нашим стратегическим партнером — Китаем, а во-вторых, создать баланс в организации. Членство Пакистана нам, в общем, особых выгод не несет, это был размен: Китай соглашается на принятие Индии, мы — на принятие Пакистана», — поясняет эксперту Online научный сотрудник ИМЭМО Алексей Куприянов.

Это решение вызвало много вопросов. Ряд экспертов считали, что игра не стоила свеч, что включение Индии и Пакистана станет концом

шанхайского форума, ибо индо-пакистанские противоречия выплеснутся на переговорах и фактически заблокируют весь процесс принятия решений в Организации. Однако этого не произошло. Индия и Пакистан вели себя крайне конструктивно, ничего не блокировали и поставили свои подписи под всеми итоговыми документами, принятыми в Циндао.

Более того, министр иностранных дел КНР Ван И уже заявил, что ШОС может стать площадкой для нормализации индо-пакистанских отношений [11]. Собственно, уже стала. «В рамках учений ШОС впервые индийские и пакистанские солдаты будут участвовать вместе в маневрах», — поясняет Алексей Куприянов. Да, до нормализации — «как до Китая пешком», однако та же стабилизация индо-пакистанских отношений уже станет серьезным подспорьем для решения проблем безопасности в евразийском регионе. Более того, она серьезно облегчит сторонам борьбу с угрозами, исходящими из Афганистана (который, как известно, тоже является полем индо-пакистанского противостояния).

Некоторые эксперты считают, что Индией и Пакистаном расширение ШОС не должно ограничиваться, что организация может одновременно развиваться как интенсивно, так и экстенсивно. «Можно идти на двух ногах. ... Если добавится Иран, Армения, КНДР, Монголия — я не вижу проблем, которые понизят качество работы организации», — говорит Юрий Тавровский.

Очередь на вступление в ШОС действительно большая. Помимо уже упомянутого Ирана, интерес к вхождению в организацию уже выразил министр иностранных дел Камбоджи Прак Сокхон. По его словам, Камбоджа может стать мостиком между ШОС и АСЕАН (http://www.xinhuanet.com/english/2018-06/10/c_137244965.htm). Китаю, конечно, это интересно — Камбоджа является одной из стран Юго-Восточной Азии, где влияние Пекина очень велико, и посему Китай использует ее для продвижения своих интересов в АСЕАН. Но вот насколько это надо той же России? Если Кремль действительно согласен с китайской позицией и хочет сделать из ШОС глобальную структуру — то, наверное, надо. Но если Москва рассматривает ШОС все-таки не как инструмент китайской глобальной экспансии, и не инструмент влияния на АСЕАН, а как формат для стабилизации ситуации в центральной части Евразии, то распыляться не надо.

ВМЕСТЕ – НА АМБРАЗУРУ

Еще более перспективными видятся двусторонние отношения. «Си рассматривается как друг России и лично Путина, это важный фактор в двусторонних отношениях», — признает ведущий китаист Российского Центра Карнеги Александр Габуев. Путин, собственно, и сам об этом говорит. «Вы знаете, что при встречах мы публично называем друг друга друзьями. Это соответствует уровню наших отношений, которые сложились между нами на человеческом уровне», — отмечает российский президент (<http://kremlin.ru/events/president/news/55882>).

Россия, конечно, надеется, что эти отношения приведут не только к активизации экономических контактов, но и к углублению политического взаимодействия. Вопреки общепринятым представлениям, тут есть серьезные проблемы. Да, Россия и Китай разделяют общую позицию по целому ряду важнейших вопросов — от негативного отношения к размещению глобальной американской противоракетной обороны (ПРО) — до методов решения сирийской гражданской войны. Однако когда дело доходило до защиты этой позиции, например в Совете Безопасности ООН, Китай зачастую отходил в сторонку, занимал нейтральную позицию (в том числе, по важнейшему для России гологованию по вопросу о химоружии в Сирии, когда Пекин не стал вместе с Москвой ветировать американскую резолюцию) и бросал Москву в одну «на амбразуру».

Позицию Китая можно понять — он действовал по завету Дэн Сяопина и не лез прямо в те дела, которые его не касались. Однако в 2017 г. Си Цзиньпин обозначил начало новой, более активной внешней политики Китая, и сейчас, когда Трамп (а вместе с ним и Америка) оказались в международной изоляции, выходить на внешнюю арену «само Небо велело».

Теперь главное — чтобы Си Цзиньпин перешел от слов к делу. Да, в совместном с Путиным заявлении было прописано, что Китай выступает за сохранение сделки с Ираном, против размещения ПРО и т.п. Что Китай будет делать для имплементации своей позиции? Уйдут ли китайские фирмы из Ирана под угрозой американских санкций? Будет ли Пекин вводить контрсанкции против США? И, наконец, встанет ли с Москвой плечом к плечу «перед амбразурами» в ООН?

ДВУГЛАВАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Впрочем, у некоторых экспертов возникают и другие сомнения. Например, относительно прочности российско-китайского сотрудничества, естественно, не в краткосрочной, а в долгосрочной перспективе. Тема, действительно, дискуссионная.

А как эти отношения будут развиваться в будущем? С одной стороны, есть все поводы для оптимизма. У России и Китая множество общих интересов, возможные двусторонние противоречия (например, на рынках Средней Азии) урегулируются на базисе необходимости сохранения стратегического партнерства. Однако есть и определенные опасения.

Так, существуют проблемы относительно восприятия в Москве китайской политики на российском Дальнем Востоке. Местные жители и побывавшие в регионе московские политологи говорят о фактически хищнической китайской линии — выкачивании ресурсов, инвестировании через свои компании с использованием специально привезенной из КНР рабочей силы. Даже туристы едут в китайские гостиницы через китайские компании, что приводит к минимальному количеству оставляемых в России денег. Да, мы понимаем, что Китай себя ведет так во многих странах мира (такова его инвестиционная модель, нацеленная, прежде всего, на стимуляцию китайской, а не местной экономики), однако и в Пекине должны понять, что Россия — это не обычная страна. Это стратегический тыл Китая, без наличия которого Пекину невозможно будет бороться с соперниками на южных и восточных фронтах. Китаю нужно делать все для того, чтобы тыл был долгосрочным — а значит, работать не только с элитами (которые все равно остаются прозападными), но и улучшать свой имидж среди простого российского населения.

Казалось бы, успехи тут налицо — согласно проведенному «Левада-Центром» летом 2018 г. опросу почти 40% россиян считают КНР одной из наиболее близких России стран (впереди только Белоруссия с 49%), и лишь 1% считают его одним из главных врагов (<https://www.levada.ru/2018/06/14/druzya-i-vragi-rossii-3/>). Однако эти цифры не должны вводить в заблуждение — они связаны, скорее, со слишком недружественной позицией Запада, прокитайской пропагандой российских СМИ, а также недостаточной информированностью жителей Центральной России относительно китайской

политики на Дальнем Востоке. В случае нормализации российско-западных отношений фокус общественного внимания поменяется и (если Пекин продолжит нынешнюю линию на Дальнем Востоке) в России будет наблюдаться рост китаефобских настроений. Это не нужно ни Москве, ни Пекину.

КАКОЙ ЛИДЕР?

Еще одной проблемой являются глобальные амбиции КНР. Пекин создает свою сферу влияния, которая простирается на всю Евразию. Проект «Один пояс — один путь» охватывает 65 стран, в которых проживает 70% населения Земли. И китайская инвестиционная помощь в его рамках в десятки раз больше, чем та, которую США предоставляли в ходе Плана Маршалла [12].

«Китай совершенно открыто претендует на роль модели. И это вполне сочетается с его стремлением стать одним из мировых лидеров. Здесь политика Китая приобретает черты мессианства, свойственные большим державам. Это было свойственно Советскому Союзу, руководители которого говорили, что обладают научной истиной, освещающей путь другим странам. Китай воспроизводит в какой-то мере то, что происходило в Советском Союзе, и то мессианство, которое свойственно ныне США», — говорит ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Александр Ларин [13]. Такую позицию разделяет определенная часть российских чиновников и экспертов. Они говорят, что если выбирать между западным и китайским мессианством, то нужно сохранить первое, ибо оно более понятно и близко. Судя по всему, этот тезис еще не раз будет использован западной пропагандой на российском пространстве — у российской элиты существует определенный страх перед Китаем.

Этот страх лишь укрепляется благодаря другим заявлениям Председателя Си. Например, о «возрождении национального величия». «Сам лозунг великого возрождения подразумевает выход из состояния национального унижения. А унижение, по мнению китайцев, началось в XIX в., с начала Опиумных войн. Все это время империалистические хищники терзали Китай, и среди этих хищников была Россия, которая, по мнению Пекина, принудила Китай передать ей территории в Манчжурии. И не исключено, что возрождение китайской нации приведет к новому витку территориальных требований к Москве.

Где гарантия, что после решений своих территориальных проблем в Южно-Китайском море китайцы не будут бегать за Хабаровском?», — говорит один из российских экспертов на условиях анонимности. Где гарантии, особенно после того, как китайцы к 2035 г. проведут обещанную модернизацию своих вооруженных сил? После того, как Москва нормализует отношения с Западом и снова будет проводить проактивную политику на европейском направлении (в ущерб интересам китайцев). К тому же большинство опрошенных экспертов считают неизбежными столкновение российских и китайских интересов на центральноазиатском направлении, особенно в том случае, если Китай (вложивший в регион миллиарды долларов и тянувший через него Новый шелковый путь) захочет лично контролировать идущие в регионе процессы.

Кроме того, возникает вопрос: насколько тесные российско-китайские отношения завязаны на Трампе? По мнению некоторых экспертов, во многом [14]. Министр обороны Китая Вэй Фэнхэ прямым текстом заявил, что целью одного из его визитов в Москву было «показать американцам тесную связь между вооруженными силами Китая и России» [15]. Американцы, в свою очередь, очень обеспокоены российской и китайской активностью — причем не только в Евразии и в районе Южно-Китайского моря, но и на американском «заднем дворе», в Южной и Центральной Америке [16]. Естественно, любое противодействие США будет сближать Москву и Пекин с их схожими интересами. Но что произойдет, когда противодействие прекратится? Уйдет ли Москва на Запад? Если в политическом плане ее там ждут, то китайцев — нет. «Ни США, ни Евросоюз особо не тянутся к политическому сближению с Китаем. Во многом у них принципиально разные позиции. То есть экономически сотрудничать, торговать — пожалуйста. А вот политические интересы — врозь», — считает замдиректора Института Дальнего Востока РАН Андрей Островский [17].

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ

США (не Трамп, а именно США с их нынешним вектором внешней политики) не смогут найти глобальный *modus vivendi* ни с Китаем, ни с Россией. И реальный вопрос тут в том, смогут ли Москва и Пекин проводить общую линию во всех сферах и во всех регионах, где они так или иначе противостоят США и где их интересы сходятся?

Но Запад — это не только США. Так, по словам Си Цзиньпина, китайско-российские отношения были приоритетом для обеих сторон «вне зависимости от изменения международной ситуации» [18]. И в этих словах при желании можно найти намек на достаточно распространенное в КНР мнение: как только произойдет нормализация российско-европейских отношений, Кремль снова развернется лицом к Европе и «пятой точкой» — к Китаю. Все-таки при всей своей евразийскости Россия — прежде всего, европейская держава. Как по менталитету, так и по структуре внешней торговли.

Символический ответ состоит в том, что герб России — двуглавый орел, который в равной мере смотрит и на Запад, и на Восток. Политический — в том, что да, раньше Москва не слишком последовательно придерживалась этого принципа, но кризис отношений с Западом показал важность двухвекторности. Как минимум, Китай в Центральной Азии нельзя оставлять в одиночку. Есть и очень серьезные экономические аргументы в пользу того, что отношения становятся долгосрочными: в ходе визита сделаны шаги в подготовке большого рамочного торгового договора между РФ и КНР, о котором говорят, что по масштабам он будет напоминать Транстихоокеанское партнерство, из которого вышли США при Трампе. Коли так, то просматривается и расширение круга его

участников, тем более, что обе страны активны в международных евразийских проектах. И, в отличие от российско-турецких отношений, тут российский проект Евразийского союза и китайский Новый шелковый путь не противоречат друг другу, а, скорее, дополняют. Что и позволяет сторонам демонстрировать единство. «Сложилась удивительная ситуация, и дай Бог, чтобы она продлилась как можно дольше: мы по любой, даже, на первый взгляд, спорной позиции всегда находим консенсус, всегда договариваемся, ищем какие-то варианты компромиссов и находим их», — отмечает Владимир Путин (<http://kremlin.ru/events/president/news/55882>).

«Си Цзиньпин сделал очень важное заявление о том, что нужно добиваться создания сообщества единой судьбы ШОС. Сам по себе этот лозунг — создание сообщества единой судьбы человечества — был утвержден в качестве важнейшего элемента внешнеполитической доктрины Китая на XIX съезде. После чего стал одним из столпов всей внешней политики Китая. И, употребляя его в отношении ШОС, Си показывает, что ШОС для него — один из механизмов достижения единой судьбы человечества, в котором Китай, понятно, будет играть очень важную роль», — говорит Юрий Тавровский. Развитием ШОС Китай пытается «подтянуть к себе побольше партнеров для решения международных проблем».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Бордачев Т. «Две войны» Запада и России. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Dve-voiny-Zapada-i-Rossiya-19666>.
Bordachev T. "Two wars" of the West and Russia. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Dve-voiny-Zapada-i-Rossiya-19666>. (In Russ.).
2. Малявин В. Путь «невидимого гегемона». URL: <https://globalaffairs.ru/number/Put-nevidimogogegemona-19742>.
Malyavin V. The way of the "invisible hegemon". URL: <https://globalaffairs.ru/number/Put-nevidimogogegemona-19742>. (In Russ.).
3. Гомозова Т. Китай пойдет особым путем. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3443619>.
Gomozova T. China will go a special way. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3443619>. (In Russ.).
4. Simes D. The costs of ignoring Russia. URL: <https://nationalinterest.org/feature/the-costs-ignoring-russia-21888>.
5. Sankey E. The Cold War Choice (with China). URL: <https://nationalinterest.org/feature/cold-war-choice-china-33361>.
6. Heer P. Containment and China: What Would Kennan Do? URL: <https://nationalinterest.org/feature/containment-china-what-would-kennan-do-25431>.
7. Фаляхов Р. «Шанхайский дух»: Россия без Китая не строится. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/06/09/11792551.shtml>.
Falyakhov R. "Shanghai spirit": Russia is not built without China. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/06/09/11792551.shtml>. (In Russ.).

8. Иванов И. Россия, Китай и новый миропорядок. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-kitay-i-novyy-miroponyadok/>.
Ivanov I. Russia, China and the new world order. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-kitay-i-novyy-miroponyadok/>. (In Russ.).
9. Нелидов В. Региональная безопасность в Северо-Восточной Азии и треугольник «Россия — США — Япония». URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/regionalnaya-bezopasnost-v-severo-vostochnoy-azii-i-treugolnik-rossiya-ssha-yaponiya/>.
Nelidov V. Regional security in northeast Asia and the triangle “Russia-USA-Japan”. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/regionalnaya-bezopasnost-v-severo-vostochnoy-azii-i-treugolnik-rossiya-ssha-yaponiya/>. (In Russ.).
10. Шапиро Д. «„Война по доверенности” на Украине станет катастрофой». URL: <https://globalaffairs.ru/number/Voina-po-doverennosti-na-Ukraine-stanet-katastrofoi-19512>.
Shapiro D. “Proxy War” in Ukraine will be a disaster. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Voina-po-doverennosti-na-Ukraine-stanet-katastrofoi-19512>. (In Russ.).
11. Aneja A. China and Russia see SCO as peace platform for India and Pakistan. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/china-and-russia-see-sco-as-peace-platform-for-india-and-pakistan/article24133835.ece>.
12. Goodman M., Hillman J. Is China Winning the Scramble for Eurasia? URL: <https://nationalinterest.org/feature/the-new-cold-war-was-never-inevitable-21994>.
13. Скосырев В. Китай берет на себя роль мессии. URL: http://www.ng.ru/world/2017-10-18/7_7098_china.html.
Skosyrev V. China takes on the role of Messiah. URL: http://www.ng.ru/world/2017-10-18/7_7098_china.html. (In Russ.).
14. Weilai D. Will Trump Cement the China-Russia Alliance? URL: <https://thediplomat.com/2018/06/will-trump-cement-the-china-russia-alliance/>.
15. Kinling L. US take note: Chinese, Russian militaries are closer than you think, China’s defence minister says. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2140301/us-take-note-chinese-russian-militaries-are-closer-you>.
16. Seldin J. US Wary as Russia, China Set Sights on South, Central America. URL: <https://www.voanews.com/americas/us-wary-russia-china-set-sights-south-central-america>.
17. Покровский А. ШОС как средство движения России на Восток. URL: https://tsargrad.tv/articles/shos-kak-sredstvo-dvizhenija-rossii-na-vostok_138557.
Pokrovsky A. SCO as a means of Russia’s movement to the East. URL: https://tsargrad.tv/articles/shos-kak-sredstvo-dvizhenija-rossii-na-vostok_138557. (In Russ.).
18. Withnall A. China’s Xi declares Putin his “best, most intimate friend” as Russia looks to the East for allies. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/asia/putin-xi-jinping-china-russia-latest-shanghai-cooperation-organisation-summit-india-pakistan-iran-a8389856.html>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Геворг Валерьевич Мирзаян — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
GVMirzayan@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Gevorg V. Mirzayan — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
GVMirzayan@fa.ru

Статья поступила 02.10.2019; принята к публикации 20.10.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 02.09.2019; accepted for publication on 20.10.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ORIGINAL PAPER

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-125-132
УДК 37.013(045)

An Introduction to Teaching English Compound Nouns in EFL

E.M. Zakhtser

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9044-4881>

ABSTRACT

Native speakers of English accept and use noun + noun compound nouns so readily and naturally, that they fail to notice the grammatical incongruity of using one noun to describe another. Learners of English whose native languages have a stricter grammatical basis than English find these constructions not merely difficult to use – but puzzling, and apparently ‘wrong’. This paper aims to correct this position by providing extensive illustrations from everyday English speech to describe how commonplace, such constructions are (and how, in many cases, there is no alternative to using them) – alongside a methodological guide to forming and using compound nouns, with particular reference to their use in the banking, financial and insurance industries in which many learners hope to make their careers. Teaching this topic is currently poorly supported in standard teaching materials – even excellent, and widely-used EFL textbooks make no mention at all of this very commonly-used structure. Compound nouns stand in dire need of an academic pedigree to support them. The paper reviews the two primary kinds of compound nouns found in English (Attributive, and Contextual), with working examples illustrating their varying usages.

Keywords: English language; compound noun; formation and categories of compound nouns; rules and examples

For citation: Zakhtser E.M. An Introduction to teaching English compound nouns in EFL. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):125-132. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-125-132

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Обучение английскому как иностранному. Составные существительные

Е.М. Захцер

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-9044-4881>

АННОТАЦИЯ

Носители английского языка используют составные существительные (существительное + существительное) настолько легко и естественно, что не замечают грамматического несоответствия использования одного существительного для описания другого. Студентов, изучающих английский язык как иностранный, подобные конструкции приводят в замешательство. В данной статье приводятся примеры из повседневной английской речи, помогающие осознать обычность таких конструкций (во многих случаях им просто нет альтернатив). В статье рассматриваются два основных типа составных существительных, встречающихся в английском языке (атрибутивный и контекстуальный), а также предлагается методологическое руководство по образованию и использованию составных существительных в банковской, финансовой и страховой отраслях.

Ключевые слова: английский язык; составное существительное; образование составных существительных; категории составных существительных; примеры составных существительных

Для цитирования: Захцер Е.М. Обучение английскому как иностранному. Составные существительные. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):125-132. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-125-132

**COMPOUND NOUNS –
AN INTRODUCTION TO THE GUIDELINES
(AND WHY WE NEED GUIDELINES AT ALL)**

**The root of the problem – English lacks
sufficient adjectival forms**

To name the Moscow rail station from which trains go to Kyiv, Russians use the name ‘Kievsky Vokzal’ (literally, ‘the Kyiv-ish Station’). But this sounds wrong to English ears, and so guidebooks call it ‘Kyiv Station’ in English. Yet to Russian-speakers, that would mean the central railway station in the city of Kyiv. What may be ‘clear enough’ to anglophones jars with speakers of languages based on stricter grammar?

Compound nouns (noun + noun) are becoming more popular in English – in all genres of writing. Nowadays they increasingly replace formerly-used noun+adjective combinations – particularly where they are used to express a ‘compound concept’, whose meaning is incomplete (or even wholly different) if one part of the compound noun is missing. Native speakers of English are so accustomed to their use that they frequently close their eyes to the grammatical ‘wrongness’ of using pairs of nouns like this. They cause immense frustration – not to say disbelief – to foreign learners of English, whose own languages conventionally use adjectives as noun-describers instead.

Whatever their rights or wrongs, compound noun + noun pairs are core-use elements in modern everyday English. Consider, for example, the compound noun ‘**police car**’. Neither noun, on its own, can give the meaning. Nor is there any officially-acceptable single-noun alternative to describe something straightforward – something that we see almost every day. ‘**Police car**’ does not supersede any previous noun+adjective combinations. The pace of change of modern life creates constant, ongoing demand for new terms to describe objects, concepts, inventions and ideas. Some compound nouns enter dictionaries, thesauruses, glossaries and professional literature as what are often called ‘phrases’ – and in specific official contexts (financial, legal, regulatory, governmental) it could be said that ‘**tax refund**’, ‘**speed limit**’, ‘**government policy**’, ‘**speed bump**’, or ‘**credit limit**’ have gone beyond simply ‘naming things’, and have become established concepts of their own. They can be reliably found in English-English dictionaries. They serve their users well and provide a ‘standardised’ translation of

concepts which are widely understood internationally – although they add enormously to the corpus of vocabulary which is expected to be at the disposal of English speakers. If only we could reach for our dictionaries when we meet a new compound noun, things would be well (although, perhaps, a little slow).

Yet things are not so simple – because such ‘well-established’, or standardised compound nouns, as found in dictionaries, account for only a fraction of those which the students of English Language may encounter even today. There is no complete or even partial list of them to be found at any source. The reason is apparent immediately from their alternative designation as ‘adjectival’ nouns – any attempt to make such a list would mean not only listing every English noun, but also multiplying each entry by several qualifiers. Available textbooks have understandably panicked in the face of such vast numbers of possible results – and instead opted for giving a few examples, and commenting that there could be ‘many more’. Yet our students need more practical and complete assistance in the relatively simple task of recognising them and translating them into other languages – to say nothing of the much more difficult task of constructing their examples.

The objective of this paper is to highlight the GUIDELINES by which English native speakers create their compound nouns – for they certainly do create them, and relish the creative process involved. Closing our eyes to an issue as widespread in English as compound nouns isn’t an option. Nor is memorising lists of prominent examples. By classifying the parameters which define successful models, our students can proceed confidently towards the (advanced) skill of creating the compound nouns they need in their professional work.

In the course of developing these guidelines, the author has extrapolated from material initially presented as helpful comments and answers on the blog written by the pre-eminent English lexicographer and linguist Professor David Crystal – and expanded principles established in isolated cases into a more comprehensive system of guidelines aimed at making this material accessible to non-native learners of English.

**COMMON TYPES OF COMPOUND NOUNS
IN ENGLISH – AND WHY THEY ARE USED
SO OFTEN**

The creative formation of compound nouns in English has a long history and is a trait that English shares with other languages of the Germanic group

Table 1

Compound nouns. combinations

word-form combination (either separate, hyphenated, or joined)	example(s)
noun + noun	toothpaste/tooth paste a police car an opera singer chocolate biscuits
adjective + noun	British Rail (the UK national railways monopoly corporation)
verb (gerund) + noun	training centre
preposition + noun	Underground (the London 'metro' suburban rail system)
noun + verb (gerund)	bed-wetting/bedwetting
noun + preposition	hanger-on (an unwanted/uninvited friend)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

(particularly German and Dutch). Just as in German and Dutch, the formation of compound nouns usually arises out of need — from the lack of an exact word or term to express a particular concept or nuance. A new concept stems from the juxtaposition of the words in the compound noun — one which has a no better available expression in a single-word term. Linguisticians often list several possible such combinations — and although many of these are rather mundane ('noun + adjective'), we should probably list them, for the sake of completeness. As indicated in Table 1, we have focussed primarily on those where an exceptional meaning arises from the combination.

Although we can accept this list of types — which is in general circulation in English textbooks — the genre of particular interest is the **noun + noun** group, for several reasons. The primary one is that in all the other groups, the words function according to their usual type, so there is nothing 'special' that is worthy of our consideration. But the secondary reason is in the **noun + noun** group, one of the nouns has fallen into use as an 'unofficial' adjective. Why has this happened? Aren't there any adequate adjectives which might have been — more correctly? — Used instead? And most crucially, what rules or conventions have been applied that makes the (grammatically incorrect) version of 'chocolate biscuits' preferable to such 'correct' possibilities as

'chocolatey biscuits', 'chocolate-flavoured biscuits', 'biscuits with chocolate', 'chocolate-covered biscuits', or other (grammatically correct) versions?

The extent of different versions which might be used in such cases — and the rarely-documented 'rules' which lie behind such names — necessitate confining the attention of students to the **noun + noun** group alone — since the formation of the other types conforms to the usual rules for the format and placement of adjectives, prepositions and other grammatical forms. Yet lest readers should imagine that an academic paper about 'chocolate biscuits' — and similar cases — is something of a charmingly irrelevant sideshow, we must remember that legal matters — with some results leading to the payment of millions of euros in fines and compensation — have been fought and won (or lost) over whether a 'McVitie's Jaffa Cake', is a 'cake'; a 'Jaffa Cake'; a 'biscuit'; or a 'chocolate biscuit'; under the definitions stipulated in European Union legislation¹:

The product's name was regarded as a minor consideration.

The ingredients were regarded as similar to those of a cake, producing a thin cake-like batter rather than the thick dough of a biscuit.

¹ United Kingdom VAT & Duties Tribunals Decisions — Torq Ltd v UK Revenue and Customs Agency. 2005.

The product's texture was regarded as being that of a sponge cake.

The product hardens when stale, in the manner of a cake.

A substantial part of the Jaffa cake, in terms of bulk and texture, is sponge.

In size, the Jaffa cake is more like a biscuit than a cake.

The product was generally displayed for sale alongside other biscuits, rather than with cakes.

The product is presented as a snack and eaten with the fingers, like a biscuit, rather than with a fork as a cake might be. The tribunal also considered that children would eat them in "a few mouthfuls", in the manner of a sweet.

The court found in favour of McVitie's and ruled that the product should be considered a cake, meaning that VAT is not paid on Jaffa Cakes in the United Kingdom.

It makes the study and mastery of the complex subject of compound nouns of direct and vital relevance to students aiming to find their jobs in finances, accounting, law, or management.

RULES GOVERNING ATTRIBUTIVE NOUNS ('NOUNS WHICH FUNCTION AS ADJECTIVES')

The critical, semantic and syntactical distinction of Attributive Nouns — nouns which function as adjectives — is their function. Despite their linguistic form as nouns, they fulfil the function of adjectives — and thus they behave as adjectives in many ways — of which the most noticeable are that:

1. They do not have number, article or case agreement with the noun they qualify (i.e. they follow the typical 'agreement' pattern for English adjectives).

2. They are placed before the noun they qualify.

3. Where a composite number of descriptors (additional attributive nouns, adjectives, gerunds, or other parts of speech) are used as noun attributes, the conventional hierarchical order of descriptors is re-ordered to place the compound noun (the attributive noun) in prime position (the final position before the primary active noun).

Let us look at working examples, as indicated in Table 2, of Rules 1, 2, and 3 above, using a compound noun grouping in everyday use — '**police car**'. (This example is given since its meaning is instantly understandable, nor there is any single-word alternative in use).

COMMON USES OF ATTRIBUTIVE NOUNS IN NOUN + NOUN EXAMPLES

The two most frequent uses of Attributive Nouns are when describing either the **ownership** or the **function** of the object/service/concept given as the primary noun. These usages (unlike Contextual Nouns) often have legal, professional, or fiscal implications. (Very often, ownership and function overlap. For example, '**police car**' is not only a car *owned* by the police but it also has characteristics (paint-work livery, blue flashing lights, sirens) not found in conventional cars, which have been retro-fitted after manufacture to enable/improve its functional suitability for police work.)

By analogy, the attributive noun 'police' can be applied to other items or services owned, operated, or provided by the police, e.g. police officer, police forensic experts, police station, police cell, police uniform (and all elements of it — police hat, police boots, etc.), police gun, police handcuffs (and many, many others).

In all of these examples, 'police' has effectively been used as an adjective to denote function — in the place of any other suitable adjective, or genitive case. Similar sets of attributive nouns can be compiled for other governmental services and institutional bodies: army officer, army vehicle, army barracks, school teacher, school book, school building, hospital bed, etc.

ASSOCIATIVE INTERPRETATIONS

A further category of **noun + noun** constructions arises from associative interpretations. (These have been extensively catalogued by G.V. Matchenko [4].) This use of compound nouns arises primarily with people (or sometimes other nouns) whose primary value or interest to the reader arises from one narrowly-defined personality trait, habit, professional activity, or idiosyncrasy. Matchenko rightly highlights the possible unfairness of such stigmatising labels as, for example, '**boat people**' (people who arrive on a boat), '**water assistant**' (delivery staff who bring large containers of drinking water to offices) or 'chicken man' (seller of chicken meat at a market stall).

However, the continuing evolution of these terms can go in unexpected, and socially extreme directions. Matchenko's '**boat people**' (which he had codified in 2012 as being 'the crew or passenger-list of a ship or boat') had mutated to a single meaning of 'refugees who flee by boat', and with further-mutated meanings leading towards 'illegal immigrant', 'bogus

Table 2

Working Examples

1) The attributive noun does not form number, article or case agreement with the primary noun.

FOR ARTICLES:

- ‘The crowd quickly scattered when **a police car** arrived.’

the selection of a relevant article is made based on the **primary (second) noun in the compound noun group**.

Normal rules for selection of articles apply. It is of particular importance, since **many attributive nouns are (perhaps not coincidentally) uncountable**, and would therefore not require articles in any case (i.e. no article is used). ‘Police’ could be considered uncountable in some semantic contexts. Compare what happens if the transport used by the police is not important in the example:

‘The crowd quickly scattered when **police** arrived.’ (No article is needed if we are considering only their arrival.

In some contexts, their arrival as the representatives of the state might matter require a definite article, with or without their car: ‘The crowd quickly scattered when **the police** arrived.’

FOR NUMBERS:

‘The crowd quickly scattered when **police cars** arrived.’

- Only **cars** are pluralised – as usually with English adjectives, there is no available plural form for ‘police’ in any case, and even if there were, none could be used in this example. Just to make the point clear, **polices cars** would be entirely wrong. Note also that no article is used – because of the usual ‘no-article’ rule for plural nouns.

FOR CASES:

‘The crowd quickly scattered when they heard **the police car’s siren**.

We often forget that although English ‘lost’ its complex case structure (somewhere in the 13th century), **the genitive case** continues to exist in English, and is expressed using an apostrophe. Just as with non-agreement in numerical cases, **only the primary noun** forms a genitive case here, and the **attributive noun** does not take a genitive case.

(It would be wrong to attempt to form one for the attributive noun – **the police’s car’s siren** would be a severe mistake. But see the explanation further below about non-attributable alternative forms to compound nouns which can be desirable for clarity in certain semantic circumstances.)

KEY INFORMATION FOR STUDENTS:

The use of relevant articles, number agreement, and case agreement make it 100% clear which of the two nouns in a compound noun is the PRIMARY noun. It is therefore of crucial importance, when using a compound noun, to decide in advance, which is the primary noun, and place it second in the compound set – to avoid possible confusions of meaning.

*Occasionally it could be possible that reversing the position of the two nouns is permissible, BUT this is almost always done to achieve a very specific effect of meaning. One such possibility in our example is if two different groups of police arrive at the same moment – one group in vehicles, and the other on horses (British riot police often use horses, so this is not an impossible example). “The crowd scattered when the **mounted police** arrived, but the arrests were made by the **car police** who chased the suspects on foot.” In this case, ‘car’ has become the attribute of the police who arrived in vehicles.*

2) Attributive nouns are placed BEFORE the nouns they qualify.

This position sounds absolutely natural and logical to native speakers, who often have not even realised that a noun has been used instead of the more ‘correct’ adjective they expect in that location.

In the case of the **police car**, the attributive ‘police’ has been used in the absence (in English) of a contemporary adjective derived from the word ‘police’. Of course, in Russian, we would more normally write ‘полицейская машина’. Students need to scan translation texts in advance for such instances and be ready to ‘create’ a compound noun where there is no suitable English adjective to use. (Although these examples are clearly absurd, none of the possible adjectival forms derived from ‘police’ are inadmissible here – ‘police-ish car’, ‘policeman’s car’, etc. The use of the former term ‘constabulary’ in its adjectival form has now become so impossible archaic that it would only sound absurd in modern English – ‘a constabulary car’ has the idea of some ancient vehicle, possibly drawn by horse? A further example of mistakes which can creep into texts. If one has to resort to obscure or outdated terms to create an alternative to a compound noun, it is best not to do so at all.)

KEY INFORMATION FOR STUDENTS

In case the examples in (1) above were not already above, the positioning of the attributive noun in the preceding (‘adjectival’) location to the primary noun gives it a definite ‘adjectival’ function.

3) Attributive nouns may require some reordering of the conventional hierarchical order of descriptors – they usually come last (but not always).

Although often not taught in any formal context, there exists an informally-applied (yet instantly recognisable) hierarchical order of descriptors which are used preceding nouns in English. Although the order is in some ways 'negotiable' (if certain characteristics are deemed of greater importance in context), the order is arranged in a scale of increasing importance (or value) – with the least important information coming first, and the most important descriptors appearing directly before the noun. Of course, very few (if any) examples would use *all*, or even many, of the descriptors (adjectives, attributes etc.) listed here – this list simply shows the order in which they should be placed if they are present at all.

- 1) subjective opinions ('fat', 'conceited', 'charming' etc.)
- 2) size ('bulky', 'thin', etc.)
- 3) shape ('circular', 'square')
- 4) condition ('broken', 'worn-out')
- 5) age ('elderly', 'sprightly', 'Medieval', 'space-age')
- 6) colour ('red', 'blue')
- 7) pattern ('zig-zag', 'check')
- 8) origin ('Italian', 'solar', 'soil') – note that this group might contain **attributable nouns**
- 9) material ('wooden', 'leather', 'oak') – note that this group can contain **attributable nouns**
- 10) purpose ('hunting', 'domestic', 'police') – note that this group often contains **attributable nouns**

It is in the nature of attributable nouns to be among the most important of any list of descriptors. Even so, there can be multiple attributable nouns used to describe the attributes of the primary noun – and in this case the hierarchical order dictates their logical position in the 'procession' of attributes (of all syntactic kinds) which precede the noun.

In literature, authors are free to rearrange this order creatively, for their own ends. In official or technical literature, breaching this 'informal' hierarchy would require very clear and necessary justification to be considered acceptable.

Examples:

"The Chief Constable complained that due to budgetary cuts, his force still owned and maintained many **worn-out, blue-and-white, British-made police cars.**"

- The most important attribute is their purpose for police use, so the compound noun is not split, and comes as a two-word unit at the close of the list.

Even so, since the order is strictly hierarchical, there could be cases where other attributes are considered (in context) to be of greater importance than the usual position of attributive nouns at the end:

"The Chief Constable hoped that by the end of 2020, his force would introduce one hundred **new, German police high-speed cars** to modernise its fleet." ('High-speed police cars' would also be acceptable – but if the police had been accused of failing to catch criminals, the element of their speed might be the 'most important' element in the hierarchy.)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

asylum-seeker', and more generally as 'vagrant' [3]. It is now effectively impossible to mention '**boat people**' without implicitly suggesting 'illegal refugees – a heavily stigmatised term.

CONTEXTUAL CLARIFICATION IN COMPOUND NOUNS

The use of a secondary, qualitative (contextual) noun to describe a primary noun has a separate history of usage in English. This particular noun-noun version of compound nouns occurs when the field of reference of the primary noun is effectively defined by the qualitative noun, to create a cognitive multi-word unit in which the resulting neologism is not only substantially differentiated in meaning from its component parts – but is furthermore capable of assuming a usage which has highly-specific legal,

financial, technical or legislative meaning as in the case of the term '**boat people**'.

To step aside from the emotionally-charged (and highly subjective) issues of refugees, we could instead take to the roads of our major cities – since ever-increasing user numbers provide a rich seam of new words used to describe social phenomena. '**Car space**' and '**parking space**' (technically a *gerund + noun* combination) have become not only generally-used and universally understood terms – they also comprise a technical definition of some square metres which can be rented by the hour, or even sold in perpetuity. In this sense, they have acquired a defining status in Contract Law – by which we mean that no other similar or equal terms could be substituted, without loss of legal rights. It has important implica-

tions for students — simply ‘inventing your own’ phrase as a translation can lead to unexpected legal consequences.

How are these contextual clarifications formed in compound nouns? David Crystal [1] has pointed out that when the ‘authority’ for the field of reference comes from some official body or organisation, the English tendency for referring to such bodies in the plural is deployed in the compound noun too, e.g., an examinations committee, a prints and drawings exhibition, the heavy chemicals industry, etc.

CONTEXTUAL COMPOUND NOUNS IN THE FINANCIAL SECTOR

Yet despite the convenient generality of plural forms — which cover a wide variety of contexts — when we come into the financial arena, the equally suitable use of singular forms applies, due to the admirable accuracy such field-narrowing offers: “The government will set out its tax policy for the next financial year.” Alternative forms such as ‘taxation policy’ or ‘taxes policy’ are too limp and inexact in this context. It is a general (singular) approach to the formation of compound nouns with exact legal or fiscal meanings which we can see applied throughout the financial sphere, e.g., investment bank (not *investments* bank, *investing* bank), interest rate, exchange rates, job contract, market maker, wage freeze, profit warning, hedge fund, loss report, growth statistics, etc. We also find a long category related to taxation, where ‘tax’ is preferred to the (possible) ‘taxation’, e.g., tax credit, tax holiday, tax inspector, tax declaration, tax payment, tax rate, etc.

Despite being formed in the same way as Attributive Nouns, Contextual Nouns do not imply any particular legal or financial parameters. It has both advantages and drawbacks. The drawbacks are that anyone who enters into a bank loan is not protected by specific legislation regarding its terms and conditions (although in many legislations, there are, at least, some basic laws in place regarding which institutions can describe themselves as banks). Such a loan could be both good value or very bad value for the borrower — such terms are not implied by the Contextual Noun involved. The advantages are that, in the absence of possibly over-restrictive legislation regarding terminology, new vocabulary can spring into place to name new financial instruments, concepts, and methods of operation. It could be of particular

value at a time when the pace of change in the financial industries is very fast — like banks, and other institutions quickly shed their high-cost overheads (banking halls, buildings, and so forth) in a rush to migrate to new areas of interaction with their clients, e.g. internet banking, mobile banking, online banking, FinTech (an abbreviation of finance technology)... and many others.

Gunchenko, Hnatenko, and Tanko [2] have commented on the importance of nominative or representative function that is a denomination of a definitive meaning, and go on to highlight the double value to publishers of such usage in headlines. They grab the reader’s attention and focus readers towards relevant sections of text, and similarly, take up less space on the printed page, e.g., “CSU leader warns Merkel over eurozone bailouts” (FT, Wednesday July 4th 2012, p.4).

POSSIBLE ERRORS AND SITUATIONS TO AVOID

Examples involving **proper nouns** (the personal names of people, the names of cities, countries, or continents) can seldom be used as Attributive Nouns. In the case of countries — identifying the origin of the primary noun in the sentence — such constructions are best handled with a conventional adjectival form, and this should remain capitalised in all cases, e.g. German industry, Japanese manufacturing, American cars or possibly with a genitive case (formed with apostrophe — s) — France’s car industry, Bulgaria’s imports, etc.

The latter case demonstrates a clear example of how misunderstandings can occur. ‘Bulgarian imports’ means Bulgarian-made goods, which another country buys. But ‘Bulgaria’s imports’ means the opposite — the list of foreign-made products, which Bulgaria buys from other countries.

Forming compound nouns with the names of cities is not so straightforward in English since many city names lack conventional adjectival forms. Thus in these cases, users are ‘forced’ to use a compound. For example, in France Paris has adjective Parisian but Reims, Niçe, Limoges have no adjective at all.

In the financial sphere, where Wall Street’s eponymous fame has passed into synecdochal usage for ‘any kind’ of finance-industry in the United States, ‘Wall Street’ has become an Attributive Noun for use in related compounds, e.g. Wall Street brokers, Wall Street mentality, Wall Street profitability and so on.

In other words, ‘Wall Street’ now signifies only financial activity, and the rules which would otherwise govern a place-name have been largely forgotten — the linguistic process known as synecdoche. A similar phenomenon can be seen in compounds related to the European Economic Union, e.g., Brussels officials, Brussels bureaucrats, Brussels regulations.

CONCLUSIONS

The pace of change in internationally-recognised financial vocabulary is now growing faster than traditional sources (such as the Oxford English Dictionary) can codify and record it. It is not only a reflection of the substantial technical changes sweeping through financial markets but burgeoning legislative streamlining and voluntary compliance. The fast-expanding new financial industries related to FinTech (blockchain, e-currencies, and similar innovations) are all being conducted in English — and impose an automatic requirement on users to communicate and log their transactions in English too.

Now that the Finance Ministry of the Russian Government has given its official blessing to blockchain technologies, the push towards globalisation of financial services markets — and thus the need to adopt international standards, and the (English) language which regulates these standards, is longer a question — it is a certainty. The entire ‘crypto’ market is delineated in terminology which has arisen ‘on-the-fly’ out of urgent need, and its central concepts and internationally-accepted concepts are dominated by compound nouns which are typical of ‘international English’ — ‘**bitcoin market**’, ‘**bitcoin exchanges**’, ‘**Initial Coin Offering**’, ‘**web wallet**’ — the list is never-ending. As these new markets mature, stabilise, become subject to external regulators, and so forth, the likelihood of new terminology being self-developed to govern and control these markets points towards an ever-evolving new landscape for compound nouns in the financial sectors. Students who seek careers in these industries will find the study of these linguistic concepts pay off very highly.

REFERENCES

1. Crystal D. On plural adjectives. In DCBLOG. 2010. URL: <http://david-crystal.blogspot.com/2010/05/on-plural-adjectives.html> (accessed on 28.06.2018).
2. Gunchenko Yu., Hnatenko Ya., Tanko N. Text-Forming & Cohesion Features of English Compound Nouns — Economic Terms in Scientific-Economic Popular Texts. *Science of Europe [Philological Sciences]*. 2016;3(3):56–58.
3. Johnson S. Six Iranian boat people posing as refugees will be deported after lying about their status to be granted asylum in Australia. *Daily Mail Australia*. 12.06.2017.
4. Matchenko V. On the experience of experimental research of substantive compounds in the English language. In Scientific notes. *Electronic scientific journal of Kursk State University*. URL: <http://scientific-notes.ru/>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Михайловна Захцер — преподаватель, Департамент языковой подготовки, Финансовый университет, Москва, Россия
zakhtser@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena M. Zakhtser — Lecturer, Department of Language Training, Financial University, Moscow, Russia
zakhtser@mail.ru

Статья поступила 13.09.2019; принята к публикации 03.10.2019.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 13.09.2019; accepted for publication on 03.10.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-133-137

УДК 378:372.881.1(045)

Использование анкетирования студентов, обучающихся по направлению «социология», на занятиях по английскому языку

О.И. Максимова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-7096-4724>

АННОТАЦИЯ

Анкетирование, являясь одним из исследовательских методов в психологии и педагогике, широко используется, в том числе как форма контроля знаний учащихся. Однако проведение опроса студентов может выполнять и другие функции. В статье рассматривается анкетирование учащихся высшей школы как эффективный инструмент учебного и воспитательного процесса. Оно может являться методическим приемом преподавания английского языка, средством усиления мотивации студентов к изучению предмета и повышению образовательного уровня, стимулом к самоанализу, пониманию и оценке различных явлений, происходящих в обществе. В конце делается вывод о том, что, оказывая опосредованное влияние на личность, анкетирование может способствовать успешному достижению практической цели преподавания иностранного языка, обучения и воспитания студентов.

Ключевые слова: анкетирование; проведение опроса; учебное и воспитательное воздействие; методический прием; усиление мотивации; повышение образовательного уровня; достижение практической цели обучения

Для цитирования: Максимова О.И. Использование анкетирования студентов, обучающихся по направлению «социология», на занятиях по английскому языку. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):133-137. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-133-137

ORIGINAL PAPER

The Use of the Questionnaire Surveys for Students of Sociology Learning English Language

O.I. Maksimova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7096-4724>

ABSTRACT

The use of questionnaire surveys, being one of the research methods in psychology and pedagogy, is also widely implemented as a form of control of learners' knowledge. However, it can also perform other functions. In this article, the author considers the use of the questionnaire survey as a useful tool in the educational process. It can be a methodical approach in teaching English, a means of increasing the motivation of students to study the subject and improving the educational level, an incentive to self-analysis, understanding and evaluation of various phenomena occurring in society. The author concluded that by having an indirect impact on the personality, the survey could contribute to the achievement of the practical goal of teaching a foreign language, training and education of students.

Keywords: questionnaire survey; educational impact; methodical method; increase in motivation; advance in educational level; achievement of practical goal

For citation: Maksimova O.I. The use of the questionnaire surveys for students of sociology learning English language. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):133-137. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-133-137

Как показывает теория и практика, в процессе образовательной деятельности в высших учебных заведениях, с целью получения обратной связи о степени усвоения профессиональных компетенций, наряду с используемыми формами контроля успешно используется анкетирование студентов. Являясь достаточно тонким и гибким инструментом, оно требует соблюдения необходимых правил при составлении анкеты: использование оптимальных типов вопросов, их последовательность, общее количество, корректность, уместность вопросов, соответствие цели исследования [1]. Проведение анкетирования связано с решением организационных, методологических и методических вопросов. Необходимо разработать анкеты, определить оптимальный состав респондентов (на качественном и количественном уровнях), выбрать способы опроса, сбора анкет, методы обработки и анализа информации, а также форму представления результатов [2].

Анкетирование является одним из наиболее распространенных исследовательских методов в психологии и педагогике. Давая возможность получить материал и проследить ряд общих изменений, проведение опроса имеет и сопутствующую функцию: в нем заложен мощный потенциал опосредованного учебного и воспитательного воздействия, например повышение мотивации студентов к изучению материала, формирование чувства сопричастности, потребности в познании, самоанализе [3]. В этом случае значение тематической направленности анкетирования приобретает особенную важность.

Автором статьи был проведен опрос студентов в рамках изучения дисциплины «Иностранный язык в профессиональной сфере» на 3-м курсе обучения по направлению «социология» (программа подготовки бакалавров, базовый курс), где учебно-тематическим планом предусматривается изучение темы «Девиантное поведение», в том числе самоубийство как одна из форм этого явления.

Проблема суицида редко обсуждается публично, хотя он становится все более серьезной проблемой. В Соединенных Штатах, к примеру, эту «безмолвную эпидемию», при которой самоубийство совершается каждые 12 минут, признали кризисом в сфере состоянии здоровья населения (public health crisis) ([https://www.cbsnews.com/video/have-suicides-become-a-public-](https://www.cbsnews.com/video/have-suicides-become-a-public-health-crisis)

[health-crisis](https://www.cbsnews.com/video/have-suicides-become-a-public-health-crisis)). В ходе работы над статьями, актуальным аутентичным аудио- и видеоматериалом, помимо предпосылок и причин совершения самоубийства, студенты рассматривали и обсуждали, в том числе, и признаки, предупреждающие о возможной попытке совершения суицидальных действий в молодежной и подростковой среде: чувство беспокойства, тревоги, тоски, уныния, отчаяния, ощущение бесцельности и безвыходности, собственной никчемности (worthlessness, purposelessness, emptiness, sadness hopelessness, restlessness, anxiety, loss of interest) (<https://www.cbsnews.com/news/er-visits-for-suicidal-thoughts-attempts-doubled-among-youths-in-recent-years-study-finds>). Оказалось, что при обсуждении депрессивного состояния как одной из возможных предпосылок самоубийства, вовлеченность студентов в беседу становилась более явной, заинтересованность более глубокой. Стремление высказаться проявлялось даже у тех студентов, уровень владения языком, степень мотивации к изучению предмета и активного участия в семинарах которых были обычно невысоки. Стало очевидно, что эта изучаемая тема воспринимается на гораздо более личном уровне, что упомянутые выше чувства, ощущения и переживания далеко не чужды молодым людям.

С целью поддержания у студентов интереса к изучаемой теме, а также отработки и закрепления активного словаря студентам было предложено пройти анкетирование. Основой для него стала часть вопросов из опросного инструментария для оценки общего уровня тревожности молодежи, разработанного на базе Социологической лаборатории Российского университета дружбы народов в рамках проекта по изучению мировоззренческих доминант студенческой молодежи [4].

Для «диагностики» ключевых страхов студентов им были предложены следующие вопросы:

1. Оцени свое основное эмоциональное состояние за последний месяц.
2. Случалось ли тебе за последние несколько месяцев испытывать...?
3. Одни люди боятся быть не такими, как все. Другие, наоборот, стремятся выделиться. К кому бы ты отнес себя?
4. Задумываясь о своем будущем, чего ты опасаешься больше всего?
5. Насколько ты лично боишься столкнуться со следующими явлениями...?
6. Обо всех перечисленных выше угрозах ты в основном узнаешь:...

QUESTIONNAIRE

1. Rate your emotional state in the last month:

Very disturbing – always felt troubled, distressed, uneasy	
Somewhat disturbing – sometimes felt worried and concerned	
Practically did not experience a feeling of anxiety	
Did not have any worry at all, nothing gave rise to any concern	
Not sure	

2. In the last few months, have you ever experienced the following emotions:

	Positive	Negative
Rejoice at your success		
Feel as everything turns out well		
Feel as free as a bird		
Feel absolutely happy		
Feel confident about the future		
Suffer from fatigue, feel indifference		
Feel offence or hurt		
Feel angry, offensive		
Suffer from loneliness		
Feel confused		
Face uncertainty		
Experience a feeling of alarm, fear		
Feel despair or hopelessness		
Feel envy		

3. Some people are afraid of becoming black sheep. Others, on the contrary, do their best to stand out of the herd. To which group would you refer yourself?

To the former	
To the latter	
Opt for the golden mean	
It depends on the circumstances	
Not sure	

4. Thinking of your future, what are you afraid of most of all?

To lose nearest and dearest	
To develop an incurable disease	
To be childless	
To be lonely	
To get a salary not sufficient to live a decent life	
To get redundant	
Poverty	
To work a well-paid but boring job	
To get disappointed with a profession	
Unrequited love	
To be expelled from University	
To be imprisoned	
Not to get married	
To die	
To become publicly offended	
To become a crime victim	
To be deprived of Internet access	

5. How much are you afraid to face the following actions/events?

	Very much	A little
Terror attack		
Crime/violence epidemic		
Corruption and lawlessness		
World economic crisis consequence		
Political extremism		
Natural disaster		
Warlike activity		
Pandemic		
Chemical and radiation poisoning		
Environmental disaster		
Inter-ethnic clashes		
Nuclear war		
Customs and tradition loss		
Man-induced disaster		
Substitution of the local population by migrants		
Civil war		
Revolution/uprising/coup		
Anarchy/lack of governance		
Alien invasion		

6. Where do you learn about the above-mentioned threats from?

The Internet	
TV broadcast	
Radio broadcast	
Print mass media	
Friends, peers	
Relatives	
Older generation	
Come-and-go people	

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Анкетирование проводилось анонимно. Результаты опроса были переданы для обработки и анализа студентам группы, выразившим желание интерпретировать полученные данные. Обучаясь на 3-м курсе факультета социологии и политологии, они уже обладали необходимыми знаниями и умениями в области анкетирования, полученными в ходе изучения базовых дисциплин. Возможность применить эти знания на практике вызвала очевидную заинтересованность части учебной группы. Таким образом, в данном случае в полной мере реализовался потенциал межпредметного подхода к обучению.

Результаты анализа были представлены группе на последующем занятии в форме Power Point Presentation. Данные были выведены в форме таблиц и графиков. Это потребовало от студентов отработки навыков монологической речи в форме презентации и навыков передачи информации,

представленной в числовой и графической форме [5]. За этим последовало открытое обсуждение (open-class activity) представленных группе результатов опроса, их анализ в форме Role Play в группах, что дало возможность отработать навыки ролевой игры и написание отчета в форме Report, предусмотренного учебно-тематическим планом и направленного на формирование навыков письменной речи. Это позволило детальнее и в большем объеме проработать и закрепить активную лексику урока. Атмосфера заинтересованности и вовлеченности студентов весьма способствовала достижению учебной цели.

Таким образом, проведение опроса в рамках изучаемой темы вместе с его последующим анализом являлось не самоцелью. Целью анкетирования было не только и не столько получение информации. Оно оказалось действенным методическим приемом преподавания иностранного

языка, эффективным инструментом повышения мотивации студентов к более глубокому и качественному изучению предмета и повышению образовательного уровня и мотивации к самоанализу, пониманию и оценке различных явлений, происходящих в обществе.

В заключение следует отметить, что, обладая обучающим и воспитательным воздействием,

метод анкетирования оказывает опосредованное влияние на личность через стимул — вопросы анкеты, составленные с целью активизации рефлексии субъекта. И хотя возможности этого метода ограничены рамками вопросов анкеты с множественным выбором и выбранной тематикой, он может способствовать достижению практической цели обучения и воспитания студентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Панасенко С.В. Подходы к анкетированию студентов и работодателей в процессе образовательной деятельности в вузах. *Южно-Уральские научные чтения*. 2016;1(2):103–105.
2. Гурьянов А.С. Анкетирование как метод формирования профессиональных компетенций. *Обучение и воспитание: методика и практика*. 2013;(4):229–233.
3. Мурзинова И.А. Анкетирование студентов как один из методов оптимизации учебно-воспитательной работы в организации учебного процесса. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 6: Университетское образование*. 2010;(12):105–107.
4. Нарбут Н.П., Троцук И.В., Цзи Цзиньфэн. Ожидания и опасения студенческой молодежи: социологическая оценка в кросскультурном контексте. *Вестник РУДН, серия Социология*. М.: Российский университет дружбы народов. 2014;(1):149–167.
5. Яковлева О.И. Английский язык. Методические указания для студентов к описанию информации, представленной в числовой и графической форме. М.: Финуниверситет, Образовательный портал; 2012. 65 с.

REFERENCES

1. Panasenko S.V. Approaches to surveying students and employers in the process of educational activities in universities. *Yuzhno-Ural'skiye chteniya*. 2016;1(2):103–105. (In Russ.).
2. Guryanov A.S. Questioning as a method of formation of professional competences. *Obucheniye i vospitaniye: metodika i praktika*. 2013;(4):229–233. (In Russ.).
3. Murzinova I.A. Questioning of students as one of the methods of optimisation of educational work in the organisation of educational process. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria 6: Universitetskoe obrazovanie*. 2010;(12):105–107. (In Russ.).
4. Narbut N.P., Trotsuk I.V., Tsi Tsun'fen. Expectations and fears of students: Sociological assessment in a cross-cultural context. *Vestnik RUDN, seriya Sotsyologiya*. 2014;(1):149–167. (In Russ.).
5. Yakovleva O.I. English language. Methodical instructions for students to the description of the information presented in numerical and graphic form. Moscow: Financial University; 2012. 65 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольга Игоревна Максимова — старший преподаватель Департамента языковой подготовки, Финансовый университет, Москва, Россия
oimaksimova@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Maksimova — Senior lecturer, Department of Language Training, Financial University, Moscow, Russia
oimaksimova@fa.ru

Статья поступила 19.09.2019; принята к публикации 11.10.2019.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 19.09.2019; accepted for publication on 11.10.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Ирредентизм Венгрии, Польши и Румынии на Западной Украине в контексте языковой политики Киева

О.А. Пылова

Российский совет по международным делам, Москва, Россия;
РГГУ, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-6284-6496>

АННОТАЦИЯ

В сложившихся на Украине тяжелых политических и экономических условиях все большую актуальность приобретают опасения в отношении политики ирредентизма соседних государств. Проблема отделения территорий и в некоторых случаях перехода их под юрисдикцию соседних государств возникла на Украине в 2014 г., после присоединения Крыма к России и начала кризиса на востоке страны. Однако сейчас, когда особое внимание уделяется ситуации на Донбассе, мало кто обращается к проблеме потенциально кризисных в этом плане западных областей страны. В настоящей статье предпринимается попытка выявить основные цели Венгрии, Румынии и Польши в отношении Украины и указать гуманитарные инструменты влияния, которые они используют для достижения этих целей. Автор проводит сравнительный анализ целей и методов культурного и языкового влияния указанных государств на население приграничных районов (национальные меньшинства). Под культурным и языковым влиянием в данном контексте подразумевается культивирование языков нацменьшинств в районах их компактного проживания через образование и СМИ, организация программ содействия развитию культурных связей. Опираясь на вышеуказанную методологию и статистический и аналитический материал, автор приходит к выводу, что Венгрия, Румыния и Польша, используя схожие инструменты влияния на свои нацменьшинства, преследуют разные цели. **Ключевые слова:** ирредентизм; Украина; языковая политика; политическое влияние; национальные меньшинства

Для цитирования: Пылова О.А. Ирредентизм Венгрии, Польши и Румынии на Западной Украине в контексте языковой политики Киева. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):138-142. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-138-142

ORIGINAL PAPER

Irredentism of Hungary, Poland and Romania in Western Ukraine in the Context of Language Policy of Kyiv

O.A. Pylova

Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia;
Russian International Affairs Council, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6284-6496>

ABSTRACT

In the severe political and economic conditions that have developed in Ukraine, fears of the policies of irredentism of neighbouring states are becoming increasingly realistic. The problem of the separation of territories and in some cases of their transfer to neighbouring states arose in Ukraine in 2014 after the Russian rejoin of the Crimea and the beginning of the crisis in the eastern part of the country. Today, special attention attracts the situation in the Donbas region, and almost no one addresses the potential problem of the same kind happening in western regions. This article attempts to identify the main goals of Ukraine's western neighbours (Hungary, Romania, and Poland) concerning Ukraine and the humanitarian instruments of influence they use to achieve these goals. The methodology of the study has determined the structure of the article, which includes a comparative analysis of the goals and methods of the cultural and linguistic influence these states have on the population of the neighbouring territory (i.e. national minorities). Cultural and linguistic influence in this context means the cultivation of national minority languages within a limited area of their residence through education, mass media, and the organisation of programs to promote the development of cultural relations. Based on the above methodology and statistical and analytical material, the author concludes that Hungary, Romania and Poland, using similar tools to influence their national minorities, pursue different goals. Both the methods of influence and the tasks of these states I discussed in detail. Besides, one of the main conclusions drawn from the results of my study is that Hungarian, Polish and Romanian irredentism is indeed a severe risk today and deserves special attention from Ukraine.

Keywords: irredentism; Ukraine; language policy; political influence; national minorities; soft power

For citation: Pylova O.A. Irredentism of Hungary, Poland and Romania in Western Ukraine in the context of language policy of Kyiv. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):138-142. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-138-142

ВВЕДЕНИЕ

Британский политолог Джеймс Майял в работе «Национализм и международное сообщество» предложил определение понятию «ирредентизм» — любое вмешательство иностранного государства в дела другого с целью защиты «своей» этнической группы¹. Исходя из такой трактовки этого термина, очевидно, что западные соседи Украины по отношению к населению приграничных территорий проводят политику ирредентизма. Польша, Венгрия и Румыния, так или иначе, заботятся о своем населении на Украине и влияют на него разными способами.

Государства, выходцы из которых проживают на территории Украины, нередко поддерживают своих сограждан и их связь с родиной, в том числе — культурную и ментальную. Именно поэтому нередко на Украине можно найти школы с, например, польским или венгерским языком обучения или культурные центры того или иного сопредельного государства. Популяризация языка и культуры — одно из проявлений «мягкой силы», с помощью которой Венгрия, Румыния и Польша пытаются распространить свое влияние на некоторые области Западной Украины с высокой долей неукраинского населения.

Согласно последним официальным данным² (на 2001 г.) украинцы составляют 77,8% населения Украины, русские — 17,3%, белорусы — 0,6%, молдаване — 0,5%, венгры, румыны, поляки — по 0,3%. Однако эти цифры — показатели в целом по стране. Интереснее обратиться к данным о национальном составе тех или иных областей. Так, например, в Закарпатской области венгры составляют 12,1% населения (существуют целые населенные пункты, в которых проживают исключительно венгры), в то время как 12,5% жителей Черновицкой области — румыны, 5% населения Одесской области — молдаване, поляки составляют 3,5% жителей Житомирской области.

Еще недавно вопрос о школах с неукраинским языком обучения, а также о культурных центрах не стоял на повестке дня на Украине. Однако в последнее время ситуация изменилась — в апреле 2019 г. был подписан Закон об украинском языке. Согласно разделу 5 ст. 17 этого

закона «каждый гражданин Украины имеет право получить образование на государственном языке. Использование государственного языка в учебно-воспитательном и образовательном процессах во всех учебных заведениях является обязательным». Еще одним ударом по проживающим на Украине нацменьшинствам было принятие двумя годами ранее (в 2017 г.) закона об образовании (<http://www.golos.com.ua/article/294010>). В ст. 7 этого закона сказано, что «языком образовательного процесса в учебных заведениях является государственный язык». Согласно закону «лицам, относящимся к национальным меньшинствам Украины, гарантируется право на обучение в коммунальных образовательных учреждениях для получения *дошкольного и начального образования*, наряду с государственным языком, на языке соответствующего национального меньшинства. Это право реализуется путем создания (...) отдельных классов (групп) с обучением на языке соответствующего национального меньшинства наряду с государственным языком не распространяется на классы (группы) с украинским языком обучения». Таким образом, закон дает право обучения на языке национального меньшинства только детям дошкольного возраста, а также тем, кто получает начальное образование (т.е. 1–4 классы). Недовольство западных соседей Украины — Венгрии, Молдовы, Польши и Румынии — в связи с принятием новых законов оказалось значительным.

ПОЗИЦИЯ ВЕНГРИИ

По состоянию на 2006 г., на Закарпатье работали 99 школ с преподаванием на венгерском языке, 29 — смешанных венгерско-украинских, 2 — смешанные венгерско-русские. 5478 детей дошкольного возраста посещали дошкольные образовательные учреждения с преподаванием на венгерском языке (http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/osv_rik/osv_u/dz_u.html), 4 газеты и 7 журналов выходили на венгерском языке. По данным на 2017 г., число школ с венгерским языком преподавания сократилось до 71 (<https://www.ukrinform.ru/rubric-society/2305517-v-skolah-ukrainy-v-kacestve-predmeta-izucav-30-azykov-minobrazovania.html>).

После принятия закона об образовании в 2017 г. министр иностранных дел Венгрии Петер Сийярто распорядился, чтобы венгерские дипломаты не поддерживали ни одной украинской инициативы в международных организациях. Он

¹ Mayall J. Nationalism and International Society. Cambridge; 1990. P. 57.

² Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года. Государственный комитет статистики Украины. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>

посчитал новый украинский закон «стыдом и позором» (<https://strana.ua/news/94272-zakon-ob-obrazovanii-2017-reaktsija-mira-na-ukrainizatsiju-shkol.html>). Несколько позже глава МИД Украины Павел Климкин сообщил о том, что Киев и Будапешт договорились совместно работать над планом имплементации закона об образовании (<https://ukraina.ru/news/20171014/1019371774.html>). В конце 2017 г. партия «Йоббик» организовала в Венгрии акцию «Самоопределение для Закарпатья», на которой звучали лозунги «Закарпатье — это Венгрия». Депутат Европарламента, представляющий эту партию, Тамаш Гауди-Надь пришел на мероприятие в футболке с надписью «Крым — это Россия, а Закарпатье — это Венгрия». В целом же Венгрия требует от Украины отложить имплементацию закона о языке, а также отменить его действие в отношении частных учебных заведений.

Сегодня венгерское правительство продолжает всячески поддерживать венгров, проживающих на Украине. Министр образования и науки Украины Лилия Гриневиц в марте 2019 г. выступила с заявлением о том, что Венгрия доплачивает учителям, работающим на Закарпатье, чтобы те преподавали на венгерском языке (<https://tsn.ua/ukrayina/ugorschina-platit-vchitelyam-na-zakarpatti-za-vikladannya-ugorskoju-movoyu-grinevich-1311687.html>). Ранее уполномоченный венгерского министра, ответственный за развитие сотрудничества между областью Сабольч-Сатмар-Берег и Закарпатьем, Иштван Грежа, сообщил, что Венгрия собирается выделить деньги на программу поддержки венгерской культуры Закарпатья. По этой программе правительство Венгрии выделит более 7,5 млн евро на широкомасштабную программу поддержки венгерской культуры региона (<https://tvi.ua/news/vengerskaya-kul-turnaya-ekspansiya-na-7.html>). В рамках инициативы на Закарпатье будут приезжать театральные коллективы. Первым этапом этой программы станет реконструкция Венгерского национального театра в Берегово (центр венгерской культуры на Закарпатье), где будет размещен и культурный центр имени Шари Федак. Продолжится программа поддержкой учреждений культуры по всему Закарпатью. Основные мероприятия запланированы на 2020–2022 гг. И. Грежа назвал это «венгерской культурной экспансией».

Что касается отношения самих жителей Закарпатья к такой «культурной экспансии», то здесь

стоит отметить, что, по статистике более половины жителей региона хотели бы узаконивания двойного гражданства в стране — таким образом многие из них могли бы вполне легально иметь украинский и венгерский паспорта (<https://www.bbc.com/ukrainian/features-39441956>). История с предоставлением венгерских паспортов жителям Закарпатья началась задолго до принятия украинским правительством одиозных законов — по мнению экспертов, особенно активно венгерские паспорта украинцы Закарпатья стали получать в 2011 г. (в 2010 г. был принят закон об упрощении процедуры предоставления венгерского гражданства венграм, проживающим за пределами страны) (<https://www.unian.ua/society/10274439-dmitro-tuzhanskiy-ugorski-pasporti-gromadyanam-ukrajini-rozdayut-z-2011-roku-ta-vidsotok-ugorskih-pasportiv-gromadyan-ukrajini-dovoli-mizerniy-u-porivnyanni-z-rosiyskimi-pasportami.html>). Поскольку официальная статистика по этому вопросу отсутствует, а данные об украинцах, получивших гражданство Венгрии, есть исключительно у венгерского правительства, можно полагаться только на мнение экспертов. Они считают, что сегодня более 100 тыс. граждан Украины имеют паспорта Венгрии (<https://www.5.ua/polityka/uhorshchyna-vydaie-svoi-pasporty-ne-tilky-na-terytorii-ukrainy-politekspert-178007.html>).

ПОЗИЦИЯ РУМЫНИИ

В МИД Румынии в ответ на принятие закона об образовании выразили надежду, что права румынского меньшинства на Украине будут сохранены. В целом Бухарест был крайне озабочен этим вопросом — президент страны объявил о том, что отменяет свой визит на Украину, запланированный на октябрь, а также прием спикера Верховной Рады в Бухаресте (<https://strana.ua/news/94272-zakon-ob-obrazovanii-2017-reaktsija-mira-na-ukrainizatsiju-shkol.html>).

Как представляется, у Румынии тоже есть определенные амбиции по расширению собственного влияния на земли, некогда входившие в состав Королевства Румыния. В Черновицкой области (по состоянию на 2002/2003 учебный год) работали 83 школы с румынским языком обучения (21 672 учеников). Кроме того, существовали 15 учебных заведений смешанного типа. В Черновицкой и Закарпатской областях ведется финансируемое государством радиовещание на румынском языке. По данным на 2017 г., около

16 тыс. детей в 75 школах в Закарпатской и Черновицкой областях получают образование на румынском языке. Согласно статистике на 2018 г. (http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/osv_rik/osv_u/dz_u.html) в Черновицкой области 3318 детей проходили дошкольное обучение на румынском языке, в Закарпатской области таких было 234 человека.

Вопрос выдачи румынских паспортов гражданам Украины остается открытым. Глава румынского МИД Теодор Мелешкану в ходе пресс-конференции с министром иностранных дел Украины Павлом Климкиным в Черновцах в начале 2018 г. заявил: «Что касается двойного гражданства, не существует никаких норм международного права или определенных практик, которые не позволяли бы или запрещали двойное гражданство. Это право каждого государства — предоставлять простое единое или двойное гражданство» (<https://gordonua.com/news/politics/glava-mid-rumynii-ne-vidit-problemy-v-vydache-ukraincam-rumynskih-pasportov-226557.html>).

В 2013 г. появилась информация о том, что украинцам было выдано около 100 тыс. румынских паспортов (https://24tv.ua/ru/krupnim-planom-zhiteli-bukovini-poluchili-100-tisyach-rumynskih-pasportov_n316567). Получение гражданства Румынии и, как следствие, соответствующего паспорта может стать возможным, если будет доказано, что родственники подающего документы проживали на территории Великой Румынии (Королевства Румыния, 1881–1947 гг.) и были ее гражданами до 1940 г. В Черновицкой области работают компании, которые помогают с «поиском» румынских предков и оформлением документов: «Мы найдем Ваши румынские корни, и Вы получите законное основание для получения гражданства Румынии и паспорта ЕС по репатриации» (<https://rumunske-hromadyanstvo.biz.ua/pasport-rumuniyi/>).

ПОЗИЦИЯ ПОЛЬШИ

Несмотря на существование закона об образовании, была подписана польско-украинская декларация, согласованная представителями профильных ведомств Польши и Украины. В ней речь идет о гарантиях представителям польского меньшинства получать полное общее среднее образование в польских школах на Украине на родном языке (<https://news-front.info/2017/10/25/dodavili-v-ukrainskih-shkolah-budet-obuchenie-na-polskom-yazyke/>).

Несколько ранее польские школы на Украине в очередной раз получили новые учебники и литературу на польском языке. По сообщениям СМИ, речь идет о школах во Львове, Лановичах и Стрые. Передача учебников является результатом инициативы Фонда Полония из Нью-Йорка при организационной поддержке канцелярии президента Польши (https://joinfo.ua/sociaty/1172988_Polskie-shkoli-Ukraine-poluchili-novie-uchebniki.html).

По состоянию на начало 2018/2019 учебного года, на Украине работают 6 школ с польским языком обучения, а еще в 5 открыты классы, преподавание в которых ведется на польском (<http://www.polradio.pl/5/38/Artykul/380788>). С 2016/2017 учебного года, несмотря на протест польских организаций, Министерство образования и науки Украины отменило возможность сдачи экзамена по польскому языку на аттестат (<https://strana.ua/news/94272-zakon-ob-obrazovanii-2017-reaktsija-mira-na-ukrainizatsiju-shkol.html>). Кроме Львова и Львовской области, школы с польским языком обучения есть в Хмельницкой, Ивано-Франковской и Житомирской областях. По словам представителей Объединения польских учителей, на Украине работают более 60 школ, в которых польский язык изучают как иностранный. В Львовской и Хмельницкой областях 139 и 30 детей соответственно проходят дошкольное обучение на польском языке. Кроме того, еще в нескольких десятках образовательных учреждений польский язык изучают факультативно.

Ситуация с выдачей польских паспортов жителям западных районов Украины во многом отличается от ситуации с венгерскими или румынскими документами. Во-первых, Польша не выдает украинцам паспорта по упрощенной схеме. Несмотря на то что официальной статистики нет, в громких скандалах с выдачей паспортов (как Венгрия или Румыния) Польша не участвовала. Эта страна в большей степени заинтересована в привлечении украинских «заробитчан» на сезонные работы.

На Украине действует целый ряд агентств, предлагающих свои услуги по трудоустройству в Польшу. Многие из них работают легально, другие же занимаются незаконной деятельностью и отправляют всех желающих в соседнюю страну без каких-либо гарантий. В большинстве своем предлагаемые агентствами вакансии не требуют высокой квалификации — укладчики дорог, швеи и штукатуры. В основном в качестве аргументов в пользу выбора Польши в качестве страны для

зарабатывания денег компании используют довод о том, что там у будущих трудовых мигрантов появится независимость от скачков доллара и евро, а вместе с ней и возможность поддерживать оставшихся на Украине членов семьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, сегодня на Западной Украине можно наблюдать проявления политики ирредентизма Венгрии, Румынии и Польши. Так, Венгрия и Румыния поддерживают проживающих на западе страны венгров и румын через продвижение культуры и языка, предлагают получить паспорта для свободного путешествия по США и ЕС; Польша же в основном предлагает украинским полякам трудоустройство и, как следствие, — стабильный заработок в евро и возможность поддержания членов семьи, оставшихся на Украине.

Ирредентистские движения используются властями западных соседей Украины и как инструмент влияния на внутреннюю политику страны. В качестве примера стоит отметить заявления Венгрии о ее намерении заблокировать вступление Украины в НАТО и ЕС в том случае, если права и свободы венгерского меньшинства, проживающего на Украине, не будут соблюдены (<https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/10/27/739708-vengriya-nalozhila-veto>).

Остается, однако, открытым вопрос о том, какие разумные меры стоит принимать правительству Украины для ограничения внешнего влияния на дела государства и его население. Го-

воря о языковом и в целом гуманитарном контексте, стоит отметить, что Киев мог бы задуматься о популяризации украинского языка (который, безусловно, мог бы стать одним из инструментов сплочения нации), но не о настойчивом и часто безапелляционном его насаждении. Разработка новых концептов учебных материалов, развитие украинской литературы и кинематографа могли бы помочь сделать изучение и знание украинского языка интересным и полезным. Тогда будущие поколения венгров, румын и поляков, проживающие на Украине, могли бы видеть перспективу в использовании украинского языка и интересовались бы украинской культурой.

Что касается выдачи паспортов или привлечения украинцев и представителей национальных меньшинств на заработки, например в Польшу, то эта проблема может быть решена исключительно экономическими инструментами. Украинское правительство должно предложить жителям страны достойную альтернативу трудоустройству в соседнем государстве для обеспечения их возвращения и работы уже на Украине.

Наконец, ограничение иностранного вмешательства возможно через обеспечение населения более комфортными условиями жизни, чем те, которые предлагают зарубежные акторы. В частности, этническим меньшинствам может быть предоставлена широкая автономия. Тогда, возможно, окончательная украинизация определенных районов страны так и не произойдет, но при этом исчезнет или значительно сократится риск сепаратизма.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольга Андреевна Пылова — студентка 2-го курса магистратуры, РГГУ, Москва, Россия; программный координатор, Российский совет по международным делам, Москва, Россия
Olga.pylova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Pylova — 2nd-year master's student, RSUH, Moscow, Russia; programme coordinator, Russian International Affairs Council, Moscow, Russia
Olga.pylova@yandex.ru

Статья поступила 27.05.2019; принята к публикации 20.08.2019.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 27.05.2019; accepted for publication on 20.08.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-143-149
УДК 342.8(045)

Технологии big data в политических процессах: возможности и риски*

Д. Р. Мухаметов

Финансовый университет,
Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0001-7256-3281>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются различные аспекты, связанные с использованием анализа big data в политических процессах. Цифровые технологии оказывают амбивалентное влияние на социально-политические процессы, так как создают «серую зону» возможностей, которые являются предметом конфликтов и конкуренции различных политических агентов. На первом этапе описывается концепция data-driven campaign в политике, которая получает распространение в силу востребованности гибких механизмов управления и формирования «экономики внимания». Практическая реализация концепции включает этапы сбора и алгоритмического анализа данных (создание психологических профилей и психограмм), сегментирование аудитории и микротаргетинг – в статье раскрывается содержание каждого из них на примере актуальных кейсов. Преимущество использования анализа больших данных заключается как в масштабах анализируемой информации, так и в поиске более глубоких каузальных связей и зависимостей, что расширяет спектр возможностей воздействия на поведение политических агентов. На втором этапе рассматривается возможность экстраполяции механизмов data-driven campaign на уровень общего управления и data-driven politics. Формулируются основные риски и угрозы, связанные с технологиями big data в политических процессах: воронка недоверия к политическим институтам и технологиям, размывание принципов плебисцитарной демократии, конфиденциальность персональных данных, использование коммерческих данных в политических целях, последствия когнитивных ограничений алгоритмов и принятия решений на их основе. Как следствие, в краткосрочной перспективе будут актуальны вопросы институционального регулирования использования данных пользователей, а также защита персональных данных через совершенствование инструментов кибербезопасности и развитие человеческого капитала как базовых навыков использования современных технологий.

Ключевые слова: большие данные; сбор и анализ данных; психометрия; кампания, основанная на данных; микротаргетинг; цифровой след; избирательная кампания; Cambridge Analytica; информационная безопасность; воронка недоверия

Для цитирования: Мухаметов Д. Р. Технологии big data в политических процессах: возможности и риски. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019;9(5):143-149. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-143-149

ORIGINAL PAPER

Big Data Technologies in Political Processes: Risks and Opportunities**

D.R. Mukhametov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7256-3281>

ABSTRACT

The article deals with various aspects related to the use of Big Data technologies in political processes. Digital technologies have an ambivalent impact on the social and political processes, creating the “grey zone” of opportunities and resources that are the subject of conflicts and competition among various political agents. This

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ.

** The article is prepared according to the results of studies carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

statement is equally true concerning election campaigns. Firstly, the author describes the concept of data-driven campaign, which is rapidly spreading due to the demand for flexible management mechanisms and the formation of the “attention economy”. The implementation of the concept includes processes of data mining and analysis, microtargeting – the article reveals the content of each stage on the example of recent cases. The essential advantage of using big data analysis in political processes is concluded not only in the scale of the data mining but also in the possibility to examine deep causal relationships and dependencies, which extends the range of opportunities to influence political agents behaviour. Secondly, it is possible to extrapolate mechanisms of data-driven campaign to the level of data-driven politics. The author formulates the major risks and threats associated with the use of Big Data in political processes: funnel of mistrust in political institutions and technologies, blurring political institutions and plebiscite democracy, the preservation and confidentiality of personal data, the consequences of algorithms cognitive restrictions. As a result, in the short term it will be relevant to provide institutional regulation of data using, as well as to support the development of human capital as the basic skills of personal data protection and the use of modern technologies.

Keywords: big data; data mining and data analysis; psychometrics; data-driven campaign; microtargeting; digital footprint; election campaign; Cambridge Analytica; cybersecurity; funnel of mistrust

For citation: Mukhametov D.R. Big Data technologies in political processes: Risks and opportunities. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):143-149. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-143-149

ВВЕДЕНИЕ

Использование цифровых технологий в социально-политических процессах характеризуется двойственностью возможностей и угроз. С одной стороны, государство всегда стремилось упростить общество, сделать его максимально «видимым» для установления желаемого социального порядка [1]: в этом отношении технологии сбора и анализа данных позволяют количественно и качественно увеличить собираемую государством информацию о гражданах и предоставляют новые ресурсы контроля и управления.

С другой стороны, новые технологии содействуют процессам децентрализации и открывают новые формы самоорганизации граждан: в перспективе развитие интернета вещей, системы распределенных реестров и аддитивного производства может способствовать эксклюзии государства как регуляторного посредника из жизни отдельных групп социума [2].

Важно признать, что неопределенность потенциала использования цифровых технологий создает «серую зону» возможностей, ресурсов и инструментов, которые становятся предметом конфликтов и конкуренции между широким кругом политических агентов. В частности, это находит выражение в сфере избирательного процесса: вследствие экспоненциального роста персональных данных и их сбора происходит деанонимизация и нивелирование приватной сферы; тренд цифровой виртуализации благоприятствует росту fake news и таргетированных манипуляций — подобные вопросы являются объектом настоящей работы.

АНАТОМИЯ DATA-DRIVEN CAMPAIGN И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Понятие и причины популяризации

В общем понимании data-driven campaign определяется как использование big data в политических процессах, в первую очередь в избирательных кампаниях. Возрастающая распространенность ее применения обуславливается следующими причинами.

Во-первых, технологии data-driven campaign могут предоставить политическим организациям ресурсы как более детального исследования собственного электората и социальных групп, так и их эффективной мобилизации — это позволяет преодолеть ригидность бюрократических машин и их неспособность ответить на вызовы окружающей среды.

Во-вторых, требуются инструменты управления ограниченной рациональностью избирателей, и в этом отношении теория data-driven campaigning может реализовать идеи поведенческой экономики, в частности, теорию «подталкивания» (nudge theory) Р. Талера [3]. В условиях ограниченной рациональности агентов и наличия разрыва между знанием, намерениями и действиями (knowledge-attitudes-practice gap [4]) процесс принятия решений сопровождается ростом транзакционных и когнитивных издержек, а принятые решения могут оказаться несоответствующими параметрам ситуации: во избежание этого необходимо предоставление дифференцированных стимулов,

которые при сохранении выбора указывают на наиболее выгодное решение (что также может стать средством спекуляции). В контексте использования big data в роли описанных стимулов выступает таргетированная информация, предоставляемая на основе собранных данных.

В-третьих, рост и избыток информации влияет на развитие «клипового мышления» — человек склонен тратить значительно меньше времени на анализ предложений на рынке: в данных условиях формируется «экономика внимания» (attention economy) [5], в рамках которой внимание пользователей — выборочное фокусирование на отдельных стимулах — становится ограниченным ресурсом и предметом конкуренции организаций. Таким образом, стратегия data-driven campaign позволяет через внедрение цифровых платформ и анализ цифрового следа пользователей предоставлять им таргетированную рекламу и концентрировать внимание пользователей на определенных товарах, услугах, сообщениях.

Приведенные аргументы являются основанием для дальнейшего анализа использования data-driven campaign в политике. В общем плане процесс data-driven campaign можно представить как последовательное прохождение трех стадий: (1) сбор данных избирателей, (2) анализ данных и формирование психологических профилей, (3) распространение таргетированных сообщений и воздействие на избирателя.

Сбор данных

Можно выделить три варианта организации сбора данных: тестирование и извлечение данных пользователей социальных сетей, использование API, аутсорсинг. Сбор данных в рамках data-driven campaign осуществляется всеми тремя описанными способами, однако за последние несколько лет можно обозначить тенденцию роста участия в этом процессе коммерческих компаний широкого профиля.

Тестирование пользователей является традиционным способом извлечения информации: пользователям предлагается ответить на список вопросов, исходя из ответов на которые определяется психологический профиль человека. При прохождении теста необходимо согласие на передачу данных профиля организаторам теста, которые в дальнейшем используются для моделирования психологического профиля.

API-исследования — это подход в цифровой социологии, основанный на извлечении записей из наборов данных, доступных онлайн-платформам через их интерфейсы прикладного программирования (API — Application Programming Interface) [6, 7]. Этот вид сбора позволяет агрегировать подробную информацию о больших группах населения при отсутствии прямого контакта с ними, поэтому сегодня использование API-доступа является распространенным методом социологических исследований ввиду значительного объема «сырых» количественных данных, которые они могут предоставить.

Стоит отметить, что в контексте избирательных кампаний политические организации редко обладают достаточными техническими ресурсами и знаниями для масштабного сбора данных, поэтому наиболее распространенным решением является аутсорсинг — передача части функций сторонней профессиональной структуре. Так как в большинстве случаев собираются данные, в том числе относящиеся к коммерческой сфере, проблема на данном этапе заключается в стирании границы между данными, собираемыми в политических целях, и данными, собранными в коммерческих целях, направленными на более качественное профилирование предпочтений потребителей. Как следствие, в настоящее время на политическом рынке формируется новый тип игроков в лице коммерческих компаний, которые обладают необходимыми техническими инструментами и предоставляют готовые решения сбора и анализа данных для политических организаций: однако следует учитывать, что компании отличаются в зависимости от того, данные какого типа они предоставляют.

Наиболее распространенными являются организации по исследованию социальных медиа (Social listening companies), которые специализируются на мониторинге и анализе дискуссий в социальных сетях по конкретной теме, кандидату, партии или бренду [8]. Однако в последние годы заметен тренд на привлечение к кампаниям «брокеров данных» (data brokers), собирающих информацию о пользователях из различных источников, включая социальные сети, государственные записи и покупку данных у частных компаний [9] — объем информации, имеющейся у «брокеров данных», зависит от законодательного регулирования сферы использования данных страны, в которой они осуществляют свою деятельность.

Анализ данных, психометрический анализ и сегментирование аудитории

Собранные данные анализируются с помощью алгоритмов машинного обучения для создания психограмм пользователей и микротаргетинга. Технически первичный анализ осуществляется уже в процессе агрегирования, так как некоторые программы баз данных включают опцию визуализации данных пользователей. Однако современный политический маркетинг сопряжен с большими требованиями к сбору и анализу данных: востребованным становится не только агрегирование данных об избирателях, но и предоставление инструментов для воздействия на них. Получают развитие компании, включенные в сети обмена данными и информацией, имеющие необходимые ресурсы и программное обеспечение для их хранения и анализа — наиболее известной из подобных организаций является Cambridge Analytica, которая одной из первых ввела практику психометрии широкой аудитории через измерение модели «большой пятерки» на основе данных пользователей социальной сети Facebook (психограмма «большой пятерки» отражает такие характеристики, как нейротизм, открытость новому опыту, экстраверсия, сознательность, доброжелательность).

Традиционными способами получения информации для психометрии выступали проведение опросов, анкетирование участников, что априори обуславливает два типа барьеров для наиболее полного определения психологического профиля: во-первых, ограничение выборки и, во-вторых, склонность респондентов при прямом опросе корректировать свои ответы, особенно в отношении вопросов о политических предпочтениях.

При использовании big data и данных социальных сетей психометрический анализ проводится на базе «цифрового следа»: производимый контент, отправляемые сообщения, интересующие страницы, группы, новости, геотеги, хэштеги используются как исходный материал для алгоритма и применяются для выявления вышеобозначенных измерений психотипа личности. Алгоритмы, используемые для психотипирования, в большинстве случаев имеют вид регрессионных, кластерных или классификационных моделей. На первом этапе через проведение психологических тестов в социальных сетях и интернет-пространстве определяются психологические наклонности пользователя; параллельно в рамках тестовых

приложений агрегируются данные цифрового следа пользователя — «лайки», опубликованные сообщения, подписки на каналы и группы. На втором этапе через модели алгоритмов производится поиск взаимосвязей между ответами пользователя и данными его цифрового следа, которые позволяют выявить его психологические характеристики: данный подход может быть в равной степени использован для определения психологического профиля пользователей разных социальных сетей вне зависимости от формы цифрового материала, на котором апробируются и тестируются алгоритмы: Twitter, Facebook, Instagram [10–12].

Данный подход позволяет преодолеть ограничения традиционных методов за счет анализа данных широкой аудитории, не ограниченной условиями выборки, а также вследствие обработки большого массива информации о пользователе и поиска неочевидных каузальных связей и зависимостей, детерминирующих поведение, благоприятствующих микротаргетингу.

Распространение таргетированной рекламы

Третий этап — распространение таргетированной рекламы: после сегментирования аудитории реклама в различной форме доставляется до потенциального избирателя для воздействия на его решение — ключевыми каналами распространения являются социальные медиа, посещаемые пользователем сайты и форумы, мессенджеры, электронная почта. Тем не менее социологические исследования демонстрируют неоднозначность оценки влияния таргетированной рекламы — в частности, опрос пользователей Facebook в США после скандала с Cambridge Analytica выявил, что 32% респондентов не обращают внимания на рекламные объявления и воспринимают их наравне с публикациями других пользователей.

Распространение таргетированной политической рекламы направлено на запуск «эмоционального заражения» — включение человека в определенный контекст, благоприятствующий ожидаемой психологической реакции. Механизмы эмоционального заражения широко варьируются и в большинстве случаев подразумевают непосредственный контакт, однако распространение социальных медиа и потенциал моделирования поведенческих реакций человека исходя из анализа его цифрового следа позволяют

осуществлять эмоциональное заражение опосредованно, сохраняя при этом индивидуальный подход [13]. Это становится возможным с помощью погружения индивида через микротаргетинг в сравнительно изолированную информационную среду, в которой артикулируется поток новостей, соответствующих психограмме человека и склоняющих его к совершению ожидаемых действий. В большинстве случаев информация, транслируемая через микротаргетинг, носит негативный характер — чувство угрозы и деморализация имеют больший мобилизационный потенциал, нежели положительные образы и события. В частности, использование данной техники в контексте избирательной кампании Д. Трампа позволило мобилизовать малоинформированных избирателей (low-information voters) — неоднородную группу населения, в силу разных причин аполитичных или критично настроенных по отношению к политическим новостям, событиям, избирательному процессу [14].

OT DATA-DRIVEN CAMPAIGN K DATA-DRIVEN POLITICS: РИСКИ И УГРОЗЫ

В перспективе data-driven campaign может быть масштабирована в парадигму data-driven politics, что сопряжено с рядом социально-политических проблем, связанных с ростом контроля и ограничением приватной сферы. Представляется возможным выделить несколько общих категорий рисков и угроз.

1. Проблема «воронки недоверия» к новым технологиям и политическим институтам вследствие роста ресурсов контроля и манипулирования. Исследователь из Гарвардского университета Дж. Зиттрейн предложил определение «интеллектуальный долг» (intellectual debt) для описания ситуации, при которой люди активно внедряют новые технологии в собственную повседневную жизнь и профессиональную деятельность при отсутствии полного понимания и знаний принципов их работы. Следствием данной информационной асимметрии становится возможность спекуляции и сокрытия отдельных деталей об особенностях и свойствах технологических устройств, что, например, отражено в сборе «умными колонками» Amazon широкого спектра данных о пользователе.

В условиях цифровой трансформации сохранность и использование персональных данных становятся одним из основных предметов беспо-

койства и опасений населения и экспертного сообщества [15–17]: несанкционированный доступ к данным и непредсказуемые выводы, которые можно сделать на основе их анализа, рассматриваются как ключевые угрозы. По этим причинам становится реальным развитие «воронки недоверия», которую можно представить в виде следующей схемы: наличие и рост интеллектуального долга → опасность отчуждения персональных данных и их использование в обход человека, включая политические цели и манипулирование → недоверие к политическим организациям, кандидатам и институтам, использующим анализ данных → недоверие к технологиям и частичный отказ от них как средство сокращения интеллектуального долга/использование технологий как инструмента сопротивления экспансии институтам контроля и регулирования. Опыт недавних протестов в Гонконге продемонстрировал возможность адаптации и использования цифровых технологий в противовес государственным структурам.

2. Размывание демократических институтов и механизмов плебисцитарной демократии. Распространение таргетированной политической рекламы на основе моделирования личности исходя из ее поведения в социальных сетях стали инструментами воздействия на потенциальный выбор избирателя, что дискредитирует ключевые положения плебисцитарной демократии. В этом отношении следует констатировать рост уязвимости выбора человека, так как микротаргетинг позволяет смоделировать его решение и поведение с последующим информационным воздействием: успех «информационного заражения» избирателей в президентской кампании Д. Трампа и участников референдума по членству Великобритании в ЕС стали причиной роста дискуссий о будущем механизма плебисцитарной демократии.

3. Проблема конфиденциальности и сохранения анонимности персональных данных. Современные исследования демонстрируют возможность точной идентификации пользователя на основании анонимных данных, размещенных в публичном доступе [18]. В техническом измерении это требует создания кросс-секторального массива анонимных данных, включающего, как минимум, 15 параметров информации о человеке (пол, почтовый индекс, дата рождения, группа крови и т.д.): при анализе 15 категорий «безымянных» анонимных данных с помощью ге-

неративных моделей и алгоритмов машинного обучения можно идентифицировать человека с точностью до 99,8% при охвате 100% населения США, или 99,6% — при охвате 1% населения.

4. Когнитивные ограничения алгоритмов и последствия решений, принятых на основе их результатов. Действия алгоритмов имеют когнитивные ограничения и допускают игнорирование отдельных аспектов ситуации [19, 20], поэтому внедрение в алгоритм ошибочных связей может исказить итоговые результаты и привести к непредвиденным последствиям. Это используется как аргумент в пользу противодействия внедрению алгоритмов в политические процессы и избегания избирательного использования анализа данных — data violence: к примеру, в Чикаго в алгоритмы машинного обучения, разработанные для отслеживания криминальной активности и распределения полицейских групп среди городских кварталов, была включена предпосылка о наличии взаимосвязи между тем, какой расы/национальности большинство проживающих в квартале и количеством преступлений в нем, что привело к росту полицейского надзора за конкретными этническими группами [21].

Предупреждение и нивелирование данных рисков становится возможным через развитие институциональной базы — законодательное регулирование сбора и использования персональных данных пользователей, а также через развитие человеческого капитала — совершенствование навыков использования современных технологий, которые позволяют сократить асим-

метрию информации между пользователями и разработчиками, получить базовые знания о защите персональных данных. Принятие в ЕС «Общего регламента по защите данных» в 2017 г. отражает необходимость участия политических институтов в законодательном регулировании и формировании этики использования персональных данных пользователей.

Таким образом, в настоящий момент можно наблюдать внедрение технологий big data в политические процессы, что обусловлено возможностями поиска ранее неочевидных взаимосвязей для совершенствования качества прогнозов и управления. Несмотря на указанные преимущества, опыт использования микротаргетинга в избирательных кампаниях продемонстрировал горизонт допустимых действий с точки зрения социальных ожиданий и одобрения: на первый план выходят различные политические риски, связанные с конфиденциальностью персональных данных, ростом ресурсов контроля и манипулирования, последствиями когнитивных ограничений алгоритмов. Как следствие, на международном и национальном уровнях следует ожидать инициирования процессов переговоров и согласования интересов различных сторон в вопросе законодательного регулирования сферы использования пользовательских данных, — уже в настоящий момент можно идентифицировать линии конфликтов и противоречий основных участников в лице национальных государств, технологических компаний (включая Big Tech), коммерческих организаций, криминальных структур, институтов гражданского общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Scott J. Two Cheers for Anarchism: Six Easy Pieces on Autonomy, Dignity and Meaningful Work and Play. Princeton University Press; 2012.
2. Rifkin J. The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the collaborative commons, and the eclipse of capitalism. Palgrave Macmillan; 2014.
3. Thaler R., Sunstein C. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth and Happiness. Yale University Press; 2008.
4. Kollmuss A., Agyeman J. Mind the Gap: Why do people act environmentally and what are the barriers to pro-environmental behavior? *Environmental Education Research*. 2002;8(3):239–260.
5. Lanham R. The Economics of Attention. Style and Substance in the Age of Information. Chicago: Chicago University Press; 2006.
6. Venturini T., Rogers R. “API-Based Research” or How can Digital Sociology and Journalism Studies Learn from the Facebook and Cambridge Analytica Data Breach. *Digital Journalism*. 2019;7(40):532–540.
7. Bruns A. After the “APIcalypse”: social media platforms and their fight against critical scholarly research. *Information Communication and Society*. 2019;22(2):1–23.
8. Jan F., Valikoski T-R., Grau J. Listening in the Business Context: Reviewing the State of Research. *The International Journal of Listening*. 2008;22(2):141–151.

9. Deulkar D., Gupta P. A Study on Usage of Online Personal Information by Data Brokers. *International Research Journal of Engineering and Technology*. 2018;5(5):3522–3527.
10. Golbeck J., Robles C., Edmondson M., Turner K. Predicting personality from Twitter. *IEEE International Conference on Social Computing*; 2011.
11. Quercia D., Lambiotte R., Stillwell D., Kosinski M., Crowcroft J. The personality of popular Facebook users. *Proceedings of the ACM 2012 conference on computer supported cooperative work*; 2012.
12. Segalin C., Perina A., Cristani M., Vinciarelli A. The pictures we like are our image: continuous mapping of favorite pictures into self-assessed and attributed personality traits. *IEEE Trans Affect Comput*. 2017;8(2):268–285.
13. Kramer A.D., Guillory J.E., Hancock J.T. Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks. *Proceedings of the National Academy of Science of the USA*. 2014;111(24):8788–8790.
14. Fording R., Schram S. The Cognitive and Emotional Sources of Trump Support: The Case of Low-Information Voters. *New Political Science*. 2017;39(4):670–686.
15. Мухаметов Д.Р. Проблемы и перспективы реализации концепции «Умный город» в России (на примере Москвы). *Мир новой экономики*. 2019;13(3):81–88.
Mukhametov D.R. Problems and prospects of realisation of the concept “smart city” in Russia (on the example of Moscow). *World of the new economy*. 2019;13(3):81–88. (In Russ.).
16. Ерохина О.В. «Умная Москва»: новая концепция развития столицы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2018;8(3):6–10.
Erokhina O.V. “Smart Moscow”: a new concept of development of the capital city. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2018;8(3):6–10. (In Russ.).
17. Pentland A. *Social Physics: How Good Ideas Spread — The Lessons from a New Science*. New York: The Penguin Press; 2014.
18. Rocher L., Hendrickx J., de Montjoye Y.-A. Estimating the success of re-identifications in incomplete datasets using generative models. *Nature Communications*. 2019;10(1):145–171.
19. O’Neil C. *Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy*. N.Y.: Crown Books; 2016.
20. Pasquale F. *The black box society: The secret algorithms that control money and information*. Cambridge: Harvard University Press; 2015.
21. Гринфилд А. *Радикальные технологии: устройство повседневной жизни*. М.: Издательский дом «Дело»; 2018.
Greenfield A. *Radical Technologies: The Design of Everyday Life*. Moscow: Izdatel’skij dom Delo; 2018. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Данияр Рустямович Мухаметов — студент 1-го курса магистратуры факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия; исследователь Центра изучения трансформации общественно-политических отношений, Москва, Россия
mukhametovdaniyar@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Daniyar R. Mukhametov — 1-year master’s student, Department of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia; Researcher at the Center for Study of Transformation of Socio-Political Relations, Moscow, Russia
mukhametovdaniyar@gmail.com

Статья поступила 20.10.2019; принята к публикации 07.11.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.10.2019; accepted for publication on 07.11.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-150-155
УДК 330.101(045)

Формирование и развитие концепции человеческого потенциала

В.В. Сеницына

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-0398-4335>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению вопросов становления и развития концепции человеческого потенциала. Автором проведена аналитическая работа по изучению предпосылок возникновения данной концепции, а также рассмотрена эволюция подходов к определению понятий человеческого капитала и человеческого потенциала. Основопологающим фактором формирования человеческого капитала является определение сфер инвестирования в развитие индивидов. В целях изучения данного вопроса автором проведен временной анализ выделяемых иностранными и отечественными исследователями сфер инвестирования в формирование и развитие человеческого капитала, и представлено графическое отображение расширения перечня данных сфер в зависимости от этапов развития теории человеческого капитала. На основе сопоставления понятий человеческого потенциала и человеческого капитала автором раскрыто содержание понятия «человеческий потенциал» в широком и узком смысле, уточнен экономический смысл понятия «человеческий потенциал».

Ключевые слова: человеческий капитал; человеческий потенциал; способности; потребности

Для цитирования: Сеницына В.В. Формирование и развитие концепции человеческого потенциала. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):150-155. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-150-155

ORIGINAL PAPER

Formation and Development of the Human Potential Conception

V.V. Sinitsyna

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-0398-4335>

ABSTRACT

In this article, the author considers the issues of formation and development of the human potential conception. The author carried out analytical work on the study of the prerequisites for the origin of this concept, as well as considered the evolution of approaches to the definition of human capital and human potential. A fundamental factor in the formation of human capital is the definition of areas of investment in the individuals' development. To study this issue, the author conducted an interim analysis of the investment areas in the formation and development of human capital defined by foreign and domestic researchers and presented a graphical display of the expansion areas, depending on the stages of the theory of human capital development. Based on the review and comparison of the concepts of human potential and human capital, the author reveals the content of the human potential concept in a broad sense and a narrow sense, clarified the economic meaning of the human potential concept.

Keywords: human capital; human potential; abilities; needs

For citation: Sinitsyna V.V. Formation and development of the human potential conception. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):150-155. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-150-155

Происхождение концепции человеческого потенциала связано с особой ролью человека в современном обществе, развитие которого не ограничивается увеличением объема материальных ценностей и услуг и повышением материального экономического благосостояния, а характеризуется целесообразностью наделяния каждого человека условиями и возможностями, необходимыми для долгой и здоровой жизни, получения достойного дохода, доступа к услугам образования и здравоохранения, выявления и развития способностей и талантов в системе непрерывного образования.

Исторические предпосылки концепции человеческого потенциала можно проследить в работе А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». В своем исследовании А. Смит отмечает, что обеспеченность народа всем необходимым для жизни зависит от двух факторов [1, с. 84]. К первому относится мастерство, способности и рассудительность, необходимые для труда. Вторым является пропорция, в которой делятся люди, занятые в полезном труде и не занятые в нем. Однако обеспеченность народа зависит скорее от первого условия, в доказательство чего автор приводит пример дикого общества, в котором в труде занято практически все население, однако общество продолжает оставаться малообеспеченным. Таким образом, А. Смит в своей работе обращается к исследованию человеческих способностей и их вклада в богатство народа.

В своих трудах великий русский ученый М. В. Ломоносов отмечал высокую ценность человеческих знаний как одного из главных богатств страны. Особое место М. В. Ломоносов уделял проблеме подготовки квалифицированных специалистов из числа граждан страны, отмечая потребность в специалистах в области медицины. Необходимо не просто нанимать на работу иностранных граждан, обладающих высоким уровнем квалификации, но также развивать знания граждан своей страны путем обучения в иностранных высших учебных заведениях («для изучения докторства послать довольное число российских студентов в иностранные университеты»), развития образования в собственной стране («учрежденным и вновь учреждаемым внутри государства университетам дать между прочими привиле-

гиями власть производить достойных в доктора»), а также трудоустройства граждан своей страны в целях дальнейшего получения опыта («чтобы как в аптеках, так и при лекарях было довольное число учеников российских, коих бы они в определенное время своему искусству обучали») [2].

Исследования способностей индивидов к труду и их применения в процессе трудовой деятельности освещаются в работах К. Маркса, который отмечает, что труд может обладать различными характеристиками, в связи с чем может быть выделен средний общественный труд, по сравнению с которым более сложный труд представляет собой «проявление такой рабочей силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которой стоит большего рабочего времени и которая имеет, поэтому более высокую стоимость, чем простая рабочая сила» [3, с. 175]. Работодатель вкладывает средства в оплату труда наемных работников с целью использования их способностей и получения прибавочного продукта, а индивид расходует время и применяет способности для удовлетворения потребностей, «открытие, создание и удовлетворение» которых «порождается самим обществом» и которым соответствует «развитие постоянно расширяющейся и все более всеобъемлющей системы видов труда, видов производства» [4, с. 228].

Основоположник неоклассического направления экономической мысли А. Маршалл высказывает мысль о существующей взаимосвязи между накоплением богатства, ростом человеческих потребностей и возможностей по их осуществлению, вызванных общим прогрессом общества. Он выделяет человека в качестве фактора производства. В его трактовке знания играют определяющую роль в производственной деятельности, являясь «двигателем производства» [5, с. 208].

Формирование самостоятельной теории, для которой объектом исследования становится человек и человеческие способности по формированию и накоплению знаний с целью их преобразования в экономический ресурс, происходит в XX в. Термин «человеческий капитал» рассматривался Т. Шульцем как оценка способностей индивида к получению дохода с экономической точки зрения. При этом качество человеческого капитала ухудшается при отсутствии нагрузки, потому что безработица

негативно отражается на навыках, которые приобрели работники [6, с. 13], а решающим фактором в обеспечении благосостояния населения являются инвестиции в людей и в их знания [7].

Согласно работе Г. Беккера «Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ, с особой ссылкой на образование» инвестиции в образование и тренинги индивида подобны инвестициям в оборудование в бизнесе. «Обучение, компьютерные курсы, расходы на медицинское обслуживание и лекции о достоинствах пунктуальности и честности являются капиталом наряду с банковским счетами, акциями и заводами» [8, с. 15]. Они представляют капитал в том смысле, что влияют на улучшение здоровья, повышают доходы и обогащают человеческие знания.

В рамках исследования С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи [9, с. 303] в качестве человеческого капитала рассматривали как врожденные, так и приобретенные способности индивида. В рамках процесса формирования человеческого капитала определены инвестиции, которые индивид и/или его семья направляют на образование и приобретение квалификации, окупающиеся в течение времени посредством получения более высокой оплаты труда или приобретения навыков для выполнения задач, которым сопутствует получение большего удовлетворения.

Вопросы человеческого капитала также являются объектом исследований российских экономистов. М. М. Критский [10, с. 17] определил человеческий капитал как «всеобщее-конкретную форму жизнедеятельности, ассимилирующую предшествующие формы, адекватные эпохам присваивающего и производящего хозяйства, и осуществляющуюся как итог исторического движения человеческого общества к его современному состоянию». Таким образом, человеческий капитал выступает как соответствующая эпохе форма экономической жизнедеятельности, которая реализуется в качестве жизни индивидов [10, с. 5]. Р. И. Капелюшников анализирует человеческий капитал в качестве основного фактора экономического роста и отмечает, что инвестиции в человеческий капитал осуществляются в сферах «образования, производственной подготовки, охраны здоровья, миграции, поиска информации на рынке труда, рождения и воспитания детей» [11, с. 30]. В. А. Мау расширяет представление

о секторах развития человеческого капитала, обозначает их как «зону переплетения и взаимодействия не только социальных, но и физических, инвестиционных и политических проблем» [12, с. 116].

Сферы инвестирования в развитие и формирование человеческого капитала (наряду со сферами здравоохранения и образования, непосредственно связанными с развитием физических, духовных, культурных навыков, врожденных способностей и талантов индивида, расширением знаний и кругозора) постепенно, с развитием социально-экономической жизни общества, усложнением процессов, расширением информационного поля дополнялись такими областями, как поиск, приобретение и переработка информации, охрана окружающей среды, рождение и воспитание детей, обеспечение безопасности жизнедеятельности (в том числе — повышение безопасности труда). Расширение подходов к определению сфер инвестирования в целях развития человеческого капитала представлено на *рисунке*.

Понятие человеческого капитала неразрывно связано с понятием человеческого потенциала индивида, который создается человеком в течение всей жизни и развивается во всех сферах жизни индивида под влиянием его возможностей, потребностей и интересов. В работе российского экономиста А. О. Вереникина дано следующее определение: «Человеческий потенциал представляет собой совокупность созидательных способностей личности, используемых в целесообразной форме в процессе жизнедеятельности как отдельного индивидуума, так и всего общества» [13, с. 26]. Человеческий потенциал понимается И. В. Соболевой «как накопленный населением запас здоровья, общекультурной и профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности, реализующийся в сфере деятельности и в сфере потребления на основе рыночных и нерыночных механизмов» [14]. Российские экономисты Т. Д. Ромашенко и А. Е. Кисова понимают под человеческим потенциалом «совокупность экономических, социальных и институциональных отношений, возникающих между субъектами экономики по поводу формирования, распределения и использования всех элементов человеческого потенциала — как на структурном, так и на функциональном уровнях с целью преобразо-

Рис. / Fig. Эволюция подходов к определению сфер инвестирования в целях развития человеческого капитала / The evolution of approaches to defining areas of investment for the human capital development

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ваний социально-экономической системы» [15, с. 12]. О.И. Иванов определяет человеческий потенциал как «сформированные во взаимодействии с социальной средой совокупности систем универсальных и специфических потребностей, способностей и готовности различных социальных акторов выполнять общественно-необходимые деятельности, основные социальные роли, функции» [16, с. 38].

При реализации индивидом человеческого потенциала происходит его преобразование в человеческий капитал, получение стоимостной оценки заложенных и приобретенных способностей индивида. «Развитие человеческого потенциала включает, как формирование человеческих способностей к труду, так и использование этих способностей во время работы, что превращает человеческий потенциал в человеческий капитал — источник трудовых доходов» [17, с. 11]. Человеческий потенциал представляет собой «источник движения, самовозрастания капитала» [18]. Однако человеческий потенциал индивида может не найти своего воплощения в профессиональной деятельности его обладателя, но быть реализован в рамках его саморазвития, духовного совершенствования, спортивных достижений, воплощен в его увлечениях, что отражает целесообразность

рассмотрения категории человеческого потенциала в широком и узком смысле.

В авторской трактовке **человеческий потенциал, в широком смысле**, представляет собой совокупность способностей индивида, обеспечивающих ему возможность выполнять различные социальные роли и функции для достижения поставленных целей в личной и общественно-полезной деятельности с целью удовлетворения потребностей. В широком смысле фактором развития и реализации человеческого потенциала выступает получение индивидом удовлетворения от деятельности, сопровождаемой желанием расти и развиваться в данной сфере, обеспечивающей ему достойный уровень жизни, стабильное психоэмоциональное состояние, поддержание хорошей физической формы, культурное развитие и самосовершенствование.

С экономической точки зрения человеческий потенциал индивида, реализуемый в трудовой деятельности, преобразуется в человеческий капитал, становясь источником дохода для его носителя и источником экономического роста и социального прогресса для общества. **Человеческий потенциал, в узком смысле**, — это совокупность способностей индивида, создающих конкурентные преимуще-

ства в трудовой деятельности, наделяющих его свободой в выборе сферы применения своих способностей для получения вознаграждения.

В конце XX в. сформировались основные положения концепции человеческого потенциала, направляющим вектором экономического и социального развития для которой является человек. Рассмотрение категории человеческого потенциала неразрывно связано с изучением категории человеческого капитала, взаимосвязь которых отражается в рамках реализации человеческого потенциала в трудовой деятельности. Развитие человеческого потенциала, зависящее от обеспеченности индиви-

дов качественными и доступными услугами образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунального хозяйства, физической культуры и спорта, создания благоприятной, с точки зрения экологии, среды для человека, а также увеличения доходов, позволяющих расширять возможности выбора для индивидов, становится определяющей целью общественного развития. В то же время достижение баланса между формированием и использованием человеческих возможностей позволяет реализовывать человеческий потенциал, что делает его источником экономического роста и социального прогресса для общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nation. London; 1776. URL: http://files.libertyfund.org/files/220/0141-02_Bk.pdf.
2. Ломоносов М. В. О размножении и сохранении российского народа. Письмо к И. И. Шувалову от 1 ноября 1761 г. URL: https://memoirs.ru/texts/Lomnsv_RS_73_8_10.htm.
3. Маркс К. Капитал. Том 1. М.: АСТ; 2001.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2-е. Том 46. Часть 1. М.: Госполитиздат; 1968.
5. Маршалл А. Принципы политической экономии. Пер. с англ. Т. 1. М.: Прогресс; 1983. 415 с.
6. Schultz T. W. Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. 1961;51(1):1-17.
7. Schultz T. Investing in People. The Economics of Population Quality. University of California Press; 1981. 175 p.
8. Becker G. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. University of Chicago. Published by National Bureau of Economic Research. New York; 1994. 392 p.
9. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. М.: Дело Лтд; 1995. 864 с.
10. Критский М. М. Человеческий капитал. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та; 1991. 117 с.
11. Капелюшников Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России? Часть I. *Вопросы экономики*. 2013;(1):27-47.
12. Мау В. А. Человеческий капитал: вызовы для России. *Вопросы экономики*. 2012;(7):114-132.
13. Вереникин А. О. Человеческий потенциал экономического развития. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук: 08.00.01. М.; 2005. 335 с.
14. Соболева И. В. Воспроизводство человеческого потенциала: теория, методология, приоритетные направления. Диссертация ... доктора экономических наук: 08.00.01. М.; 2006. 297 с.
15. Ромащенко Т. Д., Кисова А. Е. Человеческий потенциал: методологические подходы к исследованию и проблемы реализации в условиях российской экономики. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2014;(3):10-15.
16. Иванов О. И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование). ИПРЭ РАН. СПбГУ. СПб.: Скифия-принт; 2013. 336 с.
17. Кадомцева С. В., Палочкина В. В. Модели финансирования развития человеческого потенциала при переходе к информационному обществу. *Социальная политика и социальное партнерство*. 2016;(3):10-23.
18. Вереникин А. О. Развитие и взаимосвязь «человеческого капитала» и «человеческого потенциала». Человеческий капитал и образование. Коллективная монография. В. Н. Черковец, Е. Н. Жильцов, Р. Т. Зяблюк, ред. М.: ТЕИС; 2009. 324 с.

REFERENCES

1. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nation. London; 1776. URL: http://files.libertyfund.org/files/220/0141-02_Bk.pdf.

2. Lomonosov M. V. About reproduction and preservation of the Russian people. Letter to I. I. Shuvalov on November 1, 1761. URL: https://memoirs.ru/texts/Lomnsv_RS_73_8_10.htm. (In Russ.).
3. Marx K. Kapital. Book 1. Moscow: AST; 2001. (In Russ.).
4. Marx K., Engels F. Literary Work. Second Edition. Book 46. Part 1. Moscow: Gospolitizdat; 1968. (In Russ.).
5. Marshall A. Principles of Economics. Transl. from Eng. Moscow: Progress; 1983. 415 p. (In Russ.).
6. Schultz T. W. Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. 1961;51(1):1–17.
7. Schultz T. W. Investing in People. The Economics of Population Quality. University of California Press; 1981. 175 p.
8. Becker G. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. University of Chicago. New York: National Bureau of Economic Research; 1994. 392 p.
9. Fisher S., Dornbush R., Shmalenzi R. Economy. Moscow: Delo; 1995. 864 p. (In Russ.).
10. Kritskii M. M. Human Capital. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta; 1991. 117 p. (In Russ.).
11. Kapeliushnikov R. I. Russia's Human Capital: What Is It Worth? Part I. *Voprosy Ekonomiki*. 2013;(1):27–47. (In Russ.).
12. Mau V. A. Human Capital: Challenges for Russia. *Voprosy Ekonomiki*. 2012;(7):114–132. (In Russ.).
13. Verenikin A. O. Human Potential of Economic Development. Dissertation for the degree of Doctor of Economic Sciences. Moscow; 2005. 335 p. (In Russ.).
14. Soboleva I. V. Reproduction of Human Potential: Theory, Methodology, Priority Areas. Dissertation for the degree of Doctor of Economic Sciences. Moscow; 2006. 297 p. (In Russ.).
15. Romashchenko T. D., Kisova A. E. Human Potential: Methodological Approaches to Research and Problems of Realization in the Russian Economy Conditions. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie*. 2014;(3):10–15. (In Russ.).
16. Ivanov O. I. Human Potential (Formation, Development, Use). St. Petersburg: Skifiya-print; 2013. 336 p. (In Russ.).
17. Kadomtseva S. V., Palochkina V. V. Funding Models of Human Development when Transferring to an Information Society. *Sotsialnaya Politika i Sotsialnoe Partnerstvo*. 2016;(3):10–23. (In Russ.).
18. Verenikin A. O. Development and Interrelation of “Human Capital” and “Human Potential”. Human Capital and Education. Monograph. V. N. Cherkovets, E. N. Zhil'tsov, R. T. Zyablyuk, eds. Moscow: TEIS; 2009. 324 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктория Владимировна Синуцына — аспирант кафедры политической экономии экономического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
palochkinavika@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Victoriya V. Sinitsyna — postgraduate student, Department of Political Economy, Economic Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Статья поступила 02.07.2019; принята к публикации 05.08.2019.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 02.07.2019; accepted for publication on 05.08.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-156-160
УДК 323.22/.28(045)

Современные политико-экономические вызовы национальной безопасности Российской Федерации

В.С. Карлаков
Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-2417-2889>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию основных политических и экономических вызовов, влияющих на обеспечение национальной безопасности и реализацию национальных интересов Российской Федерации. В статье представлено определение категории «вызов» в рамках реализации национальных интересов России. Продемонстрированы основные отличия понятий «вызов» и «угроза» в связи с тем, что отечественные исследователи рассматривают их в схожем значении. Автор определяет вызовы в качестве предпосылок угроз, исходя из отсутствия субъективных намерений и объективных возможностей субъекта нанести ущерб национальным интересам объекта. В статье выявлены причины и особенности экономических и политических вызовов в условиях обеспечения национальной безопасности. Указаны первостепенные объективные факторы, определяющие внутренние и внешние угрозы: позиции России на международной арене, географические особенности, формирование новой модели экономического развития. В качестве субъективных факторов, обуславливающих внутренние и внешние вызовы, автор выделяет отсутствие грамотной социальной политики и своевременной реакции региональной власти на социальные запросы, а также зависимость от экспорта минеральных ресурсов. В статье определено влияние вызовов и угроз на социальную сферу государства. Показано, что политические и экономические факторы в равной степени оказывают влияние на реализацию социальных проектов.

Ключевые слова: экономические и политические вызовы; национальные интересы; национальная безопасность

Для цитирования: Карлаков В.С. Современные политико-экономические вызовы национальной безопасности Российской Федерации. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019;9(6):156-160. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-156-160

ORIGINAL PAPER

Current Political and Economic Challenges to the National Security of the Russian Federation

V.S. Karlakov
Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-2417-2889>

ABSTRACT

The article presents the study of leading political and economic challenges to the national security and the realisation of national interests of the Russian Federation. In the article, the author defines the term “challenge” in the framework of fulfilment of national interests of Russia. Firstly, the author demonstrated the main differences between the terms “challenge” and “threat”, because domestic researchers consider these concepts as of similar meaning. The author defines the challenges as prerequisites for threats, based on the lack of subjective intentions and objective capabilities of the subject to harm the national interests of the object. Further, the author identifies the causes and characteristics of economic and political challenges in conditions of ensuring national security. The author identified primary objective factors determining internal and external threats: Russia’s position in the international arena, geographical features, and a new model of economic development. The author considers the lack of a competent social policy, the lack of a timely reaction of regional authorities to social needs, and mineral export dependence as subjective factors determining internal and external challenges. Finally, the author determined the influence of challenges and threats on the social sphere of the state, where political and economic factors equally influence the implementation of social projects.

Keywords: economic and political challenges; national interests; national security

For citation: Karlakov V.S. Current political and economic challenges to the national security of the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):156-160. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-156-160

В современных отечественных и зарубежных исследованиях, касающихся вопросов обеспечения национальной безопасности, отсутствует четкая демаркационная линия между понятиями «угрозы» и «вызова». Исследователи считают, что вызовы и угрозы — явления одного порядка, связанные с риском нанесения ущерба национальным интересам государства. При этом в нормативно-правовой документации существует только определение «угрозы». Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечено, что «угроза национальной безопасности» — прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, национальным интересам и безопасности Российской Федерации¹.

В литературе под угрозой понимается непосредственная опасность причинения ущерба национальным интересам и национальной безопасности, а под вызовом — противодействие реализации национальных интересов и обеспечению национальной безопасности в форме официальных и неофициальных контактов.

Несмотря на схожесть определений, между угрозой и вызовом существуют следующие отличия: во-первых, противодействовать вызовам легче, так как угрозы — это крайняя форма противоречий сторон; во-вторых, в отличие от вызовов, угрозы носят комплексный характер.

Российский исследователь М.Ф. Гацко для понимания категорий «угроза» и «вызов» предлагает учитывать два фактора: 1) субъективные намерения — замыслы противника, направленные на причинение ущерба национальным интересам; 2) объективные возможности — наличие сил и средств для реализации замыслов [1]. Так, в угрозе представлены оба фактора, а вызов характеризуется отсутствием явных субъективных намерений и объективных возможностей.

Внешнеполитические вызовы, стоящие перед Российской Федерацией, представляют особый интерес в контексте реализации национальных интересов и обеспечения национальной безопасности.

Важным направлением внешней политики Российской Федерации является Ближний Восток. В данном регионе задачи России как глобальной державы заключаются в содействии решению общих проблем в области безопасности. Активное участие России в ближневосточном регионе способствовало

не только освобождению значительной территории Сирии от ИГИЛ, но и созданию условий для мирного процесса и восстановления Сирии.

При этом основным вызовом для России в данном регионе остается угроза распространения идеологии радикального исламизма. Проблема терроризма рассматривается в качестве вызова, исходя из того, что террористическая деятельность боевиков ИГИЛ в последние несколько лет происходила в основном в ближневосточном и западноевропейском регионах (теракты во Франции, Германии). Тем не менее активная позиция России на Ближнем Востоке может способствовать экспорту терроризма сначала в страны Центральной Азии, а потом и на Северный Кавказ.

Историческое значение для внешней политики РФ имеет западноевропейский регион. После событий на Украине и присоединения Крыма отношения между Россией и странами Запада существенно ухудшились. В ближайшие годы не стоит ожидать отмены санкций, наоборот, они будут только ужесточаться. Возможны взаимовыгодные соглашения некоторых европейских стран с Россией, что связано исключительно с национальными интересами этих стран. Такой характер взаимоотношений, по мнению главы Совета по внешней и оборонной политике Ф. Лукьянова, связан с тем, что в настоящее время Европа сконцентрирована исключительно на решении внутренних проблем.

Разрыв экономических и финансовых отношений со странами Западной Европы привел к активизации «восточного» направления во внешней политике и экономике Российской Федерации. Учитывая усиление политической и экономической роли Китая в Азии, определенным вызовом для России является сохранение своих позиций в регионе. С одной стороны, страны центрально-азиатского региона, недовольные действиями России по устранению недостатков и барьеров на пути экономической интеграции и формирования единого рынка, а также низкой эффективностью ее модели социально-экономического развития, готовы переориентировать свою экономику на Китай.

С другой стороны, посредническая роль России в разрешении корейского конфликта может способствовать укреплению позиции нашего государства в данном регионе. Ключевая проблема состоит в том, что Китай из-за своего исторического значения и геополитической позиции в регионе имеет больше возможностей для урегулирования конфликта на Корейском полуострове. Политические, экономические, социальные процессы, происходящие

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://kremlin.ru/supplement/424>.

на постсоветском пространстве, имеют огромное значение не только для реализации национальных интересов, но и обеспечения национальной безопасности России. Политическая трансформация Украины сформировала новые вызовы и угрозы для России. Прежде всего, угрозу размещения ПВО на территории Украины в случае вступления страны в НАТО. Кроме того, потенциальную угрозу дальнейшей дестабилизации в регионе несет за собой военно-политическое противостояние представителей Вооруженных сил Украины с бойцами непризнанных Донецкой и Луганской Народных республик.

Определенные проблемные зоны существуют и в отношениях с Белоруссией. С одной стороны, идея союзного государства носит маркетинговый характер. Президент Республики Беларусь А. Лукашенко понимает, что в случае реального объединения России и Белоруссии его политическое влияние и позиции могут существенно измениться. Так, по мнению заместителя директора Института стран СНГ В. Жарихина, разговоры о братстве и сотрудничестве нужны Белоруссии для получения экономических преференций от России.

С другой стороны, вызывает опасение тот факт, что Белоруссия не признает территориальную целостность России (присоединение Крыма). При этом внешнеполитические действия белорусского руководства, такие как запрет на размещение в стране российских ВКС, а также отмена ограничений на число американских дипломатов в стране, способствовали активизации и расширению контактов Белоруссии с США и странами Европейского союза, в том числе по вопросам международной безопасности [2].

Таким образом, внешнюю политику Белоруссии можно рассматривать как попытку давления на Россию с целью получения экономических выгод. Тем не менее в перспективе такой внешнеполитический вектор Белоруссии может стать потенциальным вызовом и угрозой национальной безопасности России.

Помимо внешнеполитических вызовов и угроз, в России, как и в любой другой стране, есть определенные внутривнутриполитические проблемы. В частности, вопрос о необходимости формирования национальной идеологии, проблема кооптации новых политических игроков во власть, проблема развития федерализма.

В статье рассматриваются не менее актуальные вызовы национальной безопасности России, такие как дисбаланс между федеральной властью и региональной политической элитой, а также роль несистемной оппозиции в дестабилизации полити-

ческого процесса. Исходя из рассмотренной ранее модели М. Ф. Гацко, несистемную оппозицию можно рассматривать в качестве внутривнутриполитического вызова России. Это связано с тем, что, во-первых, трудно определить «субъективные намерения» несистемной оппозиции, так как она представляет собой разрозненные политические группы, лидеры которых не готовы отказаться от своих интересов и не способны скоординировать совместные действия для достижения общей цели — смены политического режима. Так, среди лидеров несистемной оппозиции стоит отметить С. Митрохина, Д. Гудкова, И. Яшина, А. Навального.

Во-вторых, «объективные возможности» несистемной оппозиции ограничены: с одной стороны, несистемных оппозиционеров финансово поддерживают западные страны, с другой — существует кадровый дефицит, так как главной опорой несистемной оппозиции является креативный класс, прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга, а также невозможность использования властного ресурса, в отличие от партий системной оппозиции, так как несистемная оппозиция действует в нелегальном поле.

Таким образом, на сегодняшний день несистемная оппозиция является вызовом национальной безопасности России. Тем не менее в современной мировой истории много случаев, когда оппозиция играла огромную роль в осуществлении цветных революций. В качестве политического вызова России могут рассматриваться особенности взаимодействия федеральной власти и региональных политических элит. Такое взаимодействие обуславливается необходимостью нивелирования социальных проблем и реализации национальных проектов. Политический вызов заключается в том, что нерешенные социальные проблемы и нереализованные национальные проекты могут стать факторами дестабилизации политической ситуации. В соответствии с Конституцией Российской Федерации государство проводит политику, обеспечивающую достойную жизнь и развитие граждан². Соответственно, накопление нерешенных социальных проблем в регионе приводит к росту недовольства не только региональной, но и федеральной властью.

При этом проведение прямых линий президента, с одной стороны, освещая эти проблемы, показывает осведомленность власти об их наличии, с другой —

---

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 21.07.2014). М.: Юрист; 2015. 48 с.

рассматривается в качестве предупреждения о возможных санкциях для губернаторов. Таким образом, федеральная власть рассчитывает на «лояльный» губернаторский состав, способный выполнять свои основные задачи.

Экономические вызовы и угрозы имеют не меньшее, чем политические, значение в контексте реализации национальных интересов и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Данные вызовы и угрозы обусловлены объективными причинами: с одной стороны, глобализационными процессами, а с другой — появлением после окончания острой фазы финансового кризиса новой модели экономического развития.

С экономической точки зрения глобализация имеет позитивное значение. Данный процесс связан не только с возможностью совместного использования разного рода ресурсов, с увеличением масштабов производств за счет условного «размывания границ» национальных государств, но и с учетом международного разделения труда, что способствует формированию единого экономического пространства. При этом политические акторы, руководствуясь исключительно национальными интересами и целями отдельных высокоразвитых государств, деформируют интеграционные процессы. Так, например, политика санкций и изменение конъюнктуры цен мирового рынка энергоносителей нанесли серьезный урон экономической безопасности России.

В результате развития глобализационных процессов транснациональные корпорации получили доступ к ресурсам разных стран и распределению доходов. Такая ситуация привела к обострению борьбы между странами за сферы влияния, ресурсы и доходы от них и, соответственно, к усилению дифференциации стран по уровню социально-экономического развития [3]. Исходя из мир-системной теории американского социолога И. Валлерстайна, глобализация приводит к разделению мира на «ядро» и «периферию», где развитые страны («ядро») используют страны третьего мира («периферия») в качестве поставщиков ресурсов и дешевой рабочей силы.

Исходя из модели российского исследователя М.В. Гацко, санкции являются угрозой экономической безопасности России. Это связано с наличием «субъективных намерений» (позиция США и европейских государств), а также «объективных возможностей» (технологии, финансовые рычаги). Политика санкций представляет собой ограничения на поставку технологий и оборудования нефтегазового, военно-промышленного комплекса, отраслей

машиностроения, технологий двойного назначения, а также финансовые ограничения — запрет на заимствование финансовых средств для российских банков. Основной причиной таких дестабилизирующих мер можно считать укрепление экономической мощи России и расширение ее влияния [3].

Основным вызовом экономической безопасности России является изменение международной модели экономического развития. Председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев отмечает, что новая модель — “new normal” («новая реальность») появилась после окончания мирового финансового кризиса. В данной модели акцент делается не столько на темпах роста, сколько на качестве такого роста. В данном контексте особое значение приобретает реиндустриализация — повышение доли промышленности в структуре экономики [4].

Вызовом для России в новых экономических условиях становится необходимость проведения структурных реформ. Основная задача реформ состоит в переходе от инерционно-сырьевой к инновационной экономике.

Центральное звено инновационной экономики — наукоемкие отрасли промышленности, определяющие вектор экономического развития и направленные на постепенный отход от «сырьевой модели». При этом в современных условиях предприятия приобретают большее значение нежели целые отрасли. Это связано с тем, что в разных отраслях могут быть предприятия, обладающие уникальными технологиями, способствующие инновационному прорыву [4]. Так, например, в Нидерландах сельское хозяйство — одно из главных отраслей для инноваций.

Определенным вызовом для российской экономики является политика импортозамещения. Такая политика не означает ограждение национальной экономики от иностранной конкуренции, что приведет к росту цены продукции при не самом лучшем ее качестве. Наоборот, в случае импортозамещения государство оказывает поддержку производителям отечественной продукции, конкурентоспособной как внутри страны, так и на внешних рынках.

Таким образом, вызовы и угрозы экономической безопасности России определяются субъективными устремлениями крупных политических игроков и объективным изменением модели экономического развития.

Активизация деятельности Евразийского экономического союза становится потенциальным внешнеэкономическим вызовом России. Данный аспект стал актуален после разрыва международ-

ных экономических и финансовых взаимосвязей России со странами Запада и необходимостью более активного развития сотрудничества не только со странами ближнего зарубежья, но и государствами Азиатско-Тихоокеанского и Центрально-Азиатского регионов. В последнее время в ЕАЭС произошли значимые изменения. Так, был принят новый Таможенный кодекс, направленный на упрощение и ускорение проведения таможенных процедур. С 2017 по 2018 г. произошло увеличение стоимостных объемов взаимной торговли стран ЕАЭС на 38%, а также сократилась доля импорта промышленной продукции.

Несмотря на положительные сдвиги в деятельности ЕАЭС, члены организации выразили недовольство как экономическими результатами союза, так и сохранением значительных барьеров и ограничений, препятствующих интеграционным процессам. С другой стороны, некоторые члены организации рассматривают ЕАЭС в качестве площадки для удовлетворения своих национальных интересов. Так, в декабре 2018 г. на заседании Высшего экономи-

ческого совета ЕАЭС президент Белоруссии А. Лукашенко обвинил Россию в несоблюдении равных ценовых условий на рынке ЕАЭС — российский газ для белорусских потребителей обходится в два раза дороже, чем для российских. Примечателен также тот факт, что страны — участники ЕАЭС считают, что Россия должна нести всю ответственность за решение проблем в реализации взаимных экономических связей.

В результате исследования внутренних и внешних вызовов России необходимо отметить следующие выводы: во-первых, экономические вызовы (политика импортозамещения, необходимость структурной реформы) обусловлены такой угрозой, как санкции, а к политическим вызовам относится возможный экспорт идеологии радикального исламизма на Северный Кавказ, активизация деятельности представителей несистемной оппозиции; во-вторых, нельзя разделять вызовы экономического и политического характера ввиду того, что любой вызов связан с нанесением ущерба национальным интересам и безопасности государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гацко М.Ф. Основы национальной безопасности. Ногинск; 2014. 130 с.
2. Чуфрин Г. Интересы России на постсоветском пространстве: современные вызовы и ответы. *Россия и новые государства Евразии*. 2019;(1):9–20.
3. Шевченко И.В., Мищенко Л.Я. Глобальные вызовы и угрозы национальной экономической безопасности. *Современная экономика: проблемы и решения*. 2014;(12):100–108.
4. Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и Глобальные вызовы. *Вопросы экономики*. 2015;(10):5–29.
5. Кравчук А.А. Категории «вызов», «опасность», «угроза» в теории национальной безопасности. *Вестник ЗабГУ*. 2016;(11):65–74.

REFERENCES

1. Gacko M.F. National Security Fundamentals. Noginsk; 2014. 130 p. (In Russ.).
2. Chufirin G. Russia's interests in the post-Soviet space: modern challenges and answers. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii*. 2019;1:9–20. (In Russ.).
3. Shevchenko I.V., Mishchenko L. Ya. Global challenges and threats to national economic security. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya*. 2014;12:100–108. (In Russ.).
4. Medvedev D.A. New Reality: Russia and Global Challenges. *Voprosy ekonomiki*. 2015;10:5–29. (In Russ.).
5. Kravchuk A.A. Categories “challenge”, “danger”, “threat” in the theory of national security. *Vestnik ZabGU*. 2016;11:65–74. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Сергеевич Карлаков — аспирант факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
vkarlakov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir S. Karlakov — postgraduate student, Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
vkarlakov@mail.ru

Статья поступила 13.10.2019; принята к публикации 05.11.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 13.10.2019; accepted for publication on 05.11.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА» ЗА 2019 ГОД

№ 1

К ЮБИЛЕЮ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Силласте Г.Г.

К 60-летию Российского общества социологов и к 23-летию преподавания социологии в Финансовом университете. 6

ТЕМА НОМЕРА: МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А.

Специфика критического мышления российской молодежи в условиях цифровизации. 14

Кафтан В.В.

Формирование профессиональной культуры молодежи в условиях цифровой экономики: зарубежный и отечественный опыт 24

Шатилов А.Б.

«Мягкие» технологии российской власти по профилактике и нейтрализации экстремистских проявлений в молодежной среде в 2000–2010-е годы. 32

Осинина Д.Д.

Ценностно-мировоззренческие установки молодежи как основа противодействия радикальным и экстремистским настроениям в студенческой среде 38

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Галас М.Л.

«Мягкая сила» как инструмент стабильности общественно-политической формации современной России 44

Герасимов С.В.

Событийное конструирование реальности: социально-политические возможности 51

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Матковская О.Г., Сидорович К.Ю.

Факторный анализ социально-экономической дифференциации регионов (на примере Республики Беларусь) 59

Шорохов В.Е.

Перспективы антикоррупционной политики в современной России. 66

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Дьячкова К.Ю., Честных Ю.С., Зверева Т.В.

Социальные ожидания потенциальных интернет-предпринимателей от налоговой системы РФ 71

Неткачев К. И.

Ответ национальной экономики на вызовы «цифры» 77

РЕЦЕНЗИИ

Трошин А.А.

Рецензия на монографию «Министры финансов: от Российской империи до наших дней». 82

ТЕМА НОМЕРА: К 100-ЛЕТИЮ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Тюриков А.Г., Большунов А.Я.

Информационные технологии как социальный вызов XXI века 6

РЕИНТЕГРАЦИЯ КРЫМА: 5 ЛЕТ СПУСТЯ

Аринин А.Н.

Крым как механизм запуска реформ в России и роль правящей элиты в их проведении 11

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А.

Опыт применения системной теории государственного воздействия в анализе экономических преобразований: пример Китая и России. 19

Инь Хун

Развитие социалистической рыночной экономики: практика китайской рыночной экономической трансформации. 25

Пачкалов А.В.

Итальянские аристократические династии и их роль в становлении капитализма в Европе 31

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зубец А.Н., Новиков А.В.

Повышение качества медицинского обслуживания населения России: практические рекомендации власти 39

Пырма Р.В.

Электоральное участие молодежи в выборах президента России 2018 года. 50

Шаповалов В.Л.

Социальное благополучие граждан в программах российских политических партий 58

Бредихин А.В.

Этнические анклавы нестабильности юга России 70

Никифорова Е.А., Жигун Л.А.

Организационно-управленческий механизм профессиональной ориентации на ранних стадиях жизни и обучения человека 74

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Мухаметов Д.Р.

Теоретико-методологические основания исследования политических взаимодействий центра и регионов: интеграция моделей «Центр-периферия» и «Зомия» 81

Борисов Д.Н., Братковская М.Ю.

Политические аспекты внедрения цифровых технологий и принципов бюджетно-управленческой эффективности в субъектах Российской Федерации (на примере Центрального федерального округа) 86

РЕЦЕНЗИИ

Кривошеев Ю.В.

Рецензия на монографию «Средневековые города Нижнего Поволжья и Северного Кавказа» 92

ТЕМА НОМЕРА: СОВРЕМЕННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Понявина М.Б., Селезнев П.С.

Советский, российский и зарубежный опыт выявления талантливых учащихся. 6

Титов В.В.

Российская национально-государственная идентичность: социокультурные императивы трансформации 13

Осинина Д.Д.

Борьба ведущих мировых держав за формирование «кадрового резерва» элитного сообщества Казахстана в контексте стартовавшего транзита власти 18

Кулакова Н.Н.

Социальная роль и специфика военных ветеранских общественных организаций в политическом пространстве Российской Федерации 25

Узюмова Н.В.

Адаптация новых сотрудников как критерий социальной эффективности корпоративной культуры организации 31

**ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ:
ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОШЛОГО**

Ястремский А.М.

Из искры разгорится пламя. Страны Европы на пути к Первой мировой (105 – летию со дня начала Первой мировой войны посвящается) 35

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Зорин В.Ю.

Миграционная обстановка в Российской Федерации: проблемы и решения 40

Осипова Н.Г.

Методология анализа глобальных социально-политических феноменов в творчестве Питирима Сорокина 51

Ядгаров Я.С.

Моральная и нравственная политическая экономия: К 200-летию книги С. Сисмонди «Новые начала политической экономии» 58

Лапин А.А.

Экономическая дипломатия как вид дипломатической деятельности 65

**АКТУАЛЬНЫЕ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Иксанов И.С.

Роль суда Европейского союза в защите прав и свобод человека 73

Петросянц Д.В.

Сотрудничество российских и китайских университетов: quo vadis? 77

Измайлова М.А.

Эволюция формирования институциональной среды корпоративной социальной ответственности в России 82

Мирзаян Г.В.

Российско-американские отношения и их сирийский шанс 89

**СТАРТАП
МОЛОДОГО УЧЕНОГО**

Калитько И.И.

Политическая сатира М. Задорнова как инструмент патриотической мобилизации российского общества в 2000–2010-е гг. 98

Сейдалин А.Ж.

Анализ региональной политики в сфере оказания поддержки лицам с ограниченными возможностями 103

Лаффлах А.М.

Развитие агломераций как принцип территориального управления (на примере Московского региона) 106

Груздев В.Е.

Иерархия элитных сообществ современной Украины: ресурсный потенциал и политическое влияние 110

Владимиров И.А.

Гик-культура как новый молодежный социокультурный феномен современного российского общества 114

ТЕМА НОМЕРА: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА: ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ИДЕОЛОГИЯ

Расторгуев С.В. «Национализация российской элиты» как политический проект	6
Салин П.Б. Национализация элиты в России в 2010-е годы как элемент страховки политсистемы от реализации деструктивного сценария	13
Белоконов С.Ю., Игнатовский Я.Р., Печенкин Н.М. Динамика общественно-политических настроений и анализ результатов выборов в Республике Хакасия в 2018 году.....	19
Донец С.П., Бойко С.И. Религиозный фактор политики памяти в современных России и Беларуси: сравнительный анализ.	25

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Мелешкина Е. Ю. Запрещение коммунистической символики в посткоммунистических странах	36
Аликперова Н. В. Поведение потребителей: современные реалии и глобальные тренды	46
Махаматов Т.М. Философские основания искусственного интеллекта	52
Сургуладзе В.Ш. Многоликий фашизм: опыт осмысления понятия	57
Пырма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие	63
Шатилов А.Б. Экология и политика: деструктивные аспекты идеологии экологизма и деятельности экологических организаций	70

РОССИЯ И МИР

Зубов В.В. Взаимодействие Европейского союза и Турции по проблеме миграционного кризиса: глубинные противоречия как следствие изменения геополитических реалий	78
Митрахович С.П. Взаимодействие партийных структур Европейского союза и Российской Федерации в дискурсе российских левых сил на примере «Справедливой России».....	83
Пашковский П.И. Особенности интеграционной политики Российской Федерации в отношении государств Балтии (1992–2009 годы)	88
Родачин В.М. Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России	93

**АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Большунов А.А., Тюриков А.Г. Конструирование и эффективность институтов финансовой грамотности	100
Разов П.В., Штепа С.Е. Социальные риски потребительского кредитования студенческой молодежи	106
Мартынова А.А., Шорохов В.Е. Государственная политика финансирования современной системы здравоохранения на примере Федерального фонда обязательного медицинского страхования	111
Василенко С.Б. Теоретический аспект политической деятельности неправительственных организаций в России	115
Пивкина Н.Ю. Умные города как новый стандарт качества жизни населения	120
Цюйюй Гаоянь Распределение политических рисков при вложении прямых иностранных инвестиций Китаем (эмпирическое исследование на основе данных за 2006–2017 годы).....	126
Архангельская Л.Ю., Бондаренко Н.О. Особенности функционирования суверенных фондов на рубеже XX–XXI веков.....	136

Ганина Е.В., Дубинина Г.А., Степанян И.К.

Кросс-культурный анализ билингвизма при подготовке иностранных студентов
к обучению профессионально ориентированным дисциплинам. 142

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Реброва В.В.

Социальная реклама как инструмент социального маркетинга
и способ формирования положительного образа бренда. 148

№ 5

ТЕМА НОМЕРА: ПУБЛИЧНАЯ И ЛАТЕНТНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Чепель С.Л.

Динамика электоральной активности и проблемы консолидации «новых демократий»
в посткоммунистических странах Европы 6

Каминская Т.Л.

Политические медиатексты и проблема доверия: современные вызовы 15

Михалёва Г.М.

Уличная активность как форма предвыборной агитации 22

Брега Г.В.

Международные санкции и внутренние угрозы в оценках российских предпринимателей. 31

Булатов А.Г.

Каналы рекрутирования высшей административной элиты России. 39

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Капто А.С.

Стратегия ЮНЕСКО в отношении молодежи 43

Мамедзаде И.Р.

Современная философия Азербайджана: достижения и перспективы. 49

Курyleв К.П., Данюк Н.С., Семибратов Е.В., Никулин М.А.

Архитектура евразийской безопасности сквозь призму российских концептуальных подходов 56

Пачкалов А.В.

Франкфурт-на-Майне как центр формирования западной финансовой олигархии 66

Замараева Е.И.

Факторы изменчивости социокультурной динамики в контексте межкультурной коммуникации. 73

Селезнёв П.С., Шалаев И.Л.

Национальная политика в многонациональном государстве: баланс интересов или гегемония власть имущих? . . 79

Харчилава Х.П., Башков Д.Ю., Мухин К.Ю.

Теоретико-методологические основы формирования концепций социальной науки,
влияющие на развитие человеческого капитала. 86

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Глотов В.И., Аржанов И.А.

НАТО и безопасность в Арктике: проблемы, возможности, перспективы. 92

Александрова О.А., Борковская Е.И.

«Купить нельзя арендовать»: Куда поставит запяточку столичная молодежь? 97

Галас М.Л.

Перспективы инвестиционной миграции в России как фактор предупреждения
социальных и экономических рисков и угроз 106

Петросянц Д.В.

Анализ позитивного и негативного влияния экологических организаций
на политические и экономические процессы в современной России 113

Аршин К.В.

Институты гражданского общества как агенты регулирования миграции. 120

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Лукьяненко К.Т.

Рост деструктивной активности в молодежной среде: причины и перспективы 125

РЕЦЕНЗИИ

Шатилов А.Б.

Элитологический аспект политики идентичности (Рецензия на монографию Сургуладзе В.Ш. Политика
идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: история, теория, практика) 129

**ТЕМА НОМЕРА: МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Большунов А.Я., Большунова С.А., Тюриков А.Г. Межкультурная коммуникация: вызовы глобальной трансформации жизненных миров	6
Шатилов А.Б. Академическая мобильность иностранных студентов гуманитарных и обществоведческих направлений в рамках политики «мягкой силы» Российской Федерации»	10
Салин П.Б., Юшков И.В. Советский опыт работы с иностранными студентами: геополитический аспект.	14
Митрахович С.П. Европеизация и модернизация дискурса гражданского общества и политических партий	18
Махмутова Е.В. Анализ опыта работы с иностранными студентами в России и Китае	24
Осинина Д.Д. Отечественный и зарубежный подходы к работе со студентами-иностранцами: «кадровый резерв» VS «мягкой силы».	30
Ярмак О.В., Цепкова А.С., Лысенко Е.А., Калинин И.Л. Информационные потоки крымского и украинского сегментов интернета: контент-анализ сообщений сетей facebook и ВКонтакте	38

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Кузнецов А.В. Экономическая устойчивость России в условиях технологических трансформаций.	45
Ядгаров Я.С., Сидоров В.А., Соболев Э.В. Векторы развития современного рыночного хозяйства	53
Шашкин П.А. Институциональные особенности гражданской службы неовеберийского государства (Neo-Weberian State) в механизме управления современной военной организацией	62
Толкачёв С.А., Комолов О.О. Государственная политика поддержки обрабатывающих отраслей промышленности в России в условиях международных санкций	72

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аликперова Н.В., Проскура М.А. Формирование моделей страхового поведения столичной молодежи.	82
Назарова Н.А., Антонович С.А. Развитие института лидерства в научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях современной России	90
Родионова М.Е. Динамика отношений двустороннего сотрудничества России и Болгарии на современном этапе	95
Пырма Р.В. Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети.	100
Мельничук М.В., Климова И.И. Манипулятивные средства языка в рекламном дискурсе финансовых компаний.	111
Мирзаян Г.В. Российско-китайские отношения: временные попутчики или антиамериканская Антанта?	116
Захцер Е.М. Обучение английскому как иностранному. Составные сущительные.	125
Максимова О.И. Использование анкетирования студентов, обучающихся по направлению «социология», на занятиях по английскому языку.	133

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Пылова О.А. Ирредентизм Венгрии, Польши и Румынии на Западной Украине в контексте языковой политики Киева ..	138
Мухаметов Д.Р. Технологии big data в политических процессах: возможности и риски.	143
Синицына В.В. Формирование и развитие концепции человеческого потенциала	150
Карлаков В.С. Современные политико-экономические вызовы национальной безопасности Российской Федерации.	156